

A romantic scene from a movie featuring a man and a woman about to kiss. The man is leaning towards the woman, and they are both looking at each other with affection. The background is a soft, out-of-focus outdoor setting.

Ты никогда
не сможешь забыть
свою первую любовь...

ТОЛЬКО ТЫ

ВИВ ДЭНИЭЛС

Единственная ночь, которую они никак не могут забыть... Жизнь Тесс Макманн окутана секретами, которые она поклялась хранить: отец, который не хочет ее признавать, сестра, которая не знает о ее существовании, и мать — любовница и содержанка известного бизнесмена. Во время прохождения престижной летней стажировки Тесс знакомится с невероятно привлекательным Диланом Кингсли. Влюбившись в него, девушка позволяет себе мечтать о жизни безо всяких тайн. Но лето заканчивается, и вместе с ним прекращаются и их отношения — Дилан отправляется в Кантон, а Тесс поступает в государственный университет. Любовь, которую они не могут игнорировать... Спустя два года стипендиальная программа приводит Тесс в Кантон и обратно в жизнь Дилана. Их влечение к друг другу стало лишь сильнее, вот только у Дилана есть девушка... которая к тому же является ее сводной сестрой и законной дочерью их отца. Отказываясь идти по стопам матери, Тесс вынуждена сделать выбор: нарушить правила, которым она всегда следовала, или позволить Дилану вновь исчезнуть из ее жизни. ...И только один шанс принять правильное решение.

Глава 1

Мне исполнилось шесть, когда я узнала, что у моего отца есть другая семья. Да, он жил отдельно от нас с мамой, но для нашего квартала это было обычным явлением. Несколько раз в неделю папа появлялся дома и всегда дарил мне подарки на день рождения и Рождество. Всякий раз, навещая меня, он давал мне деньги, чтобы я могла купить себе мороженое в магазине за углом. Тогда я была слишком маленькой и не понимала, что таким образом он просто хотел выставить меня из квартиры. Однажды, в один из его визитов, я задремала, а проснувшись и услышав голоса родителей, доносящиеся из спальни, решила сама выгащить деньги из его бумажника. Вот тогда я и обнаружила фотографию. На снимке отец был запечатлен с блондинкой и светловолосой девочкой моего возраста. Наших же с мамой фотографий там не оказалось.

Я знала о существовании определенных правил, которых должна была придерживаться. Например, мне нельзя было говорить: «Это мой папочка», если вдруг я видела его за пределами нашей квартиры или замечала его фотографию в газете. Когда в восемь лет мне вырезали аппендицит, он ни разу меня не навестил, хотя крыло больницы, в которой я лежала, носило его имя. Правда он оплачивал мои брекеты, одежду и няню, которая присматривала за мной, пока они с мамой летали на Карибы.

В четырнадцать лет я снова увидела свою сестру. В тот год моя команда по легкой атлетике встречалась с командой из ее школы, располагавшейся на другом конце города. Во время ожидания своего следующего старта я отправилась к автобусу за рюкзаком и наткнулась на теннисный корт, где в этот момент тоже проходили соревнования. Конечно, вряд ли мне удалось узнать сестру среди изящных загорелых девушек, находившихся в это время на корте, но на трибуне я заметила отца. Он аплодировал и выкрикивал ее имя — Ханна. Каждый раз, когда ей удавалось заработать очко, она с гордостью смотрела в его сторону. Наблюдая за игрой, я просунула пальцы сквозь плетенное, состоящее из

ромбических ячеек ограждение, разделяющее меня и теннисный корт. В теннис Ханна играла гораздо лучше, чем я бегала спринты, участвовала в беге с препятствиями или в любых других легкоатлетических соревнованиях, на которые ставил меня тренер. Но когда осенью я победила на городской научной ярмарке, отец всё равно там не появился.

Я не знаю, заметил ли меня папа в тот день на корте, но вскоре после этого мама ни преминула мне напомнить о непреложной истине.

— Тебе следует вести себя более осторожно.

— Что? — с полным ртом спагетти переспросила я. В моей голове по-прежнему роились мысли лишь о задачах по алгебре.

— Это естественно, проявлять любопытство по отношению к... ней. Думаешь, мне бы самой не хотелось взглянуть?

К ней?

— Ты имеешь в виду другую дочь отца? Или его жену?

— Но мы не должны этого делать. Наша квартира сама себя не оплатит. Впрочем, это касается и еды, которую ты ешь, и одежды, которую носишь. — Мамиными картинками всё это тоже не оплатить. Иногда, когда у нее не было заказов, она устраивалась на работу секретарем или в магазин одежды, но никогда надолго там не задерживалась. Всякий раз, когда на пути ее очередного проекта вставала монотонная работа с девяти до пяти, убивающая ее творческие способности к созиданию, вмешивался отец.

— Стивен нас поддерживает, хотя и не должен этого делать.

— Вообще-то, должен, — возразила я со всей категоричностью, на которую был способен четырнадцатилетний подросток. — По закону обязан.

— Закон не даст нам и половину того, что дает Стивен по собственной воле, Тесс, — усмехнувшись, произнесла мама. — Он помогает нам, потому что любит нас. Он любит тебя. Ты его дочь.

Я вспомнила, как папа поддерживал Ханну во время теннисного матча. Мне же он был отцом только в этой квартире. И нигде более. Внешностью я мало походила на него. Я скорее была похожа на маму с ее темными волосами, заостренным подбородком и фигурой голливудской звезды из старого черно-белого фильма. От Свифта мне достались только большие и ясные глаза, цвет которых был трудно определить: то ли серо-голубые, то ли каре-зеленые. Когда мы изучали генетику, мой партнер по лабораторной оказался в затруднительном положении, пытаясь определить их оттенок, пока наш учитель не сказал ему обозначить его как «светло-коричневый».

— Мы многим ему обязаны, Тесс. И если по нашей вине он пострадает, мы потеряем всё.

*****

Смысл ее слов я поняла лишь три года назад, когда меня приняли в университет Кантона, альма-матер моего отца. Вернее, всех Свифтов на протяжении последних ста лет. Как и больница, в которой мне удаляли аппендицит, корпусы университета также носили его имя. Кантон мог похвастаться одним из лучших отделений биоинженерии в стране — благодаря щедрым пожертвованиям «Кантон Хемикалс», одному из немногих предприятий в городе, к которому мой отец не приложил руку, и они хотели заполучить именно *меня*.

Я полагала, что папа будет гордиться мной — несмотря на то, что мы должны были

хранить его секрет, я всё же следовала по его стопам.

— Кантон? — удивился он, когда спустя неделю после получения письма о зачислении, заехал к нам в гости. — Я не совсем понимаю. Ты получила стипендию?

— Нет. — От нехорошего предчувствия у меня скрутило желудок. — Я рассчитывала на ссуду и...

— Мне не нравится, что ты собираешься влезать в долги ради обучения, Тесс, — прервал он меня. Моя мать одарила его своей лучезарной улыбкой и сжала его руку. — Вот что я тебе скажу. Если ты поступишь в государственный университет и примешь «блестящие стипендиальные программы», которые они предлагают учащимся с твоими оценками, я оплачу всё остальное. Проживание, питание, учебники — всё что угодно.

— О, Стивен! — изумилась мама, положив руку ему на плечо.

Я перевела взгляд на конверт из Кантона в своей руке. Его глянцевою обложку украшало множество картинок: улыбающиеся счастливые студенты, валявшиеся на зеленой лужайке, стремящаяся высоко в небо сводчатая арка свифтовской библиотеки, паренек, играющий на виолончели, и девушка в защитных очках, которая проводила опыт, наполняя пробирку светящимся веществом. Кафедра биоинженерии Кантона могла гордиться победителем премии Коула¹, двумя обладателями стипендии Слоана² и уникальнейшей лабораторией. Выпускники их научных программ могли в дальнейшем продолжить обучение в лучших медицинских учебных заведениях или приступить к работе над докторской диссертацией. Конечно же, я прошерстила учебную программу, которую предлагал государственный университет, ведь это был мой запасной вариант. У них тоже был сильный и приличный учебный курс, но его нельзя сравнивать с программой в Кантоне. И к тому же мне придется бороться с другими студентами за право записаться на лучшие занятия и доступ к лаборатории.

Но Кантон является частным учебным заведением. Даже взяв кредит, смогла бы я потянуть столь дорогое обучение?

— Ну, что скажешь, детка?

— Что, если, — медленно начала я говорить, — мы воспользуемся этими деньгами на обучение в Кантоне? Я могла бы остаться жить здесь. Это позволит сэкономить немного денег...

Губы отца сложились в тонкую жесткую линию, взгляд похолодел, отчего его глаза стали напоминать холодные глыбы гранитного камня.

— Я говорил о другом. Если бы ты поступила в государственный университет, обучение в котором бесплатное, я бы оплатил твои расходы на проживание. Конечно, при условии получения хороших оценок.

Это не проблема. Мои оценки всегда были высокими.

Когда я ничего на это не ответила, отец вздохнул и покачал головой.

— Тесс, ты всегда мне казалась практичной девушкой. Я дам тебе время, чтобы немного подумать. Обмозгуй это, хорошо? Знаю, ты сделаешь правильный выбор. Государственный университет — хорошее место для тебя.

Как и просил папа, я обдумала его идею, более того, я даже составила подробную таблицу расходов для каждого варианта. Как-никак составление различных расчетов мне отлично удавалось. Я же, по его словам, всегда была практичной девушкой. Но когда на следующее утро я показала маме расчеты, которые так скрупулезно составляла, она едва на них взглянула.

— Тесс, — покачав головой и прижив кофейную чашку к губам, произнесла она. После стольких лет след оставленной на ней губной помады смыть было невозможно. — Пойми, отец не даст тебе деньги на учебу в Кантоне, ты получишь их только в случае учебы в государственном университете.

Я указала ей на несколько цифр.

— Но если ты взглянешь вот сюда, то увидишь...

Мама вздохнула, тем самым напоминая мне отца.

— Милая, пора взглянуть фактам в лицо. В следующем месяце тебе исполнится восемнадцать, и, так или иначе, твой отец не обязан давать тебе ни цента.

Слова мамы, которые словно ударили меня по лицу, причиняли большую боль. Должно быть, она заметила мою реакцию, потому что продолжила уже в более мягкой форме.

— Я понимаю, ты считаешь, что обучение в Кантоне — это нечто особенное, но я знаю, какая ты умничка. Ты сумеешь отлично провести время и в государственном университете. Поступив туда, ты тем самым сможешь осчастливить отца, а хорошая учеба позволит ему гордиться тобой. И тогда, возможно, он поможет тебе с магистратурой, медицинской школой или с чем-нибудь другим, чем ты захочешь заняться.

Я посмотрел на свои расчеты, аккуратно расположенные поверх конверта из Кантона.

— Ты меня понимаешь?

Да. Я все понимала: и когда в восемь лет оказалась в больнице, и когда в двенадцать мне сняли брекеты, и в четырнадцать, стоя за изгородью теннисного корта. Стивен Свифт установил свои правила, и мы были вынуждены им следовать.

Я выбрала государственный университет, папа выписал чек, но никого из нас невозможно было этим обмануть. Когда в этом году я заняла второе место на государственной научной ярмарке, мама была там и поддерживала меня, отец, в свою очередь, даже не прислал цветов. Когда я стала финалистом регионального конкурса «Сименс», мое имя — Тереза Макманн — появилось в центральной газете. Пусть мама и вырезала заметку, повесив ее в рамке на стену в нашем коридоре, я втайне надеялась, что отец не заметит ее, дабы избежать вопросов о гранте в три тысячи долларов, который я получила.

Он ничего нам не должен, но мы по-прежнему обязаны ему всем.

Глава 2

Впервые лето после окончания школы я проводила вдали от дома. Вместе с сотней других подростков я получила приглашение провести три недели в научном лагере университета Корнелла. Три исследовательских курса, преподаваемых настоящими учеными, место в кампусе, питание в столовой — и всё это за счет гранта для одаренных и талантливых школьников, которые планировали развитие своей будущей карьеры в области науки и техники. От нас с мамой требовалось лишь достать деньги на карманные расходы и билет на самолет. К тому же, у меня остались кое-какие сбережения после участия в научном конкурсе «Сименс».

Оказавшись на борту самолета, я почувствовала себя свободной как никогда в жизни. Нам не пришлось просить денег на поездку у отца, а, следовательно, и его разрешение мне не требовалось. Я не знала, что меня ждет в Корнелле. Учебу в старшей школе нельзя назвать лучшим периодом моей жизни, но и нелегким травмирующим испытанием, какой ее

представляли в фильмах для подростков, она не казалась. У меня были подруги, с которыми мы взяли напрокат лимузин на выпускной и развлекались исключительно в женской компании. Изредка я принимала участие в пижамных вечеринках, которые устраивала моя подруга Сильвия в тесной квартирке своей сестры. Помимо Сильвии в школе у меня была еще парочка подруг, с которыми я общалась, при этом понимая, что друзьями на всю жизнь мы вряд ли останемся. Когда вся твоя жизнь окутана тайнами, довольно трудно заводить близких друзей. Да и парня у меня никогда не было. Для большинства одноклассников я была «той девчонкой-зубрилкой». Здесь же мы все были такими. И это главное.

Моей соседкой по комнате оказалась пуэрториканка Кристина из Бруклина, основным предметом которой являлась биология. У нее были кудрявые волосы, а веки смахивали на павлиний хвост — слишком уж разноцветно были покрашены.

— Дерматология или пластическая хирургия, — объяснила она мне при знакомстве. — А твой предмет?

— Биоинженерия? — Мои слова больше походили на вопрос, чем на утверждение.

Ее павлиньи глаза оценивающе расширились.

— Жесть.

Я застенчиво пожала плечами, как делала это, выступая на научных ярмарках.

— Эмм, я считаю, что очень часто науку используют для уничтожения живого мира. Может, у нас получится сделать что-нибудь полезное для того, чтобы и в команде хороших парней прибавилась парочка очков.

— Ты только посмотри на себя! Само благородство, — произнесла Кристина с улыбкой на лице. — А я здесь для того, чтобы делать людей красивыми.

Кристина с ее подводкой для глаз, как я поняла позже, обладала гораздо высоким интеллектом, чем казалась на первый взгляд. Благодаря научной стипендии в Нью-Йорке она изучала процесс трансплантации кожи пострадавшим от ожогов. Но и ее макияж — тоже не шутка. Она два года проработала визажистом в «МАС» в торговом центре где-то на Манхэттене. И сам факт того, что я об этом центре ничего не слышала, очень ее возмутил. Помимо всего прочего, осенью она собиралась остаться в Корнелле.

— Льготы штата, детка³.

— Ух, я тоже собираюсь поступать в государственный университет. — Да уж, это вам не обучение в Лиге Плюща.

В таком ключе в течение всей ознакомительной встречи проходило большинство бесед с другими студентами. Каждый из нас рассказывал о том, что изучал, с каким проектом приехал сюда, какой колледж выбрал и свои планы на будущее. Складывалось впечатление, что все собравшиеся будут учиться либо в Гарварде, либо в Массачусетском технологическом университете, либо в Калифорнийском технологическом университете. Я даже слышала, что несколько человек собирались в Кантон.

Моя практичная разумная часть возобладала, и я не стала сочинять, будто еду в Оксфорд, что, кстати, обернулось для меня благом, поскольку я познакомилась с перспективным физиком, который как раз таки там и собирался учиться.

Я решила сходить в буфет.

— Хороший выбор, — услышала я чей-то голос, пока выбирала сырную тарелку.

— Простите? — Я обернулась.

На меня изучающе смотрели голубые глаза, скрытые за серо-металлической оправой очков. Пряди черных волос парня спадали ему на глаза, заслоняя их.

— Сыр. Его производят в местном сельскохозяйственном колледже.

— О, — произнесла я, глядя на белые кусочки сыра в своей тарелке. — Так эта местная еда?

— Совершенно верно. — Он протянул руку. — Я Дилан Кингсли.

— Тесс Макманн. — Я ожидала неизбежных вопросов: *Что ты изучаешь, куда собираешься поступать, зачем вообще переживать о том, кто ты есть*, но их не последовало. Я положила кусочек сыра на крекер.

— Подожди, — попросил он и зачерпнул ложкой солидную порцию черной массы из керамической формочки, стоявшей на подносе и, не спрашивая, густо намазал на сыр. — Попробуй с этим.

Так я и поступила. Резко-острый вкус сыра, смягченный ощущением сладковато-кремовой массы, взорвался во рту. Наблюдавший за мной Дилан изогнул губы в одобрительной улыбке.

— Вкусно, — проглотив, произнесла я. Вот только «вкусно» не достаточно подходящее определение. — Что это?

— Экологически чистый десерт из фиников и черники. Черника, кстати, тоже из Корнелла.

— А финики, значит, не отсюда?

— Нет, фиников здесь нет. — Как только он понял смысл, произнесенных им слов, на его щеках заиграл румянец.⁴ — Я имел в виду... — попытался объяснить он, покраснев еще сильнее. — Давай, хм, сделаем вид, что я этого не говорил.

— Конечно.

Парень усмехнулся сам себе.

— Спасибо. А я надеялся, что часть Дилана-ботаника осталась в прошлом, в старшей школе. Я собирался начать новую жизнь, представ в образе таинственного красавца.

— И цеплять цыпочек с помощью сексуально-бесполезной информации о сыре?

— Разумеется, — произнес он, притворившись оскорбленным. — Любую девушку можно впечатлить этой сексуально-бесполезной информацией.

— Судишь по опыту? — криво усмехнувшись, спросила я.

— Не совсем. — Яркий румянец уже сошел с его щек, но на лице по-прежнему сияла улыбка, делаая скулы парня такими милыми. Было трудно представить, что у него могли возникать проблемы со свиданиями.

— Тесс! — Я вытянула шею и увидела, как с другого конца комнаты мне машет Кристина. Она находилась среди множества других учащихся, приехавших в Корнелл. — Иди сюда и расскажи всем про свои водоросли.

— Водоросли? — спросил Дилан.

— Штука куда более полезная для здоровья, чем сыр, — пошутила я и направилась к своей соседке по комнате и к ее новым лучшим друзьям.

Когда я к ним подошла, Кристина продолжала пристально за мной наблюдать.

— Кто это?

— Еще один студент из Корнелла, — предположила я. Как ни крути, а он всё знал о сыре.

— Симпатичный, — произнесла она. — Расскажи ему, какой длины должны быть брюки, и получишь красавчика.

Я обернулась, снова бросая взгляд на Дилана. Он помахал мне, держа в руке кусочек

сыра. По правде говоря, я даже не обратила внимания на длину его брюк, пока Кристина не упомянула, что они коротковаты. Я была слишком занята, думая о его серо-металлической оправе очков. Подобных я раньше не видела.

Я оторвала от парня взгляд.

— Ну, тогда пусть будет осторожен, — произнесла я, словно это меньшее, что могло заботить меня в этом мире.

Кристина подняла голову и посмотрела на меня.

— У тебя есть парень, или ты просто ими не интересуешься?

— Последнее, — ответила я.

— Круто, — произнесла она. — Вообще-то я уже начала догадываться. Никакого макияжа...

— Что? — воскликнула я, осознавая, что именно она имела в виду. — Нет. Я не...

— Просто класс, детка. Я тебя не осуждаю.

Как я могла объяснить? Моей матери нравились парни, она их любила, сходила с ума от всех этих романтических штучек. И посмотрите, в конечном счете, куда ее это привело. Она стала любовницей женатого мужчины, растила незаконнорожденную дочь и жила в придуманном мире. Иногда я слышала ее разговоры с друзьями, которым мама рассказывала, насколько она рада сложившемуся положению дел, при которых каждый получал то, что хочет. Но мне лучше было знать. Я слышала ее разговоры по телефону с отцом. Мама умоляла его прийти, если он не появлялся несколько дней или недель. Я помнила все обещания, которые он ей давал, когда я была маленькой. Тогда они не подозревали, что я могу их подслушать. На протяжении многих лет мама считала, что отец ради нас оставит семью. Несколько раз она сажала меня в машину и отвозила к «нашему новому дому» в хорошей части города. Но ее ожидания не увенчались успехом.

Сейчас я не хотела ни от кого зависеть, как это делали мы с мамой. Я понимала, что была такой же слабовольной, как и она. Я могла отказаться от своей мечты ради счастья любимого человека. Взять хотя бы, к примеру, поступление в Кантон. Я понимала, что своей нерешительностью похожу на маму. Но одно я знала точно — я никогда не смогла бы быть с парнем, в которого не влюблена.

И весь этот путь до Итаке я проделала не для того, чтобы бегать на свидания. Я здесь, чтобы работать. Чтобы доказать самой себе, что смогу сделать нечто выдающееся.

*****

Дилан был не единственным студентом в моей группе по лабораторным работам, но именно он оказался за моим столом, в результате разделения нас на группы по фамилиям.

— Сыровар, — поприветствовала я его, бросив сумку на пол рядом со своим столом.

— Девушка-водоросли, — ответил он.

— Итак, ты биолог? — спросила я его.

Парень был одет в классическую голубую рубашку, серую безрукавку, которая делала его глаза темнее, напоминая по цвету оправу его очков. Он пожал плечами, легонько касаясь меня.

— Прямое попадание. — Он наблюдал за мной, пока я вытаскивала из сумки ноутбук и недавно заточенные карандаши. — Я кое-что о тебе нарыл.

— Сталкер. — Я написала дату в верхней части страницы, прижимая ластик к краю

бумаги, чтобы скрыть свое нервное состояние. Ну почему я не поискала информацию о нем? Прошлой ночью я потратила добрых полчаса, думая о его очках. Один недолгий визит на страницу в Фейсбуке, и, возможно, навязчивое преследующее меня чувство исчезло бы.

— Это был отличный проект.

Мой научный проект — единственный, из всех моих проектов, принимающих участие на конкурсах, оказался в финале — был на тему водорослей. В частности, о потенциальной возможности их выращивания в качестве источника пищи для домашнего скота. Никогда бы не подумала, что мой проект мог заинтересовать какого-нибудь симпатичного парня.

— Спасибо.

— Ты должна была победить.

— А ты должен был быть в жюри.

В передней части аудитории наш профессор откашлялся, привлекая таким образом наше внимание к началу лекции. В аудитории наступила тишина.

Дилан нежно и тихо рассмеялся и, наклонившись, прошептал мне на ухо:

— Для человека, который одержим идеей превратить грибочки в растительный материал, ты слишком колючая.

— К твоему сведению, — произнесла я, не глядя на него, — мой следующий проект будет посвящен кактусам.

Профессор начал свою речь, и мы оба, успокоившись, стали делать заметки. По крайней мере, я пыталась их делать, но выходило слишком коряво из-за бешено колотящегося в груди сердца. Почувствовав, как мои щеки начали краснеть, я наклонила голову над тетрадью, радуясь, что волосы, словно щит, загораживают меня.

Полюбуйтесь, это и есть Тесс Макманн, больше известная как королева флирта.

Когда профессор начал раздавать учебный план, я передала экземпляр Дилану. От соприкосновения наших рук мои нервы натянулись от возбуждения. Это безумие. Опустив глаза, я увидела, как он обвил ножки стула ногами, обутыми в сникерсы. На нем всё еще были короткие брюки. Хорошо. Надо запомнить. Дилан заерзал на стуле, когда наши глаза встретились. Он пристально смотрел на меня, а его волосы спадали на обод очков, едва касаясь скул.

О, Боже, с каких это пор я обращаю внимания на скулы?

— Что-то уронила? — спросил он меня.

Я покачала головой и продолжила слушать лекцию. Профессор в общих чертах излагал курс учебной программы. Она была разработана почти так же, как и программа колледжа, правда большая часть нашей курсовой работы делается или за пределами аудитории, или во время лабораторных занятий. У нас будет промежуточный экзамен, дипломная работа, и всё это за три недели обучения.

— Над вашим проектом, — продолжал рассказывать профессор Уайт, — вы можете работать как в одиночку, так и попарно.

В аудитории поднялся шум. Я продолжала делать записи с доски, не обращая ни на что внимания. Я никогда не любила работать в команде. В итоге вся работа ложилась на мои плечи, пока мои партнеры-халтурщики почивали на лаврах моей крови, пота, слез и оценок.

Когда урок закончился, мне удалось собрать свои записи и ноутбук, ни разу не взглянув на Дилана. Почти.

— Итак... — начал он. — Тесс, — произнес он чуть протяжно мое имя. Дилан смаковал каждую букву, будто пробовал кусочек сыра с чернично-финиковым джемом.

Рот тут же наполнился слюной. Я сделала вид, что очень занята, складывая карандаши в пенал, находящийся в моей сумке.

— Ты идешь обедать?

— Я собиралась перекусить сэндвичем, — ответила я. Если к концу стажировки я намереваюсь сделать стоящий проект, мне предстоит много работы.

— Великолепно, — сказал он. — Я тоже перехвачу по дороге. Так мы сможем подольше поболтать... — усмехнулся он, — о водорослях.

Перекинув рюкзак через плечо, я сделала глубокий вдох.

— Послушай, Дилан, ты... — *Симпатичный. Веселый. Лишающий самообладания*, — веселый и всё такое, но, пожалуй, мне следует кое-что тебе объяснить. Я здесь не для того, чтобы флиртовать, ходить на свидания или заводить отношения. Я приехала сюда работать. Раз ты всё про меня выяснил, то должен уже знать, что я не выиграла региональный конкурс научной ярмарки или конкурс «Сименс», и тот факт, что у меня появилась возможность быть здесь... Это на самом деле очень важно для меня. Я стремлюсь к тому, чтобы мой проект был лучшим в группе. А это значит, что у меня нет времени на всякие глупости.

Он моргнул, захваченный врасплох моими словами.

— О... хорошо. Понятно, значит никаких сэндвичей?

Закатив глаза, я отвернулась от парня, и, к счастью, он не последовал за мной.

Вернувшись в свою комнату, я включила компьютер. В голове уже крутились идеи моего сногшибательного трехнедельного проекта. Лениво постучав по клавиатуре, я застонала и открыла страницу на Фейсбуке. Поисквик выдал мне семнадцать Диланов Кингсли, но было достаточно легко обнаружить моего. Вернее, нужного мне. На аватарке он с поблескивающими на солнце стеклами очков стоял где-то на улице, улыбающийся во весь рот. Это что у него, ямочки? Я начала читать указанную в профиле информацию. Он живет в Пенсильвании, сейчас ни с кем не встречается. Образование: школа «SacredHeart», *Университет Кантона*.

У меня перехватило дыхание. Кантон. В отличие от остальных на первом собрании он не рассказывал, в каком университете планирует учиться. Внутри я почувствовала неприятный укол ревности. Частная школа, частный колледж, дизайнерские очки. Везет же ему. Ничего удивительного, что он решил проводить время за поеданием сыра и ухлёстыванием за девчонками. Остальная часть профиля не содержала никакой интересной информации. Типичные сообщения на стене от друзей и семьи. Кстати, у него огромная семья: старшая сестра, младшая сестра, малютка-братик, многочисленные кузены, дяди, тети, бабушки и дедушки. Я перешла на страницу с фотоальбомом, но, оказалось, там было не так много фотографий, как я думала. Может, он решил скрыть часть из них, но зачем?

В одном из фотоальбомов я увидела обложку, на которой были изображены мальчики в костюмах, стоящие на сцене. Я кликнула на нее. На сцене стоял маленький пухлый малыш, пожимавший руку пожилому мужчине во время вручения почетного приза. Маленький и пухлый, хм? Внезапно плохо сидящие брюки и отсутствие фотографий приобрели смысл. Дилан, которого я знала, был высоким и худощавым, с телосложением, больше напоминающим легкоатлета. Так вот что называют поздним созреванием. Лучше поздно, чем никогда. Фотография была связана с новостной статьей. Кликнув на нее, я принялась читать.

Спустя пять минут чтения у меня отвисла челюсть.

Как оказалось, Дилан был родом из семьи вундеркиндов, занимающихся проблемами

окружающей среды. Пока я в девятом классе выполняла посредственные научные проекты, изучая популяцию лягушек в местном пруду, он обратил внимание на несовпадение химических показателей. Сделав предположение, что находящаяся поблизости старая угольная шахта разрушается, он попытался довести информацию до владельцев компании, несущих ответственность за эксплуатацию этого объекта. Но те его проигнорировали. Не опустив руки, Дилан взял пробы воды во всей местности и с точностью определил место утечки. Он направил отчет о своих выводах экологической группе, которая указала горнодобывающей компании на экологические нарушения. Тем временем, Дилан получил грант от местного природоохранного органа, благодарность от ЕРА⁵ и продолжил свою работу. На фотографии как раз таки и запечатлена церемония награждения. Пока остальные впустую тратили время на школьных научных ярмарках, Дилан занимался *настоящей* наукой. Я уронила голову на руки и застонала.

Позже я заметила в своем почтовом ящике новое сообщение. Как только я увидела имя отправителя, мое сердце бешено застучало. Неужели на Фейсбуке можно отследить людей, просматривающих твой профиль?

«Тесс, после раздумий я решил принять твое сформулированное в достаточно категоричной форме предложение стать твоим партнером по проекту. Без шуток. Думаю, из нас получится отличная команда. Спроси кого угодно. Я хорошо знаю водные клеточные организмы, но мне отчаянно необходимо узнать больше о водорослях. Тем не менее, я бы хотел внести абсолютную ясность. Если мы будем работать вместе, ты должна знать, что к своим партнерам я предъявляю высокие требования. Это значит, отныне больше никаких кактусов. Только какти.» ⁶ Дилан».

Глава 3

В течение следующих трех недель я ни разу не услышала упоминания фамилии Свифт. В течение трех недель мне никто не говорил вести себя осторожно из-за риска разрушить свое будущее. Корнелл стал моей передышкой от всех ожиданий, — или их частью — которыми были отмечены все мои школьные годы. Здесь я не чувствовала себя одинокой. Казалось, все вокруг освободилось от стереотипов, преследующих их в школе. Стало неважно, какими прозвищами они были наделены: ботаник, урод, «пай-девочка» или еще что-нибудь в этом роде. Я даже заметила, как пару раз Кристина ходила на занятия без макияжа. Кстати, она научила и меня делать «смоки-айс» и правильно пользоваться карандашом для губ.

И в течение этих трех недель рядом был Дилан. Когда он объяснил мне свою идею, я тут же ухватилась за возможность стать его партнером. Он решил расширить мой эксперимент с водорослями, чтобы изучить возможный потенциал определенных их видов в качестве средства от загрязнения водной среды. Он называл это «двойной защитой».

— Мы могли бы создать нечто вроде биологического топлива.

Ну ладно, буду честна: я бы в любом случае ухватилась за такую возможность.

Работа доставляла удовольствие, увлекала и бросала вызов. Дилан оказался дотошным партнером, возможно, даже больше меня, отдаваясь работе. От него часто, бывало и в три утра, приходили электронные письма, содержащие подробную информацию о новых направлениях исследований.

«Твой сосед по комнате, должно быть, ненавидит тебя», — написала я ему в ответ, прочитав его сообщение по электронной почте в 7 утра.

Ответ пришел незамедлительно. Впрочем, как и всегда.

«Мой сосед по комнате провалил промежуточные экзамены. Парень изучает информатику, но слишком много уделяет времени играм и мало программированию. Что думаешь о статье, которую я тебе переслал?»

Я: *«Не читала. Некоторым из нас все-таки необходим сон».*

Он: *«Дилетантка».*

В этом весь Дилан: огромные объемы изнурительной работы, приправленные обильными шутками. Поведение, которое при встрече я приняла за явный флирт, по всей видимости, для моего партнера было в порядке вещей. Каждое его высказывание отдавало сарказмом, а любой разговор заканчивался очередной остротой. Если он когда-либо и был заинтересован во мне не просто в качестве партнера по проекту, то сейчас не подавал никаких признаков. Он был дружелюбным, добрым, щедрым и профессиональным. Большую часть времени мы тратили на разговоры о цветении водорослей и фитохимических соединениях. Иногда мы говорили о еде: Дилан был очень разочарован меню в столовой колледжа («Я ожидал большего от общежития тренировочного лагеря»), а порой он рассказывал и о своей семье.

У него огромная семья, состоящая из назойливых кузенов, сестер-черлидерш и теток — преподавателей университета, которые, судя по всему, развернули целую кампанию, чтобы организовать ему свидание на выпускной вечер.

— Самый конфузный опыт в моей жизни.

— Ну, — я ткнула его пальцем, — ей удалось добиться тебя?

— Да. — Парень загадочно улыбнулся. — Она была весьма сексуальна.

Оставшуюся часть вечера я потратила на изучение образцов под микроскопом, при этом задаваясь вопросом: насколько его выпускной вечер/ночь были жарким.

Пусть наша научно-исследовательская работа и ограничивалась разговорами, я нисколько не сомневалась, что другие партнеры по проекту на этом не останавливались. Кристина, постоянно собирающая сплетни по кампусу, держала меня в курсе дел. Ее парень остался в Бруклине, поэтому выживала она только за счет сплетен обо всех гормональных всплесках подростков, вышедших из-под контроля: секс, измены, разбитые сердца, студенты, пойманные в буквальном смысле со спущенными штанами, невзирая на строгую политику кампуса насчет «открытых дверей».

— А что насчет вас с Диланом? — спросила девушка, поигрывая изящными бровями. — Вы уже занимаетесь этим?

— Нет!

Она усмехнулась.

— *Нет?*

— Мы всего лишь партнеры по проекту, — настойчиво повторила я. — И всё.

И действительно, единственное, что нас связывало — это проект, даже несмотря на то, что его слова заставляли мое сердце биться быстрее, а кожа вспыхивала при случайных прикосновениях. Каждый раз после окончания работы над нашим проектом я ночами по несколько часов перебирала в голове каждый взгляд, улыбку и разговор. Однажды поздним вечером, когда парень склонился над моим плечом, показывая кое-какие цифры на экране компьютера, я ощутила прикосновение его груди к своей спине и его дыхание на своем ухе. Другим вечером Дилан поймал кончиком мизинца прядку моих темных волос и убрал ее от моего лица. А еще как-то вечером, могу поклясться, как только я поворачивалась к нему

спиной, тут же ощущала на себе его взгляд. Так день за днем, вечер за вечером, на учебе, после учебы мы обменивались сообщениями, разговаривали о нашем проекте, читали, работали и проводили исследовательские опыты. Несколько раз, когда мое желание обладать этим парнем зашкаливало, я начинала волноваться, что, если он прикоснется ко мне, я тут же расплачусь и открою ему все тайны своей души.

Я могла врать о своих чувствах Кристине, но не было никакого смысла притворяться перед самой собой. Хотя в этом нет никакого вреда, пока мне удастся скрывать свои чувства. После нашей первой лекции я сказала Дилану правду: я здесь, чтобы работать и добиваться результата. Он уважал это, и с его помощью я занималась именно тем, чем хотела. Всё остальное было моими личными проблемами, которые никого не касались. Я не была похожа на своих родителей, которые делали то, что хотели, не заботясь о последствиях, которые могут повлиять на их жизни или жизни других людей. У меня был проект, место в кампусе и Дилан со своим горячим стремлением к науке... Честно говоря, этого мне было достаточно.

И это было потрясающе.

В школе мне было тяжело найти человека, увлеченного научными исследованиями так же, как и я. Надо мной никогда не издевались, не высмеивали за большое количество времени, проведенное в лаборатории, или за мой интерес к участию в научных ярмарках и других конкурсах, но и друзей, которые бы разделяли мои увлечения, у меня не было. Сильвия, моя лучшая школьная подруга, никогда не выбирала естественные науки сверх минимальных требований, и пусть она всегда из вежливости спрашивала о моих проектах, интерес в ее глазах тускнел после очередного упоминания о клеточной структуре.

Но ни с Диланом, ни с другими ребятами, с которыми я познакомилась в Корнелле, такого не происходило. Мы с Диланом часами могли обсуждать различные методики, результаты или направления исследований. Его голубые глаза, скрывающиеся за стеклами очков, загорались неистовым пламенем, когда он начинал дискутировать об опасностях добычи сланцевого газа, перечислять исторические факты загрязнения воды или заявлять, что плевать он хотел на то, что нам приходилось каждый вечер задерживаться допоздна из-за необходимости включать графики линейной регрессии в финальную презентацию.

А успокоившись, с покрытыми пятнами щеками он начинал извиняться, тем самым напоминая мне мое же поведение перед своими школьными друзьями. Но в извинениях не было необходимости. Мне самой нравилось просиживать вечера напролет, умоляя руководителя лаборатории дать нам еще пятнадцать минут, сражаясь с графическими программами, о которых раньше ничего не слышала и которые, конечно же, оказались гораздо сложнее простых Excel-евских таблиц, используемых мною во всех школьных проектах.

Однажды поздним вечером после того, как мы несколько часов анализировали данные, склонившись над чашкой Петри,⁷ я со стоном рухнула на один из стульев лаборатории, обняв себя за плечи в бесплодной попытке размять затекшие мышцы.

— Вряд ли тебе удастся самой сделать себе массаж плеч, — раздался надо мной голос Дилана. — Это анатомически невозможно.

— Но всё же лучше, чем ничего. — Что ж, он прав. Мне бы пришлось приложить массу усилий, чтобы размять ладонями мышцы в попытках их расслабить. Сдавшись, я запрокинула шею и зевнула.

Через пару секунд я ощутила его руки, убирающие в сторону мои волосы. Его пальцы

ласково поглаживали основание моей шеи, круговыми движениями растирая ключицу.

— Позволь мне, — тихо прошептал Дилан, в то время как моя кожа начала гореть и покалывать от его прикосновений.

У меня перехватило дыхание. Я не могу. НЕ. МОГУ. Он надавил на мышечный узел на спине, отчего я прикусила губу, пытаясь сдержать стон.

— Так хорошо?

Повернувшись на стуле, я посмотрела на Дилана, который от удивления опустил руки.

— Да, — прошептала я. Наши лица находились в паре сантиметров друг от друга, когда мы столкнулись взглядами. Дилан снял очки, которые оставили крошечные красные отметины на его переносице. Без них он выглядел старше и казался более утонченным и привлекательным. Парень не двинулся с места, не отвернулся и не произнес ни слова.

И я поняла. Если я дотронусь до него, он позволит мне это. Если я поцелую его, он стащит меня со стула, и я тут же окажусь в его объятиях. Он хотел меня так же, как я хотела его. Сердце в груди колотилось так сильно, что меня удивляло, как это окна еще не начали дребезжать. Дилан явно не был заинтересован останавливать происходящее.

Поэтому это пришлось сделать мне.

— Мне пора идти, — произнесла я и схватила свою сумку. Он ничего не сказал, и я, не решаясь посмотреть в его сторону, выбежала из лаборатории.

*****

На следующий день мы оба вели себя так, словно ничего не произошло. К счастью, это был наш заключительный день совместной работы. Доделав последние штрихи в нашей презентации, мы отправили ее профессору Уайт на рассмотрение. На следующий день она попросила нас задержаться после урока.

— Прошлым вечером я изучила ваш проект, — начала она после того, как остальные покинули аудиторию, — и, должна сказать, он произвел на меня впечатление. Такой уровень тщательной детализации весьма редок для проектов первокурсников. Даже для программы такого уровня. Если вы не возражаете, я хотела бы показать вашу работу другим преподавателям.

— Мы же ученые, — произнес Дилан. — И хотим делиться результатами своих трудов.

— Мисс Макманн, — обратилась ко мне профессор, — прошлым вечером я заглянула в ваше личное дело. Я так понимаю, вы интересуетесь биоинженерией?

Я кивнула в ответ.

— В моем колледже эта программа изучается очень узко, но я собираюсь сделать всё возможное, чтобы попасть туда...

— Думаю, у вас не возникнет с этим много проблем, — произнесла профессор Уайт. — Я знаю одного профессора, с которым вам следовало бы встретиться. Если вы не возражаете, я с удовольствием свяжусь с доктором Стюартом и представлю вас друг другу.

Я просияла. Может, в университете штата будет не так уж и плохо.

— Спасибо!

— Насколько я знаю, доктор Стюарт преподает только старшекурсникам, но, если вдруг он подыскивает себе ассистента, я дам ему знать, что ты отличный кандидат.

Потеряв дар речи, я едва смогла выдать слова благодарности. Ведь я уж было подумала, что мне придется сводить концы с концами, разливая кофе.

Профессор Уайт еще не отпустила нас, однако я не могла не заметить, что Дилану подобного предложения не поступило. Очевидно, она полагала, что ему не понадобится протекция в таком колледже, как Кантон, в отличие от меня. Я буду вынуждена бороться за свободные места на предметы, необходимые для получения степени в университете.

Пока мы ждали лифт, на лице Дилана сияла улыбка.

— Отличная работа, девушка-водоросли. Кто мог бы подумать, что ты из всего этого сможешь сделать научный проект?

Легкий звук оповестил нас о прибытии лифта, и мы вошли внутрь.

Я всё еще чувствовала внутреннее напряжение. Повернувшись к Дилану, который в это время нажимал кнопку первого этажа, я бросилась к нему на шею.

— Спасибо, — прошептала я, крепко обнимая его. Да, проект был моим, но мне бы не удалось завершить его в одиночку. Это была идея Дилана, он помог перевести мои разработки на другой уровень.

Руки парня заскользили по моей талии, обнимая в ответ.

— Тесс...

По сей день я не могу понять, кто первым из нас начал действовать, кто сделал первый шаг. Внезапно его рот оказался на моих губах. Схватив меня за рубашку и сжав ее в своих кулаках, Дилан крепче прижал меня к себе. Я, запустив руки в его волосы, слегка их взлохматила. К тому времени, как двери лифта распахнулись, наше дыхание было тяжелым и прерывистым. Не отводя глаз, мы отпрянули друг от друга. Навсегда. *На веки вечные.*

— Снова собираешься сбежать? — наконец спросил он с тоской, которую я никогда раньше не слышала в его голосе.

— Нет, — ответила я, подходя ближе. — Нет.

Мы целовались до тех пор, пока двери лифта позади нас не закрылись. Как только кабина начала подниматься вверх, мы, с покрасневшими лицами и спутанными волосами, отпрянули друг от друга. Двери снова распахнулись на одном из верхних этажей и несколько студентов вошли внутрь. К счастью, никто из них не был мне знаком, хотя в данный момент я бы вряд ли смогла узнать и родную мать.

На первом этаже мы вместе со всеми вышли из лифта и направились к общежитию, сперва просто шагая бок о бок, но потом наши руки переплелись, и мы побежали к комнате Дилана.

— Я не был уверен... — Пока мы утопали в объятиях друг друга, ему каким-то образом удалось довести нас до его узкой кровати, на которую мы и упали. — Ты говорила, что приехала сюда лишь ради проекта...

— Тссс, — предостерегла я его. — Проект готов. Ты разве не слышал, что сказала профессор Уайт?

Звук, который издал Дилан походил то ли на смех, то ли на стон. У меня внутри всё перевернулось. Парень прижал меня своим тяжелым телом к кровати. В течение долго времени единственным, чем мы занимались, были поцелуи. Напряжение между нами нарастало, наши тела переплелись, неторопливо двигаясь в едином ритме.

— Тесс, — выдохнул Дилан рядом с моим ухом. — Я... — На мгновение он затаил дыхание, прижавшись лбом к моему лбу, словно пытаясь прочесть мои мысли. — Чего ты хочешь?

Я подняла взгляд на парня. Его зрачки были затуманены, рот приоткрыт, а губы припухли от поцелуев. Протянув руку, я стянула с него очки и положила их на стол рядом с

кроватю. Когда я раздвинула ноги, он удобно устроился у меня между бедер. Стоило мне аккуратно качнуть бедрами, как Дилан прикусил губу и зажмурил глаза.

— Я хочу тебя, — прошептала я, чувствуя, что мои слова звучат как-то нелепо. Так консервативно. Так расплывчато. — Я хочу, чтобы мы остались без одежды.

На этот раз его смех напоминал болезненный стон.

— Хорошо. Но мне следует тебе сказать, что хм... — Он вздохнул и открыл глаза. — Я никогда раньше этого не делал.

Так значит, ночь выпускного не была такой уж горячей. Или, может, Дилан просто не такой парень. Протянув руку, я положила ладонь на его щеку.

— Так же как и я. Но я хочу, чтобы это произошло сейчас.

Конечно, всё оказалось не так уж просто. Ему пришлось откопать презервативы, которые он привез с собой «на всякий случай», за что выслушал от меня львиную долю глупых усмешек. Происходящее мало напоминало сцены из фильмов с приглушенным светом и зажжёнными свечами. Для начала, сейчас было обеденное время, лучи солнца ярко и блистательно светили в окно комнаты общежития, испещряя наши тела светлыми и темными полосами от жалюзи. Дилан поцеловал каждую покрывающую мое тело полосу тени, отбрасываемую ими.

— Ты сейчас напоминаешь тигра, — заметил он.

Я вцепилась ему в спину.

— Ррр.

Но вскоре шутки остались в стороне. Дилан касался каждой частички моего тела, я отвечала ему тем же. Его рука обвила мои запястья, а пальцы другой заскользили вдоль горла, опускаясь вниз к моей груди, бедрам, пока не достигли чувствительного местечка.

Пальцы Дилана принялись двигаться внутри меня, а его рот изучал мою грудь до тех пор, пока рычащие звуки, которые я издавала, не стали более реалистичными.

— Тесс, — зарычал он рядом с моей кожей. — Боже, не делай так. От этого я схожу с ума.

— Сходи с ума, — взмолилась я. — Пожалуйста.

Но Дилан не стал торопиться. Целуя кончик моего носа, он постоянно интересовался, всё ли со мной в порядке. В ответ я обещала сказать ему, если что-то пойдет не так. Я слышала, что в первый раз бывает больно, но боли не было. Я слышала, что от первого раза не получаешь удовольствия, но как такое может быть? Это же Дилан.

Чуть позже мы лежали, небрежно укрытые простынями, а косые лучи солнца всё дальше и дальше исчезали от окна.

— Ты такая красивая, — произнес Дилан, проводя пальцем по моему подбородку.

— О, так значит, поэтому ты так стремился стать моим партнером по проекту? — с усмешкой спросила я.

— Нет, я хотел быть твоим напарником, потому что считал тебя лучшей, — ответил он. — Но флиртовал я с тобой, потому что считал тебя красивой. — Повернувшись ко мне, парень улыбнулся. — А уж комбинация этих твоих качеств — весьма сильная штука, которая заставляла меня последние пару недель принимать исключительно холодный душ. — В его словах не было ни капли неловкости. С Диланом такого просто не могло случиться. Он получал желаемое и не стеснялся этого. Подобное ощущение мне неизвестно.

— Ты мне очень понравилась, Тесс, но потом ты ясно дала понять, что тебя интересует только проект. Я и не думала, что у меня есть шанс.

У меня перехватило дыхание.

— Если бы мы поддались своим желаниям, то не смогли бы закончить нашу работу. — А ведь это было единственное, чего я изначально хотела. Для любого в моем положении проект должен был быть на первом месте.

— Твой самоконтроль поражает меня. — Он и понятия не имеет.

Когда Дилан склонился надо мной для очередного поцелуя, я позволила ему поцеловать себя. Дрожа в его объятиях, я позволила ему гораздо большее. Когда мы уже были на грани, Дилану пришлось встать за еще одним презервативом.

За окном начало темнеть, но ни одному из нас не было дела до ужина.

Вот так это началось.

Я думала о человеке, лежавшем рядом со мной. Его огромная любящая семья ждала его дома. Его будущее связано с Кантоном, где, несомненно, он произведет фурор в области науки. Возможно, он даже будет жить в здании, названном в честь моего отца.

— Когда тебе нужно уезжать в колледж? — спросил Дилан, словно читая мои мысли. — Общежития Кантона открываются рано. Но я могу отправиться туда в конце августа. Мне бы хотелось до отъезда увидеться с тобой.

Я пожала плечами.

— Не уверена, что это хорошая идея. — Я представила, как приезжаю домой на выходные в полной уверенности, что встречу с Диланом. Я буду вынуждена искать компромисс между предстоящими исследовательскими работами и потребностями во встречах с бойфрендом, живущим в трех часах езды от меня. Я представила всё то, что, в конечном счете, смогла бы сделать и всё, чего наверняка не смогу достичь, если свяжу свою жизнь с парнем из Кантона.

Как и моя мать.

— Почему? Твои предки настолько строгие? Я могу быть очень обаятельным. Родители любят меня. — Дилан откашлялся. — Мистер Макманн, я здесь, чтобы отвезти вашу дочь на научную лекцию.

Улыбка померкла на моем лице.

— Мой отец не... мистер Макманн. Он не живет с нами. — Я сделала глубокий вдох. Вообще-то я... незаконнорожденный ребенок.

Взрыв смеха сорвался с его губ.

— *Незаконнорожденный?* Никто так больше не говорит, Тесс. — Дилан повернул мой подбородок в свою сторону. — Я считаю тебя абсолютно законнорожденной.

Я не стала с ним спорить. Зачем портить время, которое у нас осталось?

Прежде чем я улетела домой, Дилан сообщил, что приедет в Кантон. И обещал позвонить. Вместо ответа я просто его поцеловала, поскольку у меня не хватило смелости пообещать нечто подобное.

*****

Дилан позвонил. Шесть раз. Написал три сообщения, один e-мейл, вероятно, беспокоясь, что со мной что-то произошло.

Я ему не отвечала. Увидев, что он удалил меня из друзей на Фейсбуке, я убедила себя, что так будет лучше.

Я уехала в колледж, находящейся в трех часах езды от дома и получила там должность

ассистента у того профессора биологии, появляясь дома лишь на праздники и мамин день рождения.

И на протяжении этих двух лет я ни разу не видела Дилана.

Глава 4

Спустя два года...

— Ну конечно, я рада за тебя, дорогая, — произнесла мама, когда я рассказала ей новости про свою стипендию. — Ты всегда хотела учиться в Кантоне. Вот только не представляю, как на это отреагирует твой отец.

— Вряд ли он что-нибудь скажет, — небрежно ответила я.

В свои двадцать лет я разбиралась во многих вопросах гораздо лучше, чем в семнадцатилетнем возрасте, а вот моя мама до сих пор не имела о них ни малейшего представления. Например, как получить стипендию и беспроцентные студенческие ссуды или подыскать должность лаборанта, чтобы покрыть расходы на учебники. В течение двух лет я отдавала всю себя учебе в государственном университете, но их программа обучения меня не устраивала. Зато программа в Кантоне как раз то, что нужно. Для меня многое значил перевод и академическая стипендия, которая покроет необходимые расходы на учебу. Даже мой бывший начальник, профессор Стюарт, одобрил мой перевод.

— Учеба будет полностью оплачена, так что нам не придется просить деньги у отца. И я собираюсь взять дополнительные смены в «Верде». Помнишь, это тот ресторан, в котором работает Сильвия. Поэтому я смогу помочь тебе с арендой и продуктами...

— Тебе не нужно помогать мне, — заговорила мама. — В прошлом месяце я получила комиссионные за последний заказ.

Что ж, мне всё равно придется помогать маме, если отец захочет отыграться на ней за мой переход в Кантон, ведь ей вряд ли удастся сохранить их самый большой секрет, находясь в трех часах езды от города. Если бы существовала возможность скрыть от него мой перевод, я бы так и сделала, но я знала, что для мамы нехарактерно что-то утаивать от отца. Просто мне хотелось надеяться, что он не будет наказывать ее за мой выбор.

Как я уже говорила, два года — особенно два года вдали от родителей — позволили мне многое переосмыслить. И не было никакого смысла напрягать мою мать плодами моих размышлений. Вот поэтому я и поставила родительницу перед фактом, когда уже зарегистрировалась в Кантоне на осенний семестр. Я отказалась от комнаты в государственном университете, продала свою жалкую дешевую мебель, упаковала все свои вещи в багажник поддержанного автомобиля и направилась домой, стиснув в руках расписание занятий в Кантоне, словно талисман. Не важно, какими доводами мой отец пару лет назад убедил маму отказаться от моего поступления, сейчас она бы не стала рисковать моей научной карьерой. Моя учеба в Кантоне не будет представлять ни малейшей опасности для сокрытия нашей маленькой семейной тайны. И уже очень скоро они убедятся в моей правоте.

Что ж, так сильно я еще никогда не ошибалась.

*****

Перед началом учебного года на кафедре биоинженерии устроили вечеринку. Я не часто

посещаю подобные мероприятия, но в этот раз решила, что будет неплохо до начала занятий познакомиться с как можно большим количеством преподавателей и однокурсников. До настоящего момента мне удалось поговорить только с деканом факультета и еще с двумя профессорами, которые проводили собеседование во время рассмотрения моего заявления на перевод. А по своему прошлому опыту с профессорами Уайт и Стюартом мне было известно, какие огромные возможности появляются благодаря связям. Поскольку в университет я перевелась, то для всех казалась темной лошадкой, даже несмотря на отличные рекомендации от предыдущих преподавателей и выделенную стипендию за академические достижения. Мне хотелось удостовериться, что каждый на кафедре уверен в правильности своего выбора.

Я выбирала наряд тщательнее, чем обычно: отказавшись от джинсов и футболок, откапала одно из облегающих платьев своей матери. Маме было всего лишь сорок, и у нас был одинаковый размер одежды. От нее мне досталась пышная соблазнительная фигура, хотя я была на несколько дюймов выше нее. Платье было симпатичным, но консервативным: серое с голубым отливом, классического покроя, овальным вырезом и узкими складками, доходящими до колен. Вместе с платьем я надела чулки и черные босоножки на низком каблуке. Когда я стояла перед зеркалом, стягивая волосы в высокий хвост, в ванную заглянула мама и улыбнулась.

— Тебе идет этот цвет, — сказала она. — Твои глаза приобретают темно-серый оттенок.

— Спасибо, — пробормотала я, догадываясь, что последует за этими словами.

— У тебя глаза твоего отца.

Да уж. Вспльчивые, припирающие к стенке глаза отца. Каждый раз, смотрясь в зеркало, я видела его пристальный взгляд, напоминающий мне, кто я такая и каким правилам подчинена вся моя жизнь. Джейсон, мой бывший бойфренд, однажды написал ужасное стихотворение обо всех оттенках моих глаз. И после он еще недоумевал, почему мы расстались!

Я немного подвела глаза и нанесла на ресницы тушь. Тем способом, которому меня обучила Кристина — та самая Кристина, которая всё еще давала жару в Корнелле и на мои новости о переводе в Кантон отреагировала следующим сообщением:

О, Боже мой, ты уже сообщила об этом Дилану?!?!?

Конечно же, я не собиралась этого делать. Я не общалась с Диланом Кингсли и стоически воздерживалась от просмотра его аккаунта на Фейсбуке, не собираясь предаваться любовным драмам своего друга. Я даже составила себе маршрут по кампусу, чтобы стороной обходить экологический факультет. Я не боялась столкнуться с Диланом, в конце концов, прошло два года, но и искать его у меня намерений не было.

Все-таки прошло два года.

Нанеся розовый блеск на губы, я закончила свой макияж. В последний раз я так прихорашивалась, когда собиралась на собеседование. Чаще всего меня можно увидеть в лабораторном халате с собранными в конский хвост волосами. С другой стороны, это все-таки Кантон. Я не желала этого признавать, но мне правда хотелось произвести на всех впечатление.

Я забралась в свой старенький хэтчбек и поехала в сторону кампуса. Заехав на парковку позади биоинженерной лаборатории, я извлекла новый блестящий студенческий парковочный талон и прикрепила его на зеркало заднего вида.

Территория государственного университета выглядела огромной и безликой. Исторический центр кампуса был заполнен множеством утилитарных построек, которых не найдешь в каталоге колледжа, в Кантоне же архитектура была изумительна. Начиная с живописного в стиле 18 века облицованного кирпичом дворика, где в основном располагались старинные здания (включая и одно из строений, названного в честь моего отца), и заканчивая, устремленными ввысь стеклянными стенами и атриумом, которые увековечивали известное здание биоинженерии. Каждое строение на территории кампуса отражало могущество и престиж Кантона. Учеба здесь была моей мечтой, к которой я никогда не переставала стремиться.

Когда я вошла на прием, проходящий в центральном вестибюле атриума, на меня нахлынула волна непонятно откуда возникшей паники. Я не знала здесь ни одной живой души. Некоторые из присутствующих были изысканно одеты, другие же, судя по тому, что на них всё еще были надеты лабораторные халаты, а на тарелках возвышалась гора креветок из буфета, выглядели так, словно только что завалились со двора или же на минутку улизнули из своих лабораторий. Я сделала глубокий вдох и решила, что пора чем-нибудь занять свои руки.

Стоя в очереди в баре, я увидела доктора Кавел, которая присутствовала на моем собеседовании.

— Тесс! — живо обратилась она ко мне. — Рада, что ты пришла. — Женщина постучала по плечу, стоящего перед ней пожилого мужчины. — Джон, это Тереза Макманн, она только что перевелась из государственного университета. Скорее всего, она будет изучать ваш курс биофотоники⁸ в следующем семестре.

— Я на это надеюсь, — по привычке добавила я. В прежнем университете было практически невозможно найти свободное место на курсе необходимой мне дисциплины. — Должно быть, Вы профессор Чэн.

Мы немного поболтали о моем переводе и прошлых исследовательских работах.

— Водоросли? Хм, — произнес доктор Чэн, обращаясь к доктору Кавел, которая, по-видимому, помнила мое резюме, где я упоминала свой старый проект для конкурса «Сименс». — И что это наши дети помешались на водорослях?

— Простите?

— Не обращай на него внимания, — посоветовала доктор Кавел, пожав плечами. — Он биомедик.⁹ А мы нуждаемся в притоке студентов с немедицинским уклоном, в противном случае люди могут начать думать, будто мы всего лишь сырьевой придаток «Кантон Хемикалс». — Женщина обвела глазами комнату. — Здесь есть еще один студент, который интересуется методами добывания биотоплива. Если он появится, я обязательно вас познакомлю.

Вооружившись газированной водой, я позволила доктору Кавел представить меня еще нескольким профессорам из преподавательского состава и сокурсникам. Мне задавали одни и те же вопросы, я же, в свою очередь, выслушивала рассказы о летних стажировках и путешествиях. Все мои собеседники показались мне довольно милыми, но, как и следовало ожидать, друг друга они знали лучше, чем я кого-либо из них. Через некоторое время лица и имена начали размываться и, извинившись, я направилась к шведскому столу.

По-видимому, это все-таки судьба, раз я вновь услышала его голос, ковыряясь в тарелке с сыром.

— Тесс? Тесс Макманн?

Подняв глаза, я обнаружила Дилана Кингсли, стоящего около стола напротив меня. Без очков, волосы аккуратно приглажены, детская пухлость щек, сохранявшаяся до восемнадцатилетнего возраста, исчезла навсегда, оставляя вместо себя лишь великолепные ровные скулы и острый подбородок. Худощавое тело подростка, которое мне с таким трудом удалось забыть, тоже претерпело изменения. На парне изящно смотрелся дорогой серый пиджак свободного стиля, надетый поверх «оксфордской» рубашки с низким вырезом, открывающим шею. И пусть мне были не видны его брюки, я с точностью могла сказать, что они были нужной длины.

— Дилан. Привет, — наконец смогла произнести я.

Он подмигнул мне.

— Ты перевелась в Кантон?

Я кивнула в ответ. Водоросли. Биотопливо. Мне следовало догадаться, что другой студент, о котором упомянули в разговоре те два профессора, окажется парнем, с которым я переспала. Это вам не государственный университет с десятками тысяч научных специальностей.

— У тебя сейчас профилирующий предмет биоинженерия?

— С уклоном на рациональное использование природных ресурсов, — добавил он. В течение секунды парень не мог оторвать от меня пристального взгляда, но по выражению его лица ничего невозможно было прочесть.

— Рад тебя видеть здесь.

— Я тоже, — вторила я, словно попугай.

Через какое-то время Дилан снова заговорил:

— Ты так и не перезвонила. — В его словах не прозвучало злобы, всего лишь легкий намек на укор. Слово он говорил о нитке, прицепившейся к рукаву.

Я это проглотила. Мне не было оправданий, или, по крайней мере, я не была готова поделиться ими с парнем, которого не видела с восемнадцати лет.

— Я знаю. Мне жаль, я...

— Это было больно. — Что ж, его откровенность никуда не исчезла. — Неделю или две. *Неделю или две?* Мне едва удалось сдержать изумление.

— Ну, — произнесла я, изо всех сил стараясь сохранять улыбку на лице, — я рада, что тебе так быстро стало лучше.

Его же сообщения хранились у меня в голосовой почте в течение нескольких месяцев. Пусть я и не перезванивала ему, но это не означало, что у меня не возникало такого желания. Несмотря на то, что мы не виделись, Дилан не выходил у меня из головы. Но отношения с ним были для меня слишком рискованными.

— И как тебе это удалось? — небрежно спросила я, запихнула кусочек сыра в рот.

— Переспал с огромным количеством девчонок, — ответил он.

Его ответ заставил меня поперхнуться. Трудно поверить, что мы ведем такую беседу, поедая сыр. Он протянул мне салфетку.

— Ты в порядке?

Я схватила салфетку и посмотрела на парня, пытаюсь сдержать кашель. Ну ладно, если честно, я заслужила это. Дилан с ухмылкой смотрел на меня, но его выдавали глаза, в которых плясали искорки смеха, а не гнева.

Что ж, в эту игру могут играть двое.

— Неужели? Как и я. У меня было *множество* девушек. — По правде говоря, у меня не

было девушек, всего лишь два парня.

Его брови выгнулись, а улыбка на лице стала шире. И никакого смущения. Юношеский румянец исчез, полностью замаскировавшись под красивым летним загаром.

— В самом деле? *Именно это* мне и хотелось услышать.

Я не смогла сдержать смех.

— Ну, еще бы ты не хотел.

Дилан не изменился. Он остался таким же, как и прежде: дружелюбный, забавный, добрый и искренний. Я нисколько не сомневалась в его злости на меня, но подозревала, что он не старался лелеять это чувство. Задолго до того, как мы переспали, нас связывала дружба.

— Так здорово, что ты здесь, Тесс, — спустя мгновения уже серьезным тоном сказал он. — Добро пожаловать в Кантон.

Вот и всё. Так я поняла, что мы снова будем друзьями.

*****

Я солгала, если бы сказала, что этой ночью мои мысли вертелись вокруг любых вещей кроме Дилана. В перерывах между подготовкой к первым парам я просматривала старую почту двухлетней давности, перечитывая нашу переписку: от самого первого электронного сообщения с предложением вместе работать над проектом (вплоть до записочек, сообщений и напоминаний) до последнего e-мейла, единственного из всех, на которое я бы никогда не ответила.

«Тесс, я переживаю, что с тобой что-то случилось. Не знаю, почему ты не отвечаешь на мои письма и не перезваниваешь. Мне бы хотелось, чтобы ты хотя бы попрощалась со мной. Люблю, Дилан».

Люблю. Он написал, что *любит*. Тогда я успокаивала себя тем, что всё это лишь глупости. Мы были близки всего лишь один день. Хотя кого я обманываю. Все эти письма тому подтверждение. Наши отношения длились не день. Они длились неделями: наши ежедневные встречи, каждодневная работа до позднего вечера, наши исследования и изыскания, смех и шутки. Тот полуденный день, проведенный в его постели, стал венцом всего нашего знакомства. Именно так он мне тогда и сказал.

Но это ничего не меняет. Я ни о чем не жалела, за исключением одного — что не была с ним честна до конца и не сказала, что между нами ничего не могло быть. Я могла бы уберечь Дилана от той боли, которая четко прослеживалась в его последнем письме. Но, как он и сказал на вечеринке, его страдания долго не длились. Он спал и с другими девушками.

Со многими девушками, по его словам. Со многими.

Я была рада, что поспособствовала такому успеху. Хотя мне самой не удалось дотянуть до его уровня, в первую очередь мне нужно было думать о более важных вещах. Учеба, работа, переход в Кантон и мысли о том, как позволить себе всё это. Затем появился Джейсон, который, как я считаю, стал моим первым настоящим бойфрендом. Он мне нравился хотя бы тем, что не жаловался на наши нечастые, раз или два в неделю, встречи. Правда, спустя примерно три месяца он заявил «что не видит нашего совместного будущего», и я не могла его в этом винить. Затем в мою жизнь вошел Шон, с которым я познакомилась на вечеринке у друзей, а после подвезла до дома. По меньшей мере, так гораздо проще... без всяких сложностей. Я не знала, как объяснить парню, что при потере

девственности и то больше испытала оргазма.

После этого, казалось, все усилия доставляли больше проблем, чем они того стоили. Я даже стала задумываться о том, что близость с Диланом была своего рода счастливой случайностью. Захватывающей из-за новизны, пикантности и запретов, наложенных правилами летней стажировки, случайностью. А возможно, во всем виновата генетика: секс доставлял мне удовольствие, только когда был случайным. В конце концов, благодаря такому сексу я и появилась на свет.

Я выделила все письма, полученные от Дилана, и поднесла палец к кнопке удаления. Пора бы уже от них избавиться. Письма, связанные с проектом двухлетней давности, захламляли мой ящик. Письма, служившие напоминанием об увлечении, которое, как мне дали понять сегодня вечером, ничего не значило. Тогда какой в них смысл?

Но я этого не сделала. *Будь ты проклято, неограниченное дисковое пространство. Ты потакаешь моим худшим пристрастиям.*

*****

После первого дня учебы я спускалась по широким ступеням центрального атриума здания биоинженерии и неожиданно поймала взгляд Дилана, прохаживающегося у основания лестницы. Стоило ему взглянуть на меня своими голубыми глазами, сияющими на загорелом лице, словно маяки, как я тут же споткнулась.

— А вот и она. — Несмотря на все произошедшие в парне изменения, его улыбка осталась прежней. Вчера вечером, читая его старые e-мейлы, я почти убедила себя, что он всё тот же восемнадцатилетний парень с торчащими волосами и слишком короткими брюками. Но всего этого, как и очков, не было. Хотя я скучала по ним. Их отсутствие делало меня уязвимой перед силой его голубых глаз. Что же касается всего остального... Тут не на что было жаловаться. Та привлекательность, проявляющаяся уже в юношеском возрасте, сейчас стала ярко выраженной. Под «ярко выраженной» я подразумевала сексуальной.

— Привет, — поздоровалась я как можно более небрежно и, спустившись на облицованный плиткой пол атриума, сделала пару шагов ему навстречу.

— Как прошли твои занятия? — спросил Дилан, переложив свой ноутбук из одной руки в другую.

— Хорошо, — ответила я. — Ни одной ранней пары, чему я очень признательна.

— Счастливица. — Когда я направилась к двери, он пошел в ногу со мной. — У меня в этом семестре пары начинаются в 8:15. Тебе дали расписание?

Я отыскала его на своем телефоне и передала парню. Он начал просматривать список.

— Ого, Хаверфорд. Тебе он понравится. Серьезный и рассудительный. Но постарайся не попасть в группу к новичку-ассистенту. Ему не нравятся салаги.

— Салаги? — переспросила я, поджав губы.

— Он так вас называет, и поверь мне, это еще цветочки, — объяснил Дилан, не отрывая взгляд от моего расписания. — Мы вместе будем ходить на «Моделирование процессов теплообмена»¹⁰. Многие будут завидовать тому, что ты попала в группу. Разве ты не пропустила семестр при переводе?

Как он узнал об этом?

— Я потянула за несколько нужных ниточек.

Дилан бросил на меня быстрый взгляд поверх телефона.

— Я бы сказал больше, чем несколько. — Он толкнул дверь, пропуская меня вперед, что привело меня в секундное замешательство.

— Органика, статистика.... Жаль, тебе не удалось записаться на «Совместимость тканей», были бы в одной группе.

— Мне нужны дополнительные баллы. — Мы вступили на солнечную часть тротуара. — Одна из причин, по которой я перевелась, — невозможность записаться на полный курс дисциплин в государственном университете.

— Тогда ты сделала правильный выбор, переведясь сюда, — сказал он, возвращая мне телефон.

В его голосе прозвучали странные нотки, но молчание, установившееся между нами, казалось еще более странным.

— Еще какие-нибудь советы? — заставила произнести себя я.

— Хм, не скучай над учебником по статистике, убедись, что записалась на ранние часы в лаборатории по органике и, если поладишь с доктором Чэн, он позволит тебе посещать лабораторию после закрытия.

— Великолепно, — воскликнула я с притворной жизнерадостностью. — Спасибо.

— Без проблем. — Дилан пожал плечами. Яркий серебристый «БМВ» подъехал к обочине. — А вот и мой водитель.

Когда он открыл пассажирскую дверь, я успела заметить светлые волосы и услышать, как женский голос произносит:

— Привет, дорогой.

— Привет. О, это Тесс Макманн. Она новенькая в Кантоне.

Девушка перегнулась через сиденье, улыбаясь мне. Наши столь похожие глаза встретились, отчего я отпрянула назад. Несмотря на тепло уходящего лета по моему телу пробежал холодок.

Словно откуда-то издалека я услышала, как Дилан заканчивает представлять нас друг другу. Хотя мне это было не нужно. Я и так знала, кто она.

— Тесс, это моя девушка, Ханна Свифт.

Моя сестра.

Глава 5

— Честно говоря, Тесс, я всегда считала твой маленький план о том, как избежать встреч с Диланом, наивным, — произнесла Сильвия, повязывая вокруг талии черный фартук с вышитым на нем зеленым листком. — Кантон — не такой уж и большой колледж.

— Я как-то не предполагала, что мы окажемся на одной кафедре, — заявила я. Сегодня был мой первый день обучения в ресторане «Верде». Сильвия бегло разъясняла мне основы работы, пока не началась смена перед ланчем.

Она закатила свои большие карие глаза, завязывая волосы сделанной из кожи заколкой, которая больше напоминала реквизит из сериала «Игра престолов». А зная Сильвию, можно предположить, что так оно и было.

— Не похоже, чтобы он изучал историю искусств или тому подобное. Вы оба интересуетесь биологическими науками. Ради всего святого, вы оба изучаете *водоросли*.

Покачав головой, я отвернулась от нее.

— Какая разница. Всё отлично. Он ничуть не злился на меня. И даже поведал о том,

как старался забыть меня...

Аннабель Уоррен, сестра Сильвии, проходя мимо нас, остановилась и опустила кофейники на прилавок из нержавеющей стали.

— Прости, повтори-ка еще раз. Он рассказал, как пытался тебя забыть?

— Да, — ответила я. — Дилан сказал, что в течение недели находился в расстроенных чувствах, а затем переспал с огромным количеством девушек, так что вскоре всё у него наладилось.

Аннабель откинула голову и громко рассмеялась гортанным смехом.

— Ну да, он совсем не злился на тебя. Просто решил, что необходимо обратить твое внимание на свое сексуальное мастерство через пять секунд вашей встречи спустя два года.

Ее слова заставили меня задуматься. Я поджала губы, отчего Аннабель снова начала смеяться. Разница в возрасте между сестрами составляла пару лет, у обеих была одинаково нежная, как персик, кожа и темно-красный оттенок волос, но на этом их сходство заканчивалось. Сильвия была высокой и стройной, и когда она не работала в «Верде», пела в местных ночных клубах, кафе или же принимала участие в исторических фестивалях. Аннабель была ниже на несколько сантиметров, после своей беременности в шестнадцать лет ей так и не удалось сбросить вес. Ее сыну, Майло, семь, и Аннабель разрывается между его воспитанием, двумя работами и учебой на медсестру в вечерней школе.

— Расскажи ей, что произошло в следующую вашу встречу, — пропела Сильвия, заполняя формочки нарезанным зеленым луком.

— Дилан дал мне парочку советов по поводу моего расписания, — сказала я. Девушка поручила мне порезать лимон. Больше всего на свете я ненавидела что-либо нарезать. Существуют причины, по которым я изучаю водоросли, а не высшие формы жизни.

— После этого, — подталкивала меня Сильвия, сдувая прядь волос с глаз.

Я вздохнула.

— Когда мы пришли на стоянку, там была его девушка, которая собиралась его подвезти.

— Богатая красивая блондинка, — добавила Сильвия, бросив взгляд на сестру. — Я к тому, что будь Дилан моим другом, то я поздравила бы его с удачно реализованным планом. Единственное, что могло бы скрасить эту ситуацию еще больше, если бы из гениальной блестящей студентки с огромной академической стипендией ты, Тесс, превратилась бы в жирную уродливую кошёлку.

— Спасибо хоть за блестящую и гениальную, — пробурчала я.

— Да не вопрос, дорогая. — Она вернулась к заполнению формочек, а Аннабель, подхватив кофейник, побежала дальше.

Сестрички Уоррен даже не догадывались, что Ханна Свифт была не просто сексуальной блондинкой и девушкой Дилана, которой он похвастался передо мной. Помимо всего прочего, она была моей тайной сводной сестрой. Забавно. Я часто думала о Ханне — или, по крайней мере, о факте ее существовании — еще до первой моей встречи с ней. Аннабель и Сильвия жили вместе с Майло в маленькой двухкомнатной квартирке в доме, расположенном недалеко от дома моей матери. Им обоим пришлось пройти через ужасные вещи, особенно после того, как родители выгнали Аннабель из дома, узнав о ее беременности, а новоявленный подонок-папочка оставил ее в жутком положении... но они всегда держались друг за друга.

Моя же сестра оставалась для меня незнакомкой.

— Ладно, даже если вы правы, — в конце концов, признала я, — и Дилан пытался ткнуть мне этим в лицо, что с того? Я на самом деле счастлива за него. Не забыли, это я оставила его. Не он причинил мне боль. Он заслуживает этого, ну вы понимаете...

— Секс с множеством девчонок и богатую блондинистую подружку на «БМВ»? — спросила Сильвия.

От ее слов я поморщилась. Неужели нужно постоянно повторять это?

— Именно.

Аннабель снова пробежала мимо нас.

— Пошевеливайтесь, девочки. Гламурные дамочки вернулись.

— Кто? — удивилась я.

Сильвия застонала.

— Компания стерв из женского общества. Они любят сюда наведываться после того, как опустошат кредитки своих папочек.

Аннабель кивнула.

— Приходя сюда, они заказывают исключительно фирменные блюда и начинают жаловаться по любому поводу. — Она пожала плечами. — Но в этом есть и положительная сторона: обычно они оставляют хорошие чаевые.

— Ещё бы они этого не делали, — встряла Сильвия. — Не они же платят по счетам. — На мгновение она перевела взгляд на меня. — Полагаю, наступило время твоего первого задания. Наполни их стаканы водой и вручи им меню. — Девушка протянула мне графин с водой. — Хотя вряд ли оно им понадобится.

На пути к столику я захватила меню. Для ланча было еще рановато, поэтому народу в ресторане собралось не так уж и много. Столик гламурных девиц было легко заметить, учитывая количество покупок, которые кучковались вокруг стульев, и болтовню их обладательниц. «Верде» располагался в месте, которое когда-то было переулком между двумя зданиями, поэтому ресторан представлял собой сооружение с устремленным ввысь стеклянным потолком, напоминающим парник, с кирпичными стенами и промышленными конструкциями металлических заклепок и труб на внешней стороне здания. Живые деревья, посаженные в каждом проходе, скрашивали картину, оправдывая название ресторана.¹¹

— Добрый день, девушки, — поприветствовала я их, раздавая меню. У всех без исключения был светлый оттенок волос, гигантские дизайнерские солнцезащитные очки, защищающие их глаза от припекающего через стеклянный потолок света. Три девушек взяли меню и, как ни странно, начали просматривать его. Остальные две уставились в свои телефоны. Я принялась наполнять их стаканы водой.

— Боже мой, Ханна, посмотри. Он снова мне написал, — завизжала одна из девиц, указывая на свой сотовый блондинке, сидящей рядом с ней.

Мои пальцы крепко сжали графин. Это была Ханна. Ханна — девушка Дилана. Моя Ханна.

— Оооо, — подразнила Ханна свою подругу, — он точно тебя хочет.

Я ретировалась на кухню быстрым шагом, уместным для официантки.

— Как прошло? — спросила Сильвия. — Они тебя еще не просили дать клятву для вступления в их сообщество?

— Сил, — сумела выдать из себя я, — это она. Девушка Дилана. Она одна из тех гламурных девиц.

Сильвия и Аннабель, столпившись у прохода, уставились на тот столик. Я же старалась

держаться подальше.

— Которая? — прошептала Аннабель.

— Блондинка.

Сильвия повернулась и уставилась на меня.

— Дорогая, они все блондинки.

— Кто бы это мог быть? — спросила Аннабель. — Пожалуй, схожу к ним и расскажу о наших фирменных блюдах.

— Та, на которой надет коралловый жакет, — с неохотой ответила я. Стройная, стильная, в дизайнерских солнцезащитных очках и обувью стоимостью двести баксов. Та, чьи глаза были так схожи с моими и чьи идеальные шелковистые волосы спадали на плечи.

— Потрясающе. — Аннабель одернула фартук. — Отправляюсь разведывать обстановку.

Как только она ушла, я повернулась к Сильвии.

— Я не хочу, чтобы она что-либо разведывала, — заявила я. Всё, что мне следовало знать о Ханне Свифт, я и так уже знала. Она была *законной* дочерью моего отца. Она встречалась с парнем, с которым я потеряла девственность. Всё, конец истории. — Мне плевать, с кем он встречается.

— Она тебя узнала? — не спуская глаз со столика, спросила Сильвия, по-прежнему стоя в проходе.

Нет, слава Богу. Не хочу становиться с ней подругами.

— Она даже не оторвала глаза от своего телефона, — ответила я. И это хорошо. Кто знает, что могло произойти, если бы она начала размышлять над схожестью наших глаз?

Сильвия фыркнула.

— Подумать только. Кучка чванливых маленьких богатых девиц, которые и помыслить не могут, что обслуживающий их персонал — живые люди.

— Ты не могла бы прекратить? — попросила я. — Мы не должны ненавидеть девушку только потому, что она встречается с парнем, с которым я когда-то спала. — И я не собираюсь испытывать к ней ненависть только потому, что отец полностью, до единого цента, оплатил ее учебу в Кантоне, а против моего обучения там возражал.

Сильвия повернулась ко мне с большими и круглыми глазами.

— Прости! Черт побери, Тесс, кто превратил тебя в мисс «Хорошие манеры»?

Мне стало любопытно, почему отец отговаривал меня от поступления в Кантон. Может, потому что знал о намерениях Ханны учиться там и опасался нашей встречи и учебе в одном и том же колледже, или даже проживания в одном общежитии?

В это время вернулась Аннабель.

— Как всегда. — Подражая гламурным девицам, она симитировала их высокий писклявый голос и акцент: — Я бы хотела филе в панировочных сухарях, но без панировки. Есть ли у вас сегодня гранат? Да, и еще, пожарьте цветную капусту не на трюфельном масле. — Девушка кинула меню обратно в держатель и начала вводить замороженный заказ в компьютер. — Хоть подружка Дилана обошлась простеньким заказом. Салат из семги без орешков.

Сильвия рассмеялась.

— А давай оставим в заказе орешки.

— Сильвия! — воскликнула я. — Что если у нее аллергия? — А так ли это? Папа никогда не упоминал, что у Ханны есть аллергия на орехи. Еще бы, он вообще не заводил разговоры о ней.

Моя подруга кивнула.

— Верное замечание. Может, кинем соль в ее холодный чай?

— Сильвия! — завопили мы с Анабель в унисон.

— Я начинаю уже жалеть, что рассказала, кем она является, — добавила я. — Если честно, уверена, что она вполне милая девушка. — В противном случае, вряд ли Дилан стал бы с ней встречаться, верно?

— А вот я в этом совсем не уверена, — продолжала настаивать на своем Сильвия. — Какой человек в возрасте двадцати лет может позволить себе «БМВ»? Избалованные, получающие всё, что только захотят, девушки никогда не будут милыми.

— Если бы у меня была возможность, я дала бы Майло всё, чего бы он ни попросил, — заметила Аннабель. — Думаешь, это испортило бы его?

— Именно! — настаивала Сильвия. — Вот почему это называется «баловать».

Я промолчала. Уверена, отец давал Ханне всё, что только возможно. В этом он зашел так далеко, что возжелал убедиться, что ее учеба в колледже не будет омрачена присутствием незаконнорожденной сводной сестры. Счастливица Ханна.

Каким-то образом тема нашего разговора плавно перетекла к игрушечным машинкам Майло. Вскоре в ресторан подошли еще посетители, и Сильвия начала показывать мне, как тут всё работает. За сегодняшний день мне было необходимо научиться всему, чтобы в следующие несколько смен я смогла помогать обслуживать столики. А уж после я бы смогла получить собственные столики и зарабатывать чаевые. Сильвия обслуживала посетителей, находящихся по другую сторону от столика гламурных девиц. Всякий раз, когда мы оказывались рядом с ними, я делала всё, чтобы держаться от Ханны на расстоянии. В тот день, когда она заехала за Диланом, ее взгляд всего лишь на мгновение остановился на мне, но я бы не хотела, чтобы она видела меня снова.

Сильвия как раз пыталась объяснить какой-то паре что такое «конфи»¹², когда я услышала имя Дилана, доносящееся со стороны столика Ханны. Не справившись с собой, я всё-таки переключила свое внимание от разговора Сильвии. В конце концов, я знаю, что такое «конфи»!

— Seriously, подруга, всего за шесть месяцев тебе удалось изменить парня, — произнесла одна из тех блондинок, которая первоначально говорила с Ханной.

— Если ты о том, что в его новом стиле есть и моя заслуга, то ты права, — ответила Ханна. — Но у меня был великолепный исходный материал.

За столом раздался хор хихиканья. Пальцы начали покалывать от воспоминания двухлетней давности — ощущение тела Дилана под моими ладонями. Я выпрямилась и зажмурила глаза, прежде чем остальные фрагменты воспоминаний начнут всплывать.

— Ты права, — сказала вторая блондинка. — Он прямо как Адам Скотт.¹³ Очаровательный ботаник.

Я чуть ли не кивнула в знак согласия, но вовремя спохватилась.

— Ну, если вы так говорите, — произнесла блондинка номер один. — Хотя я никогда не замечала никакого исходного материала за маской этого ботаника.

— О, и он по-прежнему остается таким же фриком, — вторила ей блондинка номер два. — Мы как-то ходили на ужин, и клянусь, единственное, о чем он хотел говорить — это биотопливо для автомобилей на основе морских водорослей.

За столиком раздалось еще больше смеха.

— Не лопните от смеха, — произнесла Ханна. — Покорно благодарю, но сохраню-ка я

этого ботаника для себя. Когда он станет миллиардером и владельцем компании, производящей биотопливо, вы запоете по-другому.

— Да здравствуют «Водоросли Цукерберг» и наши будущие пахучие машины, — провозгласила блондинка номер три, и я услышала звон стаканов.

Я сделала вдох-выдох и открыла глаза. Сильвия закончила собирать меню со столика и дала посетителям несколько минут на обдумывание заказа. С бешено колотящимся сердцем и пылающими щеками я последовала за ней на кухню, не произнеся ни слова.

— О. Мой. Бог, — воскликнула Сильвия, когда мы вернулись на кухню.

Я продолжала глубоко дышать.

— С таким же успехом она могла просто встать и заявить, что встречается с ним из-за его потенциального обеспеченного будущего.

Я сглотнула ком в горле.

— Да они вообще ничего не понимают! — выпалила я. — Пахучие автомобили? Я тебя умоляю! Суть в том, чтобы превратить морские водоросли в этиловый спирт. И никакого запаха стоячей воды или чего-то подобного не будет.

Подмигнув мне, Сильвия усмехнулась.

— Я смотрю, Тесс, ты явно взбуроражена такими ошибочными суждениями. Если Дилан такой ботаник, как они считают, то вы оба идеально подходите друг другу.

Я вытерла влажные руки о свой фартук.

— Я сейчас же выйду туда и расскажу им о потенциале бурых водорослей в качестве средства от загрязнения водной среды и... — Я остановилась. Нет, не подойду. Потому что там находится Ханна Свифт. Если какая-то официантка подойдет и прочитает лекцию о водорослях вместо подачи их ланча, Ханна такое не забудет. А если она упомянет об этом Дилану или отцу...

Сильвия с печалью покачала головой.

— Бурые водоросли? Тесс, лучше сосредоточься на сегодняшней проблеме. Твой бывший встречается с какой-то безмозглой красоткой, которая с ним только ради его будущего состояния. Нет никакого смысла проявлять благородство. Если хочешь вернуть Дилана обратно, у тебя есть моральное право нанести удар.

— Но я не хочу его возвращать. — Прозвучало очень убедительно. — Дилан действительно хороший парень, он мне нравится, и когда-то очень давно мы провели отличную ночь вместе. Но это я бросила его. Я не хочу быть с ним.

Опустив плечи, Сильвия перевела на меня взгляд. Мысленно я умоляла ее не спрашивать *о причинах*.

— Хорошо, — сказала она, наконец. — Но всё же если Дилан такой хороший парень, он имеет право знать, что его подружка использует его.

— Найди способ открыть ему глаза, не выставляя меня чокнутой сталкершей, желающей вернуть его, и я подумаю над этим, — произнесла я, закатив глаза.

Конечно же, у Сильвии не было такого способа. Закрыв тему, она вернулась к моему обучению. Позже Аннабель подозвала меня к компьютеру, чтобы показать, как разделять счета. Она вручила мне стопку кожаных папок для счетов.

— Гламурные дамочки хотят отдельные счета.

Я открыла верхнюю папку со счетом. Платиновая карточка «American Express» принадлежала Ханне К. Свифт.

Сильвия хотела, чтобы я злилась на Ханну за то, что та встречается с Диланом. Она

хотела, чтобы я испытывала ревность к ней из-за любви и внимания единственного парня, который мне по-настоящему нравился. Но Сильвия и понятия не имеет, что я не могу позволить себе ненавидеть Ханну Свифт. Если я встану на этот путь, то уже не смогу с него сойти.

Глава 6

На кассовом аппарате университетского книжного магазина высветилась окончательная стоимость учебников — 1 534,71\$. Поначалу я решила, что произошла какая-то ошибка. Может, неправильно поставлена запятая в десятичном знаке? Я попросила взглянуть, не сломался ли аппарат. Ошибки не было. Я чуть не упала в обморок прямо там, на полу книжного магазина в кампусе Кантона.

— Я же говорила, что мне нужны подержанные учебники, — сказала я девушке-продавцу, стараясь не поддаваться раздражению.

Она пожалала плечами и указала на два учебника из груды книг, лежавшей передо мной, с маленькими красными наклейками «Подержанные» на корешках.

— Это единственные подержанные книги, которые мне удалось найти. Не так много студентов выбирают усложненные курсы, а те, кто выбирают, оставляют книги себе.

Я закусила губу, изучая груды учебников. Я всегда приобретала подержанные книги. Но сейчас цена на них была вдвое выше, чем позволял мой бюджет на книги в этом семестре, к тому же я еще не получила набор методичек, заказанных в интернете. Но я не стала предаваться унынию, предположив, что парочка из них найдется в библиотеке. Мне просто придется изучать главы там. Но не тут-то было. Самых дорогих по стоимости книг в библиотеке не оказалось.

— Простите, — обратилась я к студенту за столом. — У меня возникли трудности с поиском книги «Тканевая инженерия»¹⁴, хотя в компьютере указано, что она здесь.

— Возможно, ее кто-то взял, — произнес парень, не отрывая взгляда от монитора.

Я осмотрела полупустой читальный зал.

— Что-то я не вижу, чтобы ее кто-то читал. Скажите, а возможно, что произошла ошибка, и ее нет на полке... — Я указала на переполненную корзину с книгами позади него.

— Может быть, — пробормотал он. — Или кто-то намеренно ее спрятал для уверенности, что сможет воспользоваться ею в случае необходимости. Или, как вариант, кто-то ее украл...

— Ну, тогда, может, следовало приобрести больше учебников?! — парировала я.

— А может, Вам следует написать заявление в отдел закупок? — произнес мой собеседник, закатив глаза.

— Спасибо за вашу помощь, — процедила я сквозь зубы и, повернувшись, направилась к двери. Следующий урок начнется менее чем через десять минут, у меня нет времени на споры со сварливым сотрудником.

Я с этим разберусь. Придется предпринять экстренные меры. На моей кредитке осталось триста долларов, может, мне удастся заставить банк увеличить мой лимит. Плюс, у мамы новый клиент. Наверняка, у нее появилось немного наличных, которые она смогла бы мне одолжить. Доктор Кавел уже набрала себе ассистентов на этот семестр, но она сказала, что будет иметь меня в виду и даже спрашивает у профессоров на других факультетах. Да и теперь, когда мое обучение в «Верде» завершено, я могла бы брать несколько

дополнительных смен...

— О чем задумалась? — спросил Дилан, шагая в ногу рядом со мной. — Или пытаешься разобраться в трудных понятиях в лекциях по биотранспорту?¹⁵

— Я... э-э... еще не закончила читать, — призналась я, избегая его взгляда. Может, если я буду чаще на него смотреть, то у меня не будет перехватывать дыхание всякий раз при его появлении? Мне жизненно необходима прививка от этого парня. Это же вполне возможно, да? — Пока не представилась возможность приобрести учебник.

— Этот учебник? — спросил он, показывая новенький, только что купленный учебник по тканевой инженерии. — Тебе следовало позвонить мне. Я был бы рад поделиться с тобой экземпляром.

Позвонить ему? Впервые за столько лет? С горящими глазами я взяла у Дилана книгу.

— Спасибо. Я тебе верну... в любое время. Я могу... — Что? Писать по электронке чтобы договориться о времени пользования его учебником? Заскакивать к нему в комнату в общежитие, здороваясь с ним и его девушкой? Нет, так мы далеко не уедем.

Дилан подарил мне добродушную улыбку, которая меня серьезно задела.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо, — повторила я. — Я твоя должница.

На это он ничего не ответил.

Казалось вполне естественным, что на паре Дилан сядет рядом со мной. В конце концов, мы же вместе пришли. В аудитории присутствовало около двадцати студентов, но среди них оказалось всего лишь три девушки, каждая из которых бегло посмотрела в мою сторону, как только мы с Диланом показались в дверях. Он открыл свой ноутбук и пододвинул его так, чтобы он оказался между нами, и у меня была бы возможность читать его заметки.

— В следующий раз будь готова, — прошептал он, отчего каждый волосок на моей шее встал дыбом.

Началась пара, и я, желая сосредоточиться на предмете, попыталась выкинуть из головы свое беспокойство о ценах на учебники и о Дилане Кингсли. С последним оказалось справиться труднее, поскольку парень сидел рядом со мной, постукивая кончиками пальцев по столу и отвечая на вопросы профессора в своей обычной рассудительной манере.

Ближе к концу занятия профессор, доктор Юэ объявил:

— Я бы попросил вас немного задержаться, просмотреть учебный план и задать вопросы, если таковые возникнут. Также я бы хотел немного поговорить о симпозиуме научно-исследовательских проектов, проходящий в конце семестра. Беря во внимания, что этот курс повышенной сложности, любой из ваших проектов может быть допущен на конкурс, победителю которой, как вы знаете, присуждается приз в размере пяти тысяч долларов. Так что, если кто-нибудь из вас заинтересовался, двери моего кабинета всегда открыты.

Хор смешков пронесся по аудитории. Во рту всё пересохло. Пять тысяч долларов могли бы в значительной степени покрыть непредвиденные расходы на учебу в Кантоне.

После пары я собирала свои вещи, прокручивая в голове открывающиеся возможности. Конечно же, я не собираюсь подходить к доктору Юэ, пока не наверстаю его курс, чего не произойдет, если Дилан не одолжит свой учебник на пару часиков.

— Земля вызывает Тесс, — раздался его голос.

Я подняла свой взгляд на парня. Помни о прививке.

— Рискую нарваться на неприятности, но как насчет сэндвича? Такого милого, дружелюбного, совершенно невинного сэндвича?

— Не могу поверить, что ты до сих пор это помнишь. — Конечно же, он помнит. Но и я уже не была той глупой девчонкой, которая за простой просьбой вместе пообедать видела всякого рода намеки. К тому же, парень собирается одолжить мне учебник. Как я могу ему отказать? — Но только по-быстрому, — согласилась я. — Хочу быть уверена, что к завтрашнему дню мне удастся прочитать нужный материал и вернуть тебе учебник как можно скорее.

— Уверен, ты справишься, — сказал он.

По дороге на ланч Дилан поприветствовал взмахом руки дюжину друзей-студентов, что никогда не случалось со мной даже после двух лет учебы в государственном университете. И всё потому, что кампус был слишком велик, слишком многолюден. У меня осталась там парочка друзей, но никто из нас не ждал, что нам удастся долго поддерживать связь. Интересно, если учесть, что я живу за пределами кампуса, здесь, в Кантоне, будет то же самое?

— Ну, тебе здесь нравится? — спросил Дилан.

— Если отбросить переживания из-за отсутствия учебников, здесь мило. И мне нравится количество человек в группе.

— Как странно, что все учебники проданы, — удивился Дилан. — Доктор Юэ, как правило, проверяет, чтобы они заказали достаточное количество книг. Есть информация о том, когда они получают новую партию? Или, может, закажешь через интернет?

Я почувствовала себя неловко. Он решил, что все книги были распроданы. Каково это, жить в мире Дилана? Или Ханны? В том мире, где единственной причиной, по которой вы не можете купить определенные вещи, является их отсутствие в магазине?

— Я работаю над этим.

— Что ж, ты можешь пользоваться моим учебником, пока не приобретешь свой. Можешь занести его мне сегодня вечером. Я живу в здании Свифта. — Он указал на комплекс из бурого песчаника на другом конце квартала. — Комната 202.

Уверена, я вряд ли забуду.

— Свифт? Не так ли зовут твою девушку? — Снова ожила моя упрямая сторона.

— Да, — ответил Дилан, пожав плечами. — Семейная преемственность. Вообще-то она местная, как и ты.

Вряд ли это семейство можно называть местными, учитывая, что им принадлежит половина города.

Мы вошли в закусочную и сделали заказ.

— Итак, — произнесла я, когда мы устроились за столиком вместе с едой. — Как ты познакомился с Ханной?

Он сделал паузу, сэндвич с индейкой замер на полпути ко рту.

— Интересуешься моей девушкой?

— Всего лишь поддерживаю разговор, — ответила я, пожав плечами.

Яркий блеск в глазах Дилана говорил о том, что он ни на секунду не поверил моим словам.

— Да нечего особо рассказывать. Мы оказались на вечеринке студенческого братства, на которой ни один из нас не хотел присутствовать, там и разговорились.

— Не любительница вечеринок братства? Разве она не состоит в женском обществе? —

спросила я.

— Нет. — Дилан нахмурил лоб. — Что заставило тебя так думать?

Сильвия. Здравый смысл. Девушки вроде Ханны всегда состоят в женских обществах. Они носят жемчуга, ездят на машинах, купленных их папочками, понимая, что впереди их ждет светлое будущее, в котором они выходят замуж за ученых-миллиардеров вроде Дилана. Я откусила небольшой кусочек сэндвича и, проглотив его, снова заговорила.

— Что она изучает?

— Связи с общественностью, — ответил он. — По крайней мере, на этой неделе. С прошлой весны, когда мы начали встречаться, она сменила шесть специализаций. По моему мнению, ей следовало бы сделать перерыв в учебе и понять, чего она хочет, но ее родители не разрешают ей так поступить. Вообще-то только отец. Он тот еще говнюк.

Я чуть не выплеснула на Дилана содовую.

— Ты встречался с ее родителями? — выдавила я из себя.

— Конечно, — ответил он. — Много раз. Они живут прямо здесь, в городе. Ладно, хватит разговоров о Ханне. Тебе не нужно притворяться, что тебя так интересует моя девушка. Мы же взрослые люди. Давай лучше поговорим о биоинженерии.

Так мы и сделали. Я рассказала ему о той работе, которую проделала в государственном университете, а он вкратце рассказал о кафедре в Кантоне и о своей работе за последние два года.

— На самом деле, я твой должник, — произнес Дилан. Его голубые глаза излучали блеск, который я решила называть научной страстью. — Вероятнее всего, я по-прежнему изучал бы экологию, если бы не наш проект в Корнелле. Он заставил меня задуматься о том, что я не только хочу изучать эту науку, но и предотвращать вред, который может быть нанесен окружающей среде.

— Это здорово, — искренне ответила я.

— Я часто вспоминаю то лето, — признался он, но тут же одернул сам себя. — Ты же понимаешь, что я имею в виду. Проект.

— Конечно. — За столом повисла неловкая тишина. Я начала ковыряться в нескольких выпавших из моего сэндвича листьях салата.

Мы могли говорить, о чем угодно, не задумываясь над словами, например, о том, как повзрослели. Могли притвориться, что всё произошедшее между нами стало не важным. Но это не означало бы, что мы всё забыли. Первый раз не забывается. Особенно такой, каким он был у нас с Диланом.

Я решила повернуть разговор в другую сторону.

— Я тоже часто думаю о том лете. Я имею в виду, что после окончания школы с легкостью отказалась от изучения водорослей, но ты вроде как убедил меня придерживаться прежнего курса. Моя новая фишка — биотопливо и выработка этилового спирта. Кстати, именно об этом я размышляла на сегодняшнем уроке, когда...

На его телефоне прозвучал сигнал будильника.

— Вот дерьмо, у меня пара в полвторого, — выругался Дилан. — Не могу поверить, что будильник сработал так поздно.

Как это похоже на Дилана, установить будильник на телефон, чтобы не опоздать на занятие. Хотя в противном случае он, настолько увлеченный своими исследовательскими работами, наверное, просто забудет, что необходимо дышать. Парень совсем не изменился со времен Корнелла.

Дилан встал, убирая за собой остатки обеда.

— Может, продолжим наш разговор позже? Мне хочется послушать твои идеи, но сейчас мне пора в лабораторию.

— Да, конечно. Иди. Я верну тебе книгу к шести, — произнесла я, махнув рукой.

— Отлично! — Он умчался прочь, а я попыталась унять свое бешено стучащее сердце.

*****

Моя последняя пара начиналась только в три, поэтому оставшееся до нее время я провела за изучением лекций по биотранспорту. После пары по статистике я закончила читать последние страницы заданных глав по тканевой инженерии, а затем направилась к зданию «Свифта», чтобы отдать Дилану учебник. Не зная, чего ждать от его жилища, я на всякий случай приготовилась к присутствию там Ханны.

Дверь с номером 202 открылась буквально через несколько секунд после моего стука, и до меня тут же донеслась волна восхитительных запахов. Некая смесь пряностей и томатов. Мой рот наполнился слюной, прежде чем взгляд остановился на Дилане, который был одет в простые с низкой посадкой серые спортивные штаны и в темно-красную футболку с надписью «Кантон». Темные волосы растрепались и теперь выглядели почти такими же, как в подростковом возрасте. Должно быть, он снял свои линзы, поскольку его очки в серо-металлической оправе снова восседали на носу. Ого, парень, ты их вернул.

— Привет, — поприветствовала я Дилана, стараясь при этом не пускать слюни. Вместо того чтобы сделать прививку против его влияния на меня, я просто уставилась на него, потакая своим пагубным пристрастиям.

— Я принесла тебе книгу, как и обещала.

— Спасибо. — Когда он протянул руку, наши пальцы соприкоснулись. Пробежавшая между нами искра опалила мою ладонь, и книга с грохотом упала на пол.

Пока Дилан наклонялся, чтобы ее поднять, мне удалось разглядеть его квартиру. Эта была студия с огромными окнами, со множеством книжных полок, разобранном диваном-кроватью, стоявшим на возвышении, и современной кухонькой, поверхность которой была отделана гранитом.

— Упс.

Дилан отряхнул форзац книги и пригласил меня осмотреть его жилище.

— Не хочешь зайти? Вообще-то я как раз готовил ужин. Всего лишь паста, но, если ты проголодалась, то хватит и на твою долю.

Да? И где мы будем сидеть? На этой большой старой кровати в центре комнаты?

— Нет, спасибо, — взволновано ответила я. — Мне пора домой, так что...

— Ну да, конечно, — произнес Дилан, покрутив книгу в руках. — Послушай, Тесс, то, о чем мы с тобой говорили ранее... — Он умолк, словно старался лучше подобрать слова. — Неважно. Увидимся завтра на лекции.

Я помахала ему рукой и ушла прочь, весь путь до дома задаваясь вопросом: что же он хотел мне сказать?

*****

Когда отец навещал нас, он всегда оставлял машину позади нашего жилого комплекса, чтобы ее никто не заметил. Это был не какой-то роскошный автомобиль, а всего лишь

бежевый джип марки «Лексус», но отец все равно не хотел, чтобы кто-то его узнал. Вечером, когда я приехала домой, он уже был у нас.

Я не испытывала никаких иллюзий по поводу радостной встречи с отцом. Мы как всегда обошлись обычными любезностями, которыми на этот раз обменялись быстрее, чем обычно.

— Не могу поверить, что, прежде чем пойти на такие огромные перемены, ты не посоветовалась со мной, — произнес отец голосом, наполненным отеческой заботой. Но в его глазах виднелась лишь затаенная жесткость и суровость, которые переполняли его всякий раз, как он начинал злиться. — Твоя мать сказала, что из-за перевода ты потеряла целый семестр. Это правда?

— Да, сэр. — Я уселась в кресло напротив него, сложив руки перед собой на коленях. Мама сидела в своем обычном кресле, устроившись на краешке и прислушиваясь к нашему разговору. На ее лице было то же обеспокоенное выражение, что и у моего отца. Доносчица.

— И тебя это не волнует? — спросил он. — Я считал тебя прилежной студенткой, Тесс. Но чтобы пропустить целый семестр... — Он щелкнул языком.

Я устояла от искушения закатить глаза.

— Но я не собиралась заканчивать государственный университет с восемью дисциплинами, — ответила я. — Я не смогла попасть и на половину необходимых мне курсов. При переходе я едва ли теряла необходимое количество учебных часов, но мне придется наверстать материал, который дополнительно требуется на курсах. Когда мне потребовалось принять решение, в каком колледже продолжить учебу: в Кантоне или в государственном университете, мое окончательное решение осталось за Кантоном, который стоит потерянного семестра.

— И эта твоя стипендия покрывает учебу? — скептически спросил он.

— Да. — На самом деле, она практически ничего не покрывает. Я даже не в состоянии в ближайшее время приобрести учебники, если не найду дополнительный источник дохода. Например, как этот симпозиум...

— Вот что я не могу взять в толк, Тесс. Почему ты даже не подумала спросить меня о правильности своего решения? После того, как я оплачивал твою учебу в государственном университете... Ты просто на всё наплевала.

Я вскинула на него глаза. Я не спрашивала, потому что и так знала его ответ.

— Я ни на что не наплевала. Я приняла верное решение ради своего будущего. — Чего он от меня хочет? Чтобы я вернула деньги за жилье и питание?

Отец потряс головой, тем самым выражая полное разочарование.

— Не могу понять, о чем только думал твой профессор. Тот милый ботаник, который дал тебе работу в лаборатории... Как там его звали?

— Доктор Стюарт, — вставила мама.

— Стюарт. Не думаю, что он был рад твоему переводу. Ты словно наплевала на него и сказала в лицо, что думаешь о нем и о его программе.

— Вообще-то, именно доктор Стюарт написал мое рекомендательное письмо. — Я бы могла еще многое добавить, но не стала. Именно доктор Стюарт рассказал мне о свободной стипендии в Кантоне. Он знал, что, если бы мне позволяли финансы, я бы хотела учиться там, и он также понимал, что на своей кафедре ботаники он мало что может дать мне в области биоинженерии. Мы оба понимали, что для меня это была огромная возможность.

— Всё это наталкивает меня на мысль о твоей... неблагодарности, — сказал отец. — И

ради чего? Несколько дополнительных часов в лаборатории? Ради парочки микроскопов? Ты никого не знаешь в Кантоне...

Напротив, папочка. Я достаточно хорошо знакома с парнем твоей дочери.

— И навряд ли тебе повезет найти должность ассистента. Полагаю, все вакантные места отданы их собственным студентам.

— Я тоже «их собственный студент», — с раздражением подчеркнула я. — Перевод не делает меня человеком второго сорта, отец.

— Милая, — умоляющим тоном произнесла мама, — не упрекай отца. Он всего лишь пытается указать тебе на некоторые недочеты, которые ты, возможно, не полностью продумала.

Мама может взять свои миротворческие речи и засунуть их куда подальше. После стольких лет, которые я провела, подстраиваясь под правила своего отца, я эксперт в области изучения различных возможностей. После получения стипендии я составила список «за» и «против». Единственный волнующий меня вопрос в настоящее время — стоимость учебников, но и его я в ближайшее время обязательно решу. Меня возмутила настойчивость отца участвовать в принятии решений, учитывая, что единственным его желанием было держать меня как можно дальше от Кантона.

Я не просила у него денег. Так что пусть он просто не вмешивается.

— Уже немного поздно для этого, — ответила я. — Я учусь в Кантоне. Учеба оплачена, перевод завершен, семестр начался. Слишком поздно.

— Да, — подытожил отец. — Сработано очень аккуратно, юная леди. Даже не потрудились поставить меня в известность. Не попросила моего совета о том, что будет хорошо для твоего будущего или о том, что я, человек, который платил огромные деньги за твое образование, думаю обо всем этом. — Он задержал на мне взгляд, потом вздохнул. — Я просто не могу поверить, что после всего того, что я для тебя сделал, ты повела себя столь коварно. Это эгоистичный поступок. И я до сих пор не могу понять, почему государственный университет оказался не столь хорош для тебя?

— Не знаю, — сорвалась я. — А почему он недостаточно хорош для Ханны?

Обстановка в комнате накалилась, из нее словно выкачали весь воздух. У мамы отвисла челюсть.

— Что ты только что сказала? — перешел на шепот отец.

— Она учится в Кантоне, — произнесла я, слезы начали жечь мне глаза. — Я видела ее там. Значит, для нее Кантон подходящее место, а для меня нет?

Отец поднялся с места. Высокий, широкоплечий, большой. Своей комплекцией он напоминал футболиста, коим он, впрочем, и был в прошлом.

— Ты разговаривала с ней? — спросил он низким голосом, в котором сквозили угрожающие нотки.

— Конечно, нет! — Мой голос сорвался на всхлип, а слезы покатались по щекам. — Я знаю *правила*. — Так оно и есть. Я всегда знала их. Но держаться подальше от Свифтов не означает, что мне следует держаться подальше от своих желаний.

Мне была необходима учеба в Кантоне. Ханна же ни в чем не нуждалась.

Отец ничего не ответил, но я почувствовала на себе его взгляд. Внезапно, он отвернулся.

— Закончим этот разговор позже, — произнес он и направился к двери. Мама последовала за ним вдоль узких комнат нашей квартиры.

Я по-прежнему сидела на месте, делая глубокие вдохи и вытирая слезы с лица.

Произносить ее имя было огромной ошибкой. Если отец и до этого не был рад моему переводу в Кантон, то, дав ему знать, что, не пробыв там и недели, я уже столкнулась с его настоящей дочерью, не облегчает ситуацию.

Когда мама вернулась, я вставала и направилась в свою комнату.

— О, Тесс, — произнесла она, печально качая головой. — Почему ты так упорно всё усложняешь?

Я остановилась в дверном проеме.

— Поверь мне, мам, всё усложнилось задолго до этого.

Зайдя в комнату, я включила компьютер, всё еще продолжая кипеть от злости. Как он посмел указывать мне, в каком колледже учиться, если даже не платит за него?! Как он посмел назвать меня эгоисткой за желание получить лучшее образование, за желание выбраться из-под его контроля?!

На почте я обнаружила электронное сообщение от Дилана, присланное на мой новый кантонский адрес.

«Тесс, я был немного взвинчен, когда ты пришла ко мне, и, очевидно, у меня лучше получается общаться по почте. Если не брать в расчет наши неудачные отношения, мы оба знаем, что проделали потрясающую работу в Корнелле. Ты здесь новенькая, но хочу тебе сказать, что нет никого в нашем потоке по биоинженерии, с кем бы мне хотелось заняться курсовым проектом. И я знаю, что единственный человек, с которым мне хочется работать, — это ты. Кажется, ты упоминала, что у тебя есть парочка новых идей. У меня тоже, и вместе, как мне кажется, мы порвем этот симпозиум. Что думаешь? Ради науки? Дилан».

Я тут же напечатала ответ.

«Безусловно... Ради науки. Тесс».

Глава 7

Я просматривала свои записи в ожидании пары по биотранспорту, когда на стол упала чья-то тень. Подняв голову, я увидела перед собой студентку, в которой тут же узнала одну из девушек, пристально рассматривающих меня на первом занятии.

— Тесс Макманн, верно? Я Элейн Сан.

— Приятно познакомиться. — Я пожала ее руку, и девушка скользнула на стул рядом со мной. *Место Дилана.* Буквально на секунду подобная мысль успела пронестись у меня в голове, прежде чем я окончательно избавилась от нее. Ничто здесь не принадлежит Дилану.

— Как же здорово, что количество девушек на нашей кафедре увеличивается, — произнесла Элейн. Ее темные волосы были собраны в неряшливый пучок, а прядки пурпурного оттенка цеплялись за дужки очков. — Четное количество девушек значительно меняет ситуацию.

— Ну, — произнесла я, робко пожимая плечами, — рада помочь.

— Какие у тебя планы насчет симпозиума? — неожиданно спросила она.

Я моргнула.

— Я... еще не совсем уверена. Полагаю, что Дилан Кингсли...

— Дилан Кингсли? — ухмыльнулась она. — Только подумайте. Ты пробыла здесь лишь день, и он уже захапал в свои лапы свежее мясо.

— Прости? — переспросила я.

— У нас и так не хватает девчонок, — пояснила она. — Нам следует держаться вместе.

Мне захотелось побольше разузнать о Дилане. Его письмо по электронной почте звучало вполне искренне. Но мы не виделись два года, в то время как Элейн, вероятнее всего, посещала вместе с ним несколько предметов. Кто лучше нее знает, каким он стал? И что она подразумевала под «свежим мясом»?

— Еще ничего не решено, — попытала счастье я. — Я всего лишь сказала ему, что буду рада обсудить идеи.

— Вот что я тебе скажу, — заявила она. — Тебе не выиграть конкурс без биомедицины. Только не в Кантоне.

— Я не изучаю биомедицину, — сказала я. — С Диланом или без. Мой проект связан с окружающей средой.

Элейн так сильно фыркнула, что я поразилась, как это ей удалось не обрызгать соплями мой учебник.

— Ну, разве не идеальная парочка из вас выйдет?

— Идеальная парочка для чего? — раздался голос Дилана над нашими головами. Несмотря на непринужденную позу, улыбка не затронула его глаз. — Пытаешься перехватить моего партнера, Элейн?

Она закатила глаза, с грохотом стащила свои вещи со стола и зашагала прочь. Дилан уселся на свое место.

Ничто здесь не принадлежит Дилану, снова произнесла я про себя.

— И что это было? — спросила я его.

Он пожал плечами.

— Элейн не умеет проигрывать. Мой проект победил на первом году обучения, и она никак мне этого не простит.

Я поджала губы. Должно быть, прошлым вечером из-за злости на отца я поспешила дать Дилану ответ. Мне не следовало соглашаться на наше партнерство. По крайней мере, пока не услышу больше о его идеях или пока лучше не узнаю студентов в нашей группе.

Или пока не буду уверена, что смогу нормально с ним работать.

— Она сказала, что ты всегда охотишься на «свежее мясо». — Я внимательно посмотрела на него. — Что она имела в виду?

Дилан выглядел изумленным.

— Что она сказала? Без понятия, что Элейн имела в виду под словом «всегда», но, надо признать, она смышлёная. Должно быть, поняла, что, раз я так быстро тебя отхватил, у меня есть конфиденциальная информация о твоих талантах. — Он наклонился и понизил голос до шепота. — И, конечно же, она оказалась права. У меня есть такая информация.

Я сглотнула. Ну зачем он говорит подобные вещи?

— Ведь раньше мы работали вместе, Тесс. Блин, а ты, о чем подумала? — улыбаясь, произнес он. Я про себя взмолилась, чтобы лицо не выдало моего смущения. Дилан толкнул меня локтем. — Да ладно, не бери в голову. Либо мы сможем шутить на эту тему, либо будем чувствовать себя ужасно неловко.

Мое тело подсказывало, что «ужасно неловко» станет девизом этого дня независимо оттого, сколько шуток я выдам. Как бы мне хотелось, подобно Дилану, не обращать внимания на наше прошлое. Я хотела работать с ним, ведь он прав, из нас получилась отличная команда. Вот бы я была в состоянии вести себя по-взрослому профессионально.

— К тому же, — продолжал уговаривать Дилан, — ты не захочешь работать с Элейн.

Она биомедик до мозга костей, а это значит, что она и на пушечный выстрел не подойдет к морским водорослям.

— Я сказала ей, что я эколог.

— Видишь? — воскликнул Дилан, размахивая руками. — Элейн оказалась права только в одном: мы идеальная пара.

Прекрати так говорить. Просто перестань.

— Как я уже говорил тебе прошлым вечером, — продолжил он, — ты можешь поспрашивать окружающих, если захочешь. В любом случае, я, конечно же, не собираюсь давить на тебя. Но считаю, что, работая вместе, мы на самом деле сможем всех победить и надрать их биомедицинские задницы.

Я усмехнулась. Дилан просиял в ответ. Мимо нас через всё помещение промчалась нахмуренная Элейн Сан.

Я смогу работать с Диланом. Знаю, что смогу. Два года назад во время нашей совместной работы над проектом я как-то же смогла держаться подальше от Дилана. Два года назад мне хватило сил оставить его, поскольку я понимала: так будет лучше для моего будущего. Эта сила и сейчас живет во мне. Плюс, мне удалось совладать с собой в тот момент, когда Дилан желал меня. А уж сейчас, когда у него есть девушка... Хотя если бы ее не было... я бы точно его поимела.

Я разбила ему сердце. Бросила его. Да, он не выглядит озлобленным, но и интереса не проявляет. Я превратилась лишь в забытую историю, невозвратное прошлое. Да как не называй, всё сводится к тому, что сейчас Дилан может смеяться и поддразнивать меня, знакомить со своей девушкой, при которой он никогда не упоминал имя той, с кем потерял девственность.

Стоп... он же не говорил ей про меня? Я подумала о Джейсоне, своем бывшем парне, который рассказывал мне о своих бывших пассиях. Да и я сама рассказала Джейсону про Дилана. Разве не все так поступают? Но если бы Дилан рассказал Ханне обо мне, разве она не заинтересовалась бы моей персоной чуточку больше при нашем знакомстве?

Мой разум переполнился образами Дилана, который, лежа в постели с моей сестрой, рассказывает о том, как он потерял девственность... со мной. О, Боже.

— Мисс Макманн? — голос доктора Юэ вырвал меня из кошмарных видений. — Хотите поделиться своими мыслями по поводу элемента поверхностного плазменного резонанса?

— Да! — ответила я с облегчением. Перелистывать свои записи про химические уравнения было гораздо проще, чем разбираться в своих запутанных мыслях. — Когда сталкиваешься с константой диссоциации¹⁶ выше ожидаемого значения К-дельта...

Дав ответ на вопрос профессора, я сосредоточила всё свое внимание на лекции, оставшиеся пятьдесят минут до конца пары записывая каждое слово. Для моего разума полезней будет чем-нибудь заняться, нежели беспокоиться о том, что Дилан рассказал Ханне. Уж лучше мечтать о возможности стать беспристрастным ученым или, например, продолжать вдыхать обалденный запах парня, сидящего слишком близко...

*****

Этим же днем я сделала то, что каким-то образом мне удавалось избегать всю свою жизнь — открыла профиль Ханны Свифт на Фейсбуке. Информации там было не много. На

аватарке стояла одна из тех обрезанных фотографий, на которых явно были запечатлены и другие люди. На ее плече лежала чья-то рука, которая, возможно, принадлежала отцу. Далее шел перечень учебных заведений: средняя школа в хорошей части города, университет Кантона. Она состояла в «отношениях» с Диланом, чьи фотографии также размещены на ее страничке. Стена была заполнена постами от друзей, селфи красивых девушек с вытянутыми губами а-ля «уточка», сообщениями, состоящими из восклицательных знаков, обнимашек и поцелуйчиков, постами из ее любимых ТВ-шоу и фильмов.

Ханна оказалась любительницей фильмов ужасов. Неожиданно. Она много читала или по крайней мере, хотела, чтобы все так думали. Я попыталась представить себе Ханну, уткнувшуюся в книгу в доме отца. Такой образ явно не вязался с ней. Или, возможно, не вязался именно тот образ, который я себе воссоздала: Ханна — красивая богатая девушка, живущая в доме моего отца, тратящая его деньги, чья фотография в серебряной рамке с сияющей улыбкой на лице стоит у папочки на рабочем столе. Мне хотелось узнать эту девушку, сумевшую привлечь внимание Дилана. Насколько я знала, он не был поклонником гламурных девиц. Так что же он в ней нашел? Быть может, ему понравилась девчонка, в чьем списке любимых книг значилась книга «Сто лет одиночества»? Сама я никогда ее не читала, но слышала о ней. Или, может, ему понравилось то, что она не визжит во время фильмов ужасов, когда маньяк выпускает кишки студенткам колледжа? Или его впечатлили ее достижения в теннисе?

Я ничего не знаю об этой девушке, несмотря на то, что она моя сестра. Я взглянула на список ее друзей — друзья из Кантона и средней школы. Интересно, среди них есть ее бывшие? Спутник на выпускном, тот, с кем состоялся первый поцелуй, парень с которым она потеряла девственность? Боже, надеюсь, последним был не Дилан. Такого ведь не может быть? Нет, они же начали встречаться лишь полгода назад.

Да не может быть, Тесс. Ей же двадцать. Вероятнее всего, Ханна не стала ждать так долго, как, например, мы с Диланом, чтобы начать заниматься сексом. Для этого она слишком общительная, слишком красивая и популярная. Еще бы, ведь она Свифт.

Что ж, подобную информацию вряд ли кто-нибудь выставит на всеобщее обозрение в Фейсбуке.

*****

Тем же вечером в «Верде» я помогала Сильвии готовиться к открытию ресторана. Я передала ей последнюю ложечку, после чего она принялась нарезать лимоны, нанизывать оливки и виноградный лук на зубочистки, терпеливо выслушивая мои излияния.

— Знаешь, Тесс, — в конце концов, произнесла она, — для того, кто не интересуется подружками Дилана, ты слишком переживаешь о том, как много он рассказал о тебе своей девушке.

Я не удостоила ее ответом. К тому же, мои переживания касались не Дилана. Я беспокоилась из-за Ханны.

— Но если бы он рассказал ей о нашей ночи, разве ей не захотелось бы узнать обо мне несколько больше? Тебе бы, например, не захотелось?

— Захотелось бы, — согласилась Сильвия. — Значит, он, скорее всего, не сказал ей.

Я помотала головой. Он бы рассказал ей. Дилан — искренний, честный, открытый Дилан — назвал бы ей имена девушек, с которыми переспал. Опять же, это мог сделать

Дилан-подросток. А с тех пор, судя по его словам, он переспал со множеством девчонок. Не исключено, что его список настолько длинный, что всех и не перечислить.

Но свою первую, наверное, стоило бы упомянуть, верно? Я бы точно так сделала. Произошедшее между нами много значило для меня, даже несмотря на то, что я так и не перезвонила Дилану. И я всегда полагала, что, раз он хотел сохранить наши отношения, значит, они для него тоже много значили.

О, Боже, а может, я была совсем плоха в постели? Возможно, дело было не в тех парнях?

— И всё равно, кого это волнует? — спросила Сильвия, вырывая меня из постепенно ускоряющегося состояния невроза. — Боишься, что если Ханна узнает, то начнет психовать из-за вашей совместной работы?

— Да. — По крайней мере, этот вариант походил на правду. Быть под пристальным вниманием Ханны Свифт в любом случае плохо. Плюс, мне не избежать встреч с ней, если мы с Диланом будем вместе работать над проектом. А если, не дай бог, он рассказал ей о нашем прошлом... Хм, сложившаяся ситуация определенно выходит за рамки отцовских правил.

— Разумеется, ты и так знаешь, что тебе делать, — начала Сильвия. Я с надеждой ждала продолжения ее фразы. Девушка смахнула прядь волос с глаз, взялась за подносы с орехами и продолжила: — Можешь *спросить у него*.

— Извини?

— Привет, Дилан, — произнесла она делано небрежным тоном, — прежде чем мы приступим к проекту для симпозиума, не мог бы ты сказать мне, как много твоя подружка знает о природе наших прошлых отношений, а если не знает, нормально ли она отнесется к нашей совместной работе? Потому что я не горю желанием быть облитой кислотой из мензурки. — Она пожала плечами. — Как-то так.

— Кислотой из мензурки? — сухо переспросила я. — Ты серьезно?

— Точно, ты права, — ответила Сильвия. — Гламурные девочки недостаточно сообразительны для того, чтобы ослепить тебя с помощью науки. Она просто-напросто поцарапает тебе машину или что-то в этом духе.

— Ну, тогда хорошо, — сказала я. — Краска на машине настолько плоха, что я даже не знаю, удастся ли ей поцарапать ее.

Подруга рассмеялась, и мы закончили нашу подготовку к рабочему дню.

Сегодня Сильвия обучала меня работе за барной стойкой. Вскоре моя голова была забита рецептами различных коктейлей, отличительными характеристиками сладкого и сухого вермута, временем, которое требуется на взбалтывание коктейлей в соответствии с буклетом рецептов за стойкой бара. Сильвия, будучи опытным барменом, смешивала большую часть напитков, мне же была отведена роль помощника, который разливал пиво, вино и оказывал помощь, когда вокруг поднималась суматоха.

— Для тебя это должно быть несложно, — произнесла Сильвия, как только стали появляться первые посетители. — Просто представь, что ты в лаборатории.

— В лаборатории гораздо тише, — заметила я. — И она не заполнена заигрывающими с тобой парнями.

— Серьезно? Разве не так ты познакомилась с Диланом?

— Верно подмечено. — Этими словами я положила конец сегодняшним разговорам, за исключением просьб налить «два разливных пива и пино-гриджио» или «передать лимонный сок».

После окончания смены я поехала домой, зевая и задаваясь вопросом, сколько чашек кофе мне придется сегодня выпить, чтобы суметь закончить домашнюю работу. А вот чего я совсем не ожидала, так это обнаружить ожидающую меня маму, которая сидела за кухонным столом, читала журнал и пила чай.

— Знаю-знаю, — произнесла она, слегка махнув мне рукой, — ты уже взрослая, но, так или иначе, теперь, когда ты живешь здесь, стало тяжело успокаивать себя мыслью, что ты уже в постели, как я делала это последние два года.

Я улыбнулась.

— Есть еще кофе?

— В полночь? — Она щелкнула языком. — Тесс, так продолжаться не может. Ты же сгоришь.

— Это единственный вариант, если я хочу остаться в Кантоне. Отец же не поможет.

Мама поджала губы и опустила взгляд на журнал. Я знаю этот взгляд. Она пытается выставить последний приказ отца в более выгодном свете.

— В конце концов, он изменит свое мнение. Полагаю, что в тот вечер он просто разозлился на то, что ты всё провернула за его спиной. Ты его дочь, Тесс. Он хочет участвовать в принятии важных для тебя решений.

Больше похоже на то, что ему хочется принимать эти серьезные решения за меня.

— Трудно чувствовать себя его дочерью, когда всего лишь упоминание о существовании моей сестры приводит его в бешенство.

Мама посмотрела на меня долгим задумчивым взглядом.

— Тесс, для него это тоже тяжело. Он так гордится тобой и всеми твоими достижениями. Он бы с удовольствием хвастался тобой перед всеми.

Тяжело. *Для него.*

— Ты этого не знаешь, но много раз, когда мы были моложе, он все пытался заставить... Ханну... быть более ответственной и хотя бы немного сосредоточиться на школе и своих целях.

Ну, по крайней мере, счастливица Ханна была избавлена от лекций типичного родителя с нотациями вроде «почему ты не можешь быть похожа на свою сестру».

— И что ты хочешь этим сказать, мам? То, что это связано с твоими превосходными навыками воспитания детей, и он, возможно, женился не на той женщине?

Мама улыбнулась.

— Что ж, ты права, — произнесла она, склонив голову на бок. — Неужели ты так думаешь? Я всегда считала, что мне просто повезло. Явно же, что ты получила свои амбициозные качества не благодаря моим генам. Я никогда не была ученым, меньше всего в школе меня заботила наука.

— Но ты никогда и не отговаривали меня от попыток достичь большего, — ответила я. *В отличие от моего отца.*

— О, милая, не думаю, что у меня бы получилось. Ты всегда добиваешься желаемого.

— Не всегда, мама, — произнесла я, прикусив губу. Однажды я ушла от Дилана, и мне придется постараться изо всех сил, чтобы снова поступить также.

*****

Первая запланированная встреча с Диланом должна была состояться на следующей

неделе после уроков в лаборатории фотоники¹⁷. К тому моменту я уже поняла, что Сильвия подкинула стоящую идею. Чтобы следующие пару месяцев вместо выведения формул не волноваться о нашем «секрете», я решила выяснить у Дилана, что именно он сказал обо мне Ханне.

— Прежде чем мы дадим нашему сотрудничеству зайти слишком далеко, — начала я, громко постукивая карандашом по странице книги, — я должна кое-что у тебя спросить.

— Ладно... — медленно произнес Дилан, подняв на меня слегка взволнованные глаза.

— Что именно ты рассказал Ханне о нас? — выпалила я.

— О том, что мы вместе работали над проектом?

— Нет, о нас.

— Оу.

— Потому что, как правило, о таких вещах рассказывают, — промусолила я. — Девушкам. О прошлом...

— Разве? — Я подняла голову от завораживающих записей в тетради.

— А разве нет?

— Не знаю, Тесс, — поддразнил он меня. — Ты же это утверждаешь. Я лишь предположил, что у тебя есть факты, подтверждающие твою гипотезу.

— Ну, из нас двоих у тебя одного такой большой опыт! — парировала я. — Множество девушек, не забыл?

— Верно. Мои слова, — рассмеялся Дилан.

Мой рот приоткрылся.

— Это что, неправда?

— Ну... — пожал он плечами. — Множество — это не конкретное число, мадам Ученый. Какое точное число «множества»?

Я выпрямилась и посмотрела ему в глаза.

— Десять.

Дилан виновато моргнул.

— Я так и знала! — воскликнула я и бросила в него карандаш, но он увернулся.

— Тесс, что ты хочешь от меня услышать? Я был на приеме, занимался своими делами, как вдруг неожиданно девушка, с которой я не разговаривал два года, появляется у подноса с сыром, словно какая-то галлюцинация в серой юбке.

— На мне было платье.

— Шок, вот что это было, — произнес Дилан, сложив руки на груди. — Ладно, прекрасно. Трое. Не считая Ханны.

Я ничего не ответила, отчасти потому что число три во многом меняло мое восприятие ситуации, а уж слова «не считая Ханны» и вовсе заставили меня почувствовать себя неловко.

Дилан не сводил с меня пристального взгляда. Когда он снова заговорил, его голос звучал гораздо мягче.

— Что ж, теперь ты знаешь о моем сексуальном опыте гораздо больше моей девушки. Я ответил на твой вопрос?

Не доверяя своему голосу, я просто кивнула, приложив все усилия, чтобы не задать все те вопросы, которые крутились у меня в голове, включая самый главный — почему? Почему он не рассказал Ханне обо мне, если наши отношения навсегда остались в прошлом?

— Теперь твоя очередь. У подноса с сыром ты сказала, что встречалась с девчонками, это правда? Потому что, как я полагаю, это помогло бы моему эго понять, что ты решила,

будто парни не в твоём вкусе.

Ну ладно, то, что я сказала ему, тоже не было правдой. Сделав глубокий вдох, я призналась:

— Не было никаких свиданий с девушками.

— Плакала моя фантазия. И моя заготовленная речь о том, что я, как твой друг, считаю, что ты можешь остановить свой выбор на ком-то получше Элейн Сан.

— Я не западаю на девчонок, Дилан, — заставила я себя улыбнуться.

Он промолчал, но за его молчанием повис немой вопрос. Я видела это в его бездонных голубых глазах. И поняла, что после всех этих лет задолжала Дилану ответ.

— Я... не была готова к отношениям, — призналась я. — По правде говоря, я немного боялась того, куда они нас заведут. Мне было всего восемнадцать и... Я просто не была готова.

Казалось, Дилан задумался над моими словами.

— Это я понимаю, — наконец ответил он. — В любом случае... всё было к лучшему.

— Да! — с облегчением согласилась я. — Теперь мы будем партнерами и друзьями. Это здорово.

— Да.

Какие же мы лгуны.

Глава 8

Всё устроилось достаточно просто. В четверг и пятницу я работала в «Верде» по вечерам, целый день в субботу и воскресенье, а вечерами с понедельника по среду занималась с Диланом.

В понедельник мы с ним зависали над проектом с пяти до девяти вечера, как вдруг он сообщил, что ему нужно уйти на встречу с Ханной. Во вторник мы работали с пяти до десяти, и он снова целый час повторял, что должен встретиться с Ханной, а потом и вовсе покинул лабораторию.

В среду, наконец, оторвавшись от работы, мы обнаружили, что часы показывают половину двенадцатого. Дилан достал свой телефон и произнес:

— Три пропущенных вызова.

— От Ханны?

Он кивнул.

— Нужно было предупредить ее, что сегодня вечером мы не сможем встретиться.

Теперь настал мой черед кивать. Таково правило. Я поняла это после долгих лет проживания с мамой. Если ваш женатый любовник начинает жаловаться на свою жену или семью, просто кивайте и не смотрите в глаза. Вот только Дилан не был женат. И он больше не мой любовник. Но этот факт не остановил меня от подражания поведению своей матери. Знаю-знаю, меня и саму это сильно шокировало.

— Мне нужно идти, — произнес Дилан.

Я снова кивнула, на этот раз не отрывая глаз от ноутбука.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тесс?

Подняв голову, я увидела, что он смотрит на меня с непроницаемым выражением на лице.

— Да?

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Его слова буквально вырвали мне сердце, оставив на его месте пустую зияющую дыру.

— Конечно, — беззаботно ответила я, игнорируя боль, волной пронесшуюся от живота к сердцу. — Я готова к напряженной работе. К завтрашнему утру подготовлю для тебя заметки.

Дилан молчал и не отрывал от меня взгляда. На мгновение мне показалось, что он догадался, как нелегко мне дается это наплевательское поведение. Как будто я не задумываюсь о том, что, бросив меня здесь, он вернется к себе в квартиру, где его ждет она! О, а вот и образы нахлынули. Как по заказу. Ну, те самые образы, где Дилан вместе с ней. С Ханной. Моей сестрой.

Он заходит в квартиру. Она ожидает его на скомканных голубых простынях на диване. Он стаскивает с себя футболку, обнажая мышцы, которые лишь начинали вырисовываться, когда я с ним познакомилась и когда он принадлежал мне, а сейчас полностью сформировались... и выглядят они, скажу я вам, потрясающе. Ханна скользит рукой по его груди, волосам. Ее совершенные ухоженные пальцы украшают кольца, включая и то, с огромным бриллиантом на безымянном пальце левой руки.

Я зажмурилась. Что, черт возьми, со мной не так? Я же не моя мать. Плюс, в моем распоряжении было два года, чтобы гоняться за Диланом. А может, меня просто привлекает его недоступность? Может, мне не стоит переживать из-за того, что он кого-то нашел и потерял ко мне интерес?

Рука Дилана накрыла мою, а затем скользнула вверх, мягко поглаживая кожу.

— Тесс? С тобой всё в порядке?

Я открыла глаза, чувствуя себя очень глупо.

— Прости. Голова немного побаливает.

— Ты переутомилась. Мне не стоило задерживать тебя допоздна. К тому же завтра у тебя смена в ресторане... — произнес он, нахмурившись. — Ты сможешь доехать до дома?

— Всё прекрасно. — Я хлопнула крышкой ноутбука, раздраженная тем, что он спровоцировал меня на ложь.

— Мне не нравится мысль, что ты сама поведешь машину.

— А меня не прельщает идея спать под столом лаборатории.

Уголок его рта приподнялся.

— Ты можешь переночевать у меня.

Я уставилась на него. Он что, серьезно? Неужели он такой придурок? Его совсем не заботит то, что происходит между нами, раз он приглашает меня к себе переночевать? А может, он пригласил меня для чего-то совершенно другого?

— А я могу остаться у Ханны, — добавил он.

Оу. Оу. Образы снова пронеслись у меня в голове, только на этот раз Дилан стаскивает свою рубашку в безупречной и роскошно мебелированной квартире Ханны — такой уж я представляю себе жилье сестрички. Не какая-нибудь скромная комната в общежитии, а местная квартирка недалеко от родительского особняка для драгоценной Ханны Свифт. В этом я абсолютно уверена.

— Нет, — быстро проговорила я, — не поступай так.

— Как?

— Не оставайся у Ханны. — Слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела себя остановить. Его глаза расширились. — Я имела в виду... не беспокой ее... в такой час. — Во

взгляде Дилана бушевал огонь. — Я в порядке. И в состоянии доехать до дома.

Я принялась запикивать свои вещи в сумку, старательно отводя взгляд от Дилана. Выплюнув слова прощания, я выбежала из лаборатории.

Все это неправильно, думала я, перепрыгивая через две ступеньки, *не по правилам*. Я выскочила на стоянку и заспешила к своему потрепанному поддержанному автомобилю. Девушки вроде меня не отдают распоряжения парням насчет того, возвращаться ли им домой к своим подругам ли нет.

В следующую минуту в моей голове вспыхнула мысль бросить всё это, но затем я села в машину, вставила ключ в зажигание и поехала домой, пытаясь всю дорогу игнорировать мысли, барабанным боем отражающиеся в моей голове.

Девушки вроде меня.

Девушки вроде меня.

Девушки вроде меня.

*****

Никогда в жизни я не позволяла себе прогуливать уроки, но в этот четверг меня одолевало непреодолимое желание пропустить занятие по биотранспорту. Не успела я зайти в аудиторию, как тут же осознала наличие возникшей проблемы между нами с Диланом после моего стремительного побега накануне вечера. Но, по словам Дилана, конкуренция на симпозиуме будет весьма ожесточенной, и поэтому я не могу сесть за другой стол, проигнорировав закрепленное за мной место. Со стороны это покажется странным. Поэтому мне пришлось усесться на прежнее место.

Дилана я скорее почувствовала, чем увидела, поскольку уткнулась носом в свои записи. Он не произнес ни слова. Я подвинула ему его учебник, который он также молча взял. Во мне всё перевернулось.

Началось занятие, и я обнаружила, что уже скучаю по его легким толчкам локтем и шуткам. Как же мне удастся пережить этот семестр? Нет, забудьте. Как я смогу пережить даже выходные без него и его подколов? Я даже сейчас не могу удержаться от того, чтобы не спросить, о чем он думает. Я скосила глаза на Дилана. Его внимание было полностью сосредоточено на нашем профессоре, а пальцы набирали текст на клавиатуре ноутбука. На другом конце аудитории Элейн Сан делилась своими записями с другой студенткой и показывала ей что-то в открытом перед ними учебнике. Я, предаваясь размышлениям, постукивала ручкой по краю своей тетрадки, пока та неожиданно не выскользнула из моих рук и не покатила под стол. Мы с Диланом одновременно потянулись, чтобы успеть ее схватить. Наши руки соприкоснулись, когда каждый ухватился за свой край ручки. Я подняла глаза и заметила, что парень сегодня надел очки.

— Привет, — прошептал он.

— Привет.

Время остановилось. Всё словно вернулось на два года назад, очки и прочие вещи. Вот так, в полусогнутом состоянии, с лицом Дилана в миллиметрах от моего, я могла бы жить счастливо. Правда так нас может заметить профессор. Остальные ребята в группе уж точно обратят внимание.

Дилан выпрямился, спустя мгновение и я последовала его примеру, снова возвращаясь в аудиторию, освещенную неприятным флуоресцентным светом, где проходят занятия,

находятся студенты и Дилан, у которого есть девушка, и в ком я не должна быть заинтересована.

Он наклонил экран монитора в мою сторону, а после постучал по моей тетрадке. Я бросила взгляд сначала на экран, потом в записи, где среди формул и конспектов красовалась однострочная запись, выведенная рукой Дилана.

Не убегай от меня.

У меня перехватило дыхание. Я наклонилась над тетрадкой, скрываясь под волной своих темных волос, и принялась строчить ответ.

Я прямо здесь, вывела я и перевела взгляд на экран.

Если что-то не так, просто скажи. Нам уже не 18 лет. Если ты не в состоянии с мной работать, можешь просто так и сказать. Лучше остановиться прямо сейчас, чем рисковать своими шансами под конец.

Ох, это больно. Оскорбленная, я почувствовала, как краска начала заливать область шеи и щек. Так что же, теперь Дилан считает меня девушкой, которая не в состоянии закончить работу над проектом, потому что не может держать свои гормоны под контролем? Я в очередной раз наклонила голову, загораживая от него свои записи, чтобы вывести на бумаге четкие буквы.

Я могу это сделать. Но ТЫ должен прекратить приглашать меня провести ночь в своей постели.

Я откинулась на спинку стула и постучала по бумаге. Убедившись, что он прочитал мой ответ, я провела жирную черную линию вдоль слов, перечеркивая их. Мне не нужны подобного рода записи в конспектах. Подняв глаза, я встретила пристальный взгляд Дилана, правда из-за блестящей поверхности очков выражение на его лице было невозможно прочесть. Я одарила его самодовольной улыбкой и обратила всё свое внимание на профессора. Этот раунд остался за Тесс Макманн. Пусть прошлым вечером я и вела себя как униженная бывшая девушка, но Дилан первым начал всё это. Быть друзьями это одно, но оставаться у него ночевать совсем другое. Между нами сложились не настолько дружеские отношения.

Когда пара закончилась, я начала собирать свои вещи, игнорируя Дилана.

— Ты работаешь все выходные? — спросил он обиденным голосом, словно между нами вообще ничего не произошло.

— Большую их часть, — ответила я. — Но если хочешь, я постараюсь найти время, чтобы встретиться и поработать над проектом. Может, и получится.

— В этом нет необходимости, — сказал он. — Я всего лишь хотел поддержать разговор, вот и поинтересовался насчет твоих планов.

Я откинула волосы с лица и, повернувшись к нему, спросила:

— Только работа. А у тебя?

— Собирался на выходных пойти на футбол с парочкой друзей. — О, точно. В Кантоне, в отличие от государственного университета, не приходится бороться за билеты на матч.

— Звучит весело.

— Можно было бы пересечься. — Его слова повисли в воздухе. — Ханна не пойдет.

Мне удалось лишь кивнуть.

— Ну, удачи. Думай обо мне, нарезающей лимоны, пока будешь на игре.

— Не переживай, — произнес он. — Обязательно буду думать.

— *Ханна не пойдет?* — с сомнением в голосе повторила Сильвия. — И он тебе об этом сообщил?

— Да, — ответила я, сдувая прядь каштановых волос с лица. Мы занимались подготовкой бара к открытию. У большинства студентов по пятницам занятий не было, и поэтому вечер четверга в студенческом городке проходил также бурно, как и выходные. — Как-то странно, не находишь? — спросила девушка, приподняв бровь. Одну бровь. Кроме Сильвии у меня не было знакомых, которые могли так делать. Хотя и ей для такого мастерства потребовались годы практики. Она даже вписала данное умение в графу «*таланты*» в свое актерское резюме наряду с умением вопить по команде.

Что ж, я рада, что Сильвия тоже заметила, как подозрительно это выглядит. Сперва Дилан позвал меня переночевать у него, а теперь пригласил на общественное мероприятие, осознавая тот факт, что его девушки там не будет. Я знаю правила подобной игры. Мое появление на свет связано с такой игрой.

Я просто не могла подумать, что Дилан окажется похожим на моего отца.

— Определенно, очень подозрительно, — согласилась она. — Особенно после того факта, что он преувеличил рассказ о своей сексуальной жизни, и слов той девушки из твоей группы о «*свежем мясе*»...

Аннабель, которая сегодня была дежурной официанткой, забежала в бар с заказами на напитки.

— Как дела, дамы?

Пока Сильвия готовила мартини для заказа Аннабель, я поведала ей о последних новостях про Дилана.

— Я не согласна, — сказала она, когда я замолчала. — Я бы не стала делать столь поспешных выводов и осуждать его.

— Ты такая тряпка, — произнесла Сильвия, нанизывая маслины на зубочистки.

— Давайте просто проанализируем происходящее, прежде чем делать какие-либо выводы, — предложила Аннабель. — Ты знаешь этого парня, и он никогда не вел себя как придурок, правильно?

— Она *знала* его, — поправила Сильвия, наливая напиток в шейкер. — Два года назад. А сейчас он превратился в супергорячего красавчика. Такие изменения могли пойти ему не на пользу.

Ну, я всегда считала его супергорячим красавчиком. Ну, или хотя бы просто супер симпатичным.

Аннабель проигнорировала слова своей сестры и привела очередной довод, загибая пальцы на руках.

— Он решил, что тебе плохо и предложил переночевать у себя, а не делить с тобой постель. Вот в чем разница. Быть может, он по-настоящему беспокоился и не хотел, чтобы ты вела машину поздней ночью. Помимо прочего, ему известно, что в Кантоне ты новенькая и еще не успела обзавестись друзьями. Поэтому он и пригласил тебя на тусовку *в свою компанию*, — произнесла она, посмотрев на Сильвию. — Думаю, он просто пытается быть милым.

— Тогда зачем ему подчеркивать, что его девушки там не будет? — отметила Сильвия.

— Вероятно, он догадался, что Тесс чувствует себя неуютно рядом с ней из-за всей той

фигни насчет того, что когда-то они переспали. Может, это его способ сказать «Давай потусуем с моими друзьями, и тебе даже не придется иметь дело со странностями моей подруги»?

— А может он пытается сказать «Приходи и сделай мне небольшой *подарочек*», — предположила Сильвия, разливая мартини в приготовленные Аннабель бокалы.

Закатив глаза, Аннабель отправилась раздавать напитки, предоставив нам достаточно информации для размышления. Сестры Уоррен не знали этого, но я была слишком хорошо знакома с повадками и привычками гулящих мужчин. Отец никогда не приглашал маму в свой круг общения. Они действительно вели себя как «друзья», каковыми и хотели казаться во время путешествий. Как и большинству других мужчин и их любовницам, им было что терять, если бы об их тайной жизни стало известно окружающим. Мама, например, никогда не ходила с отцом в ресторан, опасаясь раскрытия их секрета.

— Я честно не понимаю, как ей это удается, — проворчала Сильвия, находясь рядом со мной, пока я наливала «Пино гриджио» группе девушек, сидящих на другом конце барной стойки. — Я еще не встречала людей, которым бы так подгадили мужчины как Аннабель, но она всё равно продолжает думать о них только хорошее.

— Наверное, это из-за Майло, — предположила я. — Когда-нибудь он превратится в мужчину, и ей хочется верить, что он станет одним из лучших представителей рода мужского.

— Ему лучше таковым и оказаться, иначе я сверну ему шею.

Я улыбнулась словам своей подруги.

— Ну, по крайней мере, ты признаешь, что мужчины могут быть хорошими.

— Майло — еще не мужчина, — возразила она. — Поговорим об этом лет через десять.

Мужчины и вправду использовали Аннабель. Ее первый парень, Марк, оказался вором и бандитом, а, возможно, совершал и другие преступления, о которых мне неизвестно. Сейчас, слава богу, он сидит в тюрьме, но в свое время ему удалось причинить достаточно боли Аннабель, как до, так и после ее беременности. Когда девушка отказалась избавиться от ребенка, и родители выгнали ее из дома, она обратилась к отцу Марка за помощью, но тот обозвал ее лживой шлюхой и настоял, чтобы она сделала тест на отцовство, прежде чем *разрушит* жизнь его сына. Последнее заявление было самым смехотворным.

Когда Майло исполнилось шесть месяцев, Марка арестовали за проникновение со взломом в дом его соседа, и после получения им судимости вопрос о выплате алиментов потерял свою актуальность. Я считаю, что для Майло отсутствие такого отца в жизни стало лучшим вариантом. Если бы мне пришлось выбирать единственного мужчину, которого мне не хотелось бы видеть в качестве авторитета для будущего поколения, им бы оказался Марк.

Майло является для Аннабель лучиком света, и она по-прежнему не теряет веру в человечество. В отличие от своей сестры Сильвии, которая выросла циником. Если бы я захотела причислить мужчин к незначительным приоритетам в своей жизни, у меня бы всё равно не получилось этого сделать лучше подруги с ее «держись от меня подальше» позицией.

Девиз Сильвии — виновен, пока не доказана невиновность. Она ненавидит всех до тех пор, пока не узнаёт другую их сторону, а тех, кто все-таки становится ей симпатичен можно пересчитать по пальцам.

Вечер был в самом разгаре, и я вдруг поняла, что у меня остается не так уж много времени для дальнейшего обсуждения сложившейся ситуации с моими подругами, но

поскольку продажа пива не требует больших затрат умственных способностей, у меня всё еще остается куча времени на раздумья. Да и не со всеми своими мыслями я могла поделиться с сестричками Уоррен. Сильвия делила мужчин на тех, которые изменяют, и тех, кто не делает этого. А может, ее точка зрения единственно верная? Но женщин тоже можно разделить на тех, с которыми можно изменять, и тех, кто является противницами подобного поведения. К первой категории относятся женщины, похожие на мою мать, те, которые выделяют особые феромоны, ощутив которые мужчины говорят: «Я выдержу всё дерьмо. Просто давай сделаем это». Быть может, и я отношусь к этой категории женщин.

Но, в любом случае, я не собиралась пропускать субботнюю смену ради просмотра футбольного матча с Диланом и его приятелями. Даже несмотря на отсутствие Ханны. Лучше уж я постараюсь запомнить точные пропорции «Амаретто сауэр»,¹⁸ который девушки из женского сообщества за тридцать пятым столиком поглощали словно «Kool-Aid».¹⁹ Видимо, во мне говорит биохимик, но уж лучше работать барменом, нежели официанткой. Хотя, вернее сказать, меня привлекает та часть работы бармена, которая не требует общения с клиентами.

— Эй, сладкая, — послышался сквозь шум чей-то голос. — Эй, вы там, мисс?

Спустя какое-то время я осознала, что меня зовут. Повернувшись, я увидела молодого человека, размахивающего наличкой над барной стойкой.

— Да?

— Три разливных пива для меня и моих друзей.

Я налила пиво и принесла его им. На стульях в конце барной стойке расположились трое парней и две девушки. На некоторых из них были надеты футболки с надписью «Кантон».

— Ну, наконец-то, хоть какое-то обслуживание! — произнесла одна из девиц. — Вы делаете «Амаретто сауэр»?

— По особому рецепту, — улыбаясь, произнесла я и, схватив амаретто и кисло-сладкий сок с полки, начала их смешивать.

Парень, что окликнул меня, наблюдал, как я смешиваю напитки для девушек. Но если честно, он скорее наблюдал, как подрагивает моя грудь.

— Хочешь открыть счет? — спросила я у него.

— До тех пор, пока ты бармен, сладкая.

Я заставила себя улыбнуться и взять его кредитку. На карте было выведено имя — Тодд Дж. Гамильтон-младший. Похоже, отец Тодда настолько сильно его любил, что назвал в свою честь. Должно быть, это приятно. Я же не носила даже фамилии отца.

В следующий раз, когда я подошла к этой части барной стойки, к Тодду и его друзьям присоединилась еще одна девушка, которой явно чем-то не нравились стулья в «Верде», судя потому, что она устроилась на коленях у Тодда. С тех пор как девушка заказала себе «Амаретто сауэр», он ни разу не взглянул на меня. Даже моя грудь больше не достаивалась его внимания.

Его девушка. Всё ясно.

Вечер был в самом разгаре, молодые люди заказывали разливное пиво, джин с тоником, а группка на другом конце барной стойке — «Амаретто сауэр». В какой-то момент девушки ушли, предоставив парней самим себе. Когда я выполнила последний круг заказов, Тодд мне улыбнулся.

— Как тебя зовут, милая?

— Тесс, — ответила я и вручила ему его пиво.

— Тесс, — повторил он. Мое имя, слетевшее с его губ, напоминало шипение. — Чем собираешься заняться после смены?

— Вернусь домой и займусь учебой. — Я старалась выглядеть открытой и дружелюбной, соблюдая профессиональные повадки бармена. — Мне нужны чаевые, и мы с тобой не друзья.

Выражение замешательства отразилось на его лице.

— Ты же не учишься в Кантоне. — И это был не вопрос.

— На самом деле, учусь. Только что перевелась. — Я пыталась сохранять ту же беззаботность в своем тоне, ведь не было никакого смысла лгать, да?

— О, — он по-прежнему оставался сбитым с толку, — поздравляю.

— Спасибо. — Покинув его общество, я подошла к Сильвии в другой части бара. — Парень испытал шок, узнав, что я учусь в Кантоне.

— Конечно же, он в шоке, — ответила она. — Мы же обслуга, разве ты этого не знала? Не ровня им. *Не люди.*

Тодд снова привлек мое внимание.

— Знаешь, — невнятно заговорил он, как только я подошла к нему. — Раз ты студентка Кантона, возможно, после смены тебе захочется посетить наше братство? Мы устраиваем небольшую вечеринку. Только для близких друзей.

— Ты не входишь в круг моих близких друзей, — беззаботно произнесла я, наливая ему еще пива.

Он схватил меня за руку, когда я пододвинула ему бокал.

— Пока что, дорогая.

Я отпрянула.

— Случайно не твоя девушка ушла отсюда пять секунд назад?

— Э-э, — промычал он, пожимая плечами, — она не моя девушка.

— Неужели? — спросила я, скрестив руки на груди. — А если я спрошу у нее? Что ответит она?

Выражение на его лице омрачилось.

— Господи, ты злюка. Ты неправильно меня поняла. А ведь явно похожа на тех девчонок, которые любят повеселиться.

Удар по лицу причинил бы мне меньше боли. Через пять минут, когда ребята закрыли счет, Сильвия принесла мне маленькую черную кожаную папку для счета. На чеке в строке «чаевые» красовалась надпись «сучка». Что ж, я даже не удивлена.

— Вот уроды, — выругалась Сильвия. — Сами напросились. В следующий раз в напитках их будет ожидать парочка плевков.

Я кивнула и закрыла папку для счета.

— Да пошли они, — продолжила она. — Эти уроды думают, что любая официантка является легкой добычей. А если не упадешь на колени и прямо здесь не отсосешь им, они ведут себя так, словно ты им не ровня. Но это издержки нашей профессии. Не обращай на них внимание.

— Они меня не волнуют, — произнесла я. И в моих словах была огромная доля правды. Кокетство и развод ради чаевых раздражает, но это часть здешней атмосферы. И такое поведение не составляет большого труда.

Ты одна из тех девчонок...

Тодд и его друзья решили, что я похожа на одну из тех девчонок, которые приводят парня домой, не обращая внимание на то, что весь вечер он провел с другой девушкой. На одну из тех, кого не волнует, что этот самый парень взял на себя обязательства перед другой, которая всё еще верит, что ее половинка не может подцепить официантку в баре. На одну из тех, кого так напоминает моя мать.

Неужели они правы?

Глава 9

Этот мучающий вопрос не оставлял меня в покое и утром следующего дня, когда я собиралась на лабораторную, назначенную на девять утра. Подъезжая к университету, я продолжала обдумывать решение. Вот, например, с такой девушкой как Ханна, Тодд Дж. Гамильтон-младший вряд ли обошелся бы так, как со мной прошлым вечером. Неужели у меня на лбу красуется надпись: «Она легкая добыча»? Или ее замечают лишь подонки, подобные вчерашнему парнишке?

Неужели такие вещи всегда происходили? Я была не особо прилежной студенткой на занятиях английского языка, но также как и остальные в средней школе читала Джейн Остин. Все мои одноклассники чуть ли не в обморок падали от истории любви мистера Дарси и Лиззи Беннет, героев книги «Гордость и Предубеждение», я же была очарована мистером Уикхемом, который пытался соблазнить нескольких героинь в этом романе. Учителя не акцентировали на нем внимание, я же была не в силах выбросить образ этого персонажа из головы. Сперва он добивался женитьбы с обеспеченной Джорджианой Дарси, сестрой мистера Дарси. После с Мэри Кинг из Меритона, наследницей богатого состояния. А вот с кокетливой Лиззи, младшей сестрой Лидии, за душой которой не было ни гроша, он просто сбежал ради секса, разрушив тем самым ее жизнь и жизнь ее семьи. Позже дядя Лиззи сообщил, что в Уикхеме не стихала надежда жениться на богатой девушке, несмотря на его «жизнь во грехе» с Лидией. Меня всегда мучил вопрос, чем бы всё закончилось, не вмешайся мистер Дарси и не заставь он его жениться? Неужели Лидия провела бы остаток жизни, храня свой секрет и воспитывая незаконнорождённых детей Уикхема, пока тот сочетался бы законным браком с какой-нибудь аристократкой?

Если бы существовала невидимая татуировка для девушек вроде нас, Лидия Беннет точно бы стала ее обладательницей.

Мне всё же удалось выбросить подобные мысли из головы, пока я доделывала лабораторную, но настроение по-прежнему не улучшилось. Выйдя из лаборатории, едва замечая, куда иду, я, конечно же, столкнулась с Диланом! Видимо, мое состояние можно было прочесть по лицу, потому что, удержав меня от падения, он спросил:

— Вау, спокойно. Ты в порядке?

— Все прекрасно, — проворчала я. — Просто тороплюсь. Моя смена начинается в десять тридцать...

— О, точно. Как продвигается работа в ресторане?

Я закатила глаза.

— Да так, прошлым вечером попалась парочка придурков...

— Жесть. Плохие чаевые?

— Полное их отсутствие, — ответила я. — Очевидно, до некоторых парней не доходит, что чаевые — не повод для официантки ложиться с ними в постель.

Пелена застила глаза Дилана.

— И часто с тобой такое случается?

— Я дам тебе знать, если это затянется. Но по словам моей подруги Сильвии, подобное случается частенько.

— Мне жаль. — Он покачал головой. — Надо вытащить тебя оттуда. Я буду держать ухо в остро о любых вакансиях ассистента профессора.

— Спасибо, — поблагодарила я, пожав плечами. — Но это тоже своего рода опыт. Мне следовало догадаться, что парень с таким вычурным именем как Тодд Дж. Гамильтон-младший окажется подонком. Возьму на заметку — всегда проверять кредитку при открытии счета. Если у посетителя окажется придурковатое имя, пусть ожидает соответствующего обращения.

— Мне так жаль, Тесс, — спустя мгновение молчания произнес Дилан.

Что ж, мне не нужна его жалость. Я просто хочу добраться до работы.

*****

Вечер пятницы в «Верде» прошел без каких-либо инцидентов. В субботу на ланч пришли особенно вежливые посетители (зачастую местные жители), не пожелавшие идти на футбольный матч. По мере наступления вечера клиенты становились всё более агрессивными, потихоньку ресторан заполняли футбольные фанаты, жаждущие отпраздновать победу Кантона. Большая часть кабинок была заполнена людьми, наряженными в кепки и футболки с символикой Кантона.

— Обслужи двадцать восьмой столик, — произнесла Аннабель, проходя мимо меня. — Шесть человек. Они просили именно тебя.

— Уже пошли заявки? — удивилась другая официантка. — Ну и дела, кто-то оказывается у нас очень популярен.

Данное обстоятельство сбило меня с толку. Я недостаточно долго проработала в «Верде», чтобы обзавестись постоянными клиентами. Приближаясь к столику, я старалась не проявлять ни малейший толики любопытства, но при виде Тодда Дж. Гамильтона-младшего, которого сопровождала парочка взрослых, мой желудок скрутило. Но затем парень, сидящий в уголке, поднял голову и улыбнулся. Голубые глаза, темные волосы. Дилан.

Я жаловалась ему на его же друга?

— Привет, Тесс! — бодро поприветствовал меня Дилан. — Ребята, это моя подруга по курсу биоинженерии Тесс Макманн. Она только что перевелась в Кантон и, к сожалению, ей пришлось работать во время футбольного матча.

— Оу... — сочувственно произнес хор голосов.

— Тесс, это сотрудники «Кантон Хем», которых я встретил в заключительный «День карьеры». Ты подружись с ними, если когда-нибудь решишь присоединиться к их пикнику. У них всегда найдется отличное испанское вино. — Он подмигнул одной из женщин, которая улыбнулась ему в ответ.

— Хорошие напитки не сравнятся с тем пойлом, которое пьют мальчишки из братства, — произнесла она. — Я Кэтлин Гамильтон, вице-президент отдела по работе с персоналом в «Кантон Хем».

— Приятно познакомиться, — ответила я.

— И, разумеется, — продолжил Дилан, — ты уже знакома с ее сыном Тоддом.

Тодд сидел с опущенной головой, не отрывая взгляда от своего меню.

— Да, мы с Тоддом познакомились прошлым вечером, — произнесла я, раздавая меню остальным.

— Я тоже подрабатывала официанткой во время учебы в колледже, — продолжила Кэтлин. — Нелегкая работенка. Всегда найдется придурок, который начнет пускать слюни.

— И не говорите, — согласился Дилан, поглядывая на Тодда. — Звучит ужасно. Как можно неуважительно себя вести по отношению к женщине, которая всего лишь пытается выполнять свою работу?

— Совершенно верно, — согласилась с ним Кэтлин. — Что ж, Тесс, если захотите подать заявление на стажировку в «Кантон Хем», вот моя визитка. — Она протянула мне глянцевою прямоугольную карточку. — На протяжении всей игры Дилан только и делал, что пел тебе дифирамбы.

— Ой, неужели?

Я собрала заказы на напитки и отошла. На оставшуюся часть вечера я сумела к минимуму свести наше общение. Когда я готовила им счет, Дилан нашел меня у компьютера.

— И что всё это значит? — спросила я у него, надавливая на экран с большей, чем того требовалось, силой. — Завалиться сюда вместе с ним и его *матерью*!

Дилан поднял руки, как бы показывая, что не виноват.

— А что? Ты же сама сказала, что он тебя изводил. У меня появилась возможность исправить это. И заодно бесплатно пообедать.

— Дилан, я не нуждаюсь в твоей помощи и защите.

— Я знаю это, — мягко произнес он. — Но я ненавижу парней, которые выкидывают подобные вещи: ведут себя по-скотски по отношению к людям, и уж тем более к женщинам, считая себя выше них. Я просто хотел преподать ему небольшой урок на будущее.

Я распечатала чек и вложила его в счетницу.

— А я думаю, единственное, чему ты научил его, — это аккуратнее выбирать объект издевательств. Он может любезнее вести себя со мной, узнав, что я учусь с тобой на курсе биоинженерии и что «Кантон Хем» будет лебезить передо мной, но разве это остановит его от хамского отношения к другим официанткам, скажем, к моей подруге Сильвии?

Какое-то время Дилан не спускал с меня взгляда.

— Возможно, и нет. Но это лишь начало. Ему не следовало подкатывать к тебе.

— Хмм. У него же есть девушка, — проговорила я, отведя взгляд в сторону.

— Не всех это останавливает.

Смотрите, кто заговорил. Неужели я неправильно восприняла слова Дилана? Может, Аннабель оказалась права, и он пригласил меня переночевать у него просто из-за хорошего отношения? А приглашение на игру? И неужели он правда не имел коварных намерений кроме помощи со стажировкой в «Кантон Хем»?

— К тому же он не знает, как ты обращаешься с мужскими сердцами. — *Просто смотри на кассовый аппарат, Тесс. Так безопаснее*, подумала я и рассмеялась. — И... он тебя не заслуживает.

Я повернулась к Дилану. Взгляд его глаз был обжигающим, безудержным и переполненным тоской. Я отпрянула от него, испытав шок.

— Тесс... — Он было потянулся ко мне, но остановился. — Давай я заберу счет, а ты займешься другими столиками. — Он выхватил счетницу из моих рук и ушел прочь.

Я прижала руку к груди. Под ладонью сердце колотилось так, словно я пробежала милью. Что это было? Что *это* было? В одну секунду он говорит о том, что несвободный парень не должен подкатывать к другой девушке, а в следующую — смотрит на меня так, словно хочет сорвать с меня одежду прямо здесь, около кассы.

Хорошо, что Дилан ушел. Останься он, и, пожалуй, я бы позволила ему исполнить желаемое.

В следующий раз, когда я проходила мимо двадцать восьмого столика, он уже был пуст. Вместе с чаевыми, оставленными Кэтлин Гамильтон, вице-президентом отдела по работе с персоналом «Кантон Хем», я обнаружила двадцать долларов. Сверху было нацарапано: «Прости. ТДГ».

Мне не нужна защита Дилана. Но я не могу отрицать, что его помощь приносит свои плоды.

*****

В воскресенье около двух часов, когда после бранча толпа посетителей схлынула, Дилан опять появился в «Верде». Я снова работала в баре, смешивая всё утро «Кровавую Мэри» и «Мимозу». Когда, в конце концов, я решила, что пора устроить перерыв, мое внимание привлекла девушка-хостес, которая указывала посетителю место у барной стойки. Спустя несколько мгновений на это место уселся Дилан.

— Ты мой первый постоянный клиент? — поинтересовалась я, сложив руки на груди.

— Похоже на то. — Он улыбнулся и открыл меню. Дилан был одет в повседневную одежду: джинсы, футболка с логотипом Кантона и эти чертовы очки. Если бы я не знала лучше, то решила бы, что он нацепил их ради меня. — Что можно перекусить?

— Ты пропустил комплексный обед, боюсь, что тебе придется обойтись сэндвичами и салатом.

— Что бы ты посоветовала? — спросил он, посматривая на меня поверх меню.

— Гигантский бургер, — выдала я. — В нем бекон, рис и козий сыр. Идеально тебе подойдет.

— Вау. Ты не забыла, — удивился он, захлопнув меню.

Я ничего не забыла, чуть не вырвалось у меня, но я вовремя себя остановила. Не буду добавлять эти слова в его коллекцию неопределенных и запуганных заявлений, которыми он закидал меня в последние пару дней.

— Итак, бургер?

— И кока-колу.

Я передала его заказ и занялась нарезкой лимонов, в которых, кстати, не было особой необходимости. Когда я уже собиралась отойти, Дилан остановил меня.

— Ты действительно очень занята?

— А ты пришел сюда потусоваться со мной?

Развернув свою салфетку, он спросил:

— По правде?

— Да.

— Возможно.

— Пятичасового общения с понедельника по среду тебе уже недостаточно? — улыбнувшись, поинтересовалась я.

— Нет, — бросив на меня быстрый взгляд, ответил Дилан.

От его слов у меня перехватило дыхание. Это несправедливо. Бармену в моем лице стоило поддержать разговор в легкой и кокетливо-дружелюбной манере, чтобы получить свои чаевые. Партнеру по лабораторным — посоветовать заняться проектом. А бывшей девушке, которая пытается наладить дружеские отношения, было бы неплохо сказать Дилану отправиться домой и позвонить Ханне.

Я не сделала ничего из перечисленного.

— Я как раз собиралась на перерыв. Нужно немного передохнуть и поесть.

— Перекусишь со мной?

Так я и поступила. В течение следующих сорока пяти минут мы сидели друг напротив друга, разговаривали о нашем проекте, занятиях, любимой еде и фильмах, делились мнениями о текущих экологических нормах в отношении генетически модифицированных пищевых продуктов. Дилан шутил о том, как трудно быть одновременно гурманом и многообещающим биоинженером.

— Я могу оценить негибридный помидор, не пытаюсь осудить остальные виды, — смеясь, произнес он.

— Надо полагать, что ты впустую тратишь время с биотопливом, — произнесла я, указывая на него вилкой. — Очевидно же, что твое призвание — еда.

Дилан пожал плечами.

— Полагаю, что во мне все еще говорит пухлый парнишка.

Мой взгляд скользнул по его телу. Грудь, руки — всё, что мне удалось разглядеть через барную стойку. Его слегка накаченные мышцы напоминали мускулы бегуна.

— Не переживай. Ты на него не похож.

Дилан ничего не ответил, и мой взгляд вернулся к его лицу. Перестав жевать и вцепившись в меня взглядом, он наблюдал за моими действиями. Выражение его глубоких голубых глазах я расшифровать не осмелилась.

— Я имела в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду. — Он засунул последний кусочек бутерброда в рот и вытер руки салфеткой. — Полагаю, мне пора выдвигаться. Вечером Ханна возвращается в город.

В моей душе все перевернулось.

— Ладно. Хорошего дня.

— И мне необходимо до ее приезда сделать кое-какую работу. — Когда до него дошел смысл сказанного, он неуклюже попытался спасти положение. — Тесс, я не имел в виду, что «моя подруга вернулась, и поэтому мне нужно уйти. Давай пока...»

— Я знаю, что ты имел в виду, — повторила я его же слова, убирая свою тарелку. Ну еще бы! Сколько выходных мой отец провел с нами, пока его жена ездила на спа-курорт со своими богатенькими друзьями или уезжала на Манхэттен вместе с Ханной за покупками? Сколько же было воскресных вечеров, когда он произносил аналогичные слова?

— Спасибо за обед, — поблагодарил он.

— Не стоит благодарности, — произнесла я. — Ты же оплатил его.

— Я благодарил тебя за то, что ты составила мне компанию.

— Оу. — На этот раз я не имела представления, о чем он говорил. — Как я и сказала, у меня был перерыв.

— Но ты могла не проводить это время со мной.

— А ты мог бы не заходить в «Верде».

— Но я зашел, — произнес он, и по тону его голоса я поняла, что за его словами скрывалось нечто большее. — Мне захотелось тебя увидеть.

После ухода Дилана я открыла счетницу. Его счет был на двенадцать долларов. Внутри же лежала двадцатка. Я сглотнула. Если бы на месте Дилана был кто-нибудь другой, я бы ни минуты не сомневалась в количестве чаевых. Безусловно, сумма была приличной, но не такой уж и запредельной. Плюс, Дилан получил в придачу дополнительные услуги в виде беседы с барменом. Тем не менее, у меня возникло такое чувство, будто он заплатил за мой обед, как бы говоря: «Бедная Тесс, она не настолько богата, чтобы учиться в Кантоне, не впахивая при этом на низкооплачиваемой работе; не так состоятельна, как моя подружка, с которой мне следовало бы проводить время».

Временами, когда мама не работала или находилась в состоянии уныния, отец выписывал ей чеки на огромные суммы. Он оплачивал ее новый гардероб, уколы ботекса или тратил деньги на другие расточительные вещи, потворствуя ее прихотям, чтобы она почувствовала себя лучше. Вот только эти подачки были ничем по сравнению с тем, что он давал жене.

Восемь долларов от Дилана. Двадцатка от Тодда, которой также поспособствовал Дилан. За выходные я получила сто пятьдесят долларов. Такими темпами, я в мгновение ока могу приобрести учебник по тканевой инженерии.

*****

Последующие три недели не отличались от предыдущих. С понедельника по среду, как только заканчивались занятия, мы с Диланом встречались в лаборатории и трудились над проектом. Мы приняли решение возобновить проект, начатый в Корнелле, и улучшить его, используя те навыки, которые были приобретены нами за последние два года, конечно дополнив его знаниями по теплообмену. В четверг и пятницу, как только заканчивались занятия, я спешила на работу в «Верде». Домой я возвращалась не раньше одиннадцати вечера. В те дни, когда проходили лабораторные работы, от меня несло щекочущими нос химическими реагентами, которые использовались для очистки различных приборов. В дни, на которые выпадала моя смена в ресторане, от меня пахло чесноком и потом парней из братства. Мама перестала дожидаться меня. Я давно не видела отца, что, как я предполагала, устраивало нас обоих. До того, как поставить будильник на шесть утра, у меня оставалось два часа на домашнюю работу. А потом всё начиналось сначала.

От Дилана по электронной почте не прекращали поступать в безумном количестве графики, и вскоре мне стало понятно, что каждый час, который я провожу в ресторане, он тратит на работу над проектом. Сама мысль о том, что он выполняет большую часть работы, была мне противна, но разве у меня был выбор? В любой случае, времени ни на что другое не оставалось. Я проучилась в Кантоне месяц, но так и не узнала имен большинства своих одногруппников. Я часто видела, как они вместе ходят обедать или играть во фризби во дворе, пока мне приходится бегать после лекций в библиотеку или лабораторию. Мои сокурсники обедали в столовой или мелких кафешках, которыми усыпан кампус, я же ела то, что брала с собой из дома, дабы сэкономить деньги.

Я пыталась убедить себя, что всё в порядке, что в Кантон я приехала не для того, чтобы заводить новых друзей, а чтобы получить степень. Кроме того, в государственном

университете у меня тоже было не много друзей. Да, я была знакома со своими одноклассниками, с некоторыми мы даже стали приятелями и проводили вместе выходные, но никто из них не был мне особо близок. И так всегда. Возможно, я просто одна из тех людей, у которых нет близких друзей. Даже Сильвия, которую я считаю своей лучшей подругой, не знает обо мне всей правды. Так безопаснее. Чем больше существует людей, которые знают о моем отце, тем больше шансов, что эта история станет достоянием общественности. Таковы правила. И я их соблюдаю.

В эти выходные мои смены выпали на вторую половину дня. Каждое воскресенье после бранча, когда поток людей уменьшался, в ресторане появлялся Дилан, садился за мой столик и уговаривал меня с ним пообедать.

Спустя три недели воскресным утром после, как мне показалось, бесконечного уикенда, посвященного вечеринке в честь Хэллоуина, где собрались чуть ли ни все студенты Кантона, я столкнулась с мамой.

— Ты выглядишь так, словно только что вернулась из ада, — заявила она, наливая мне кофе, когда я взглянула на нее своими осоловевшими глазами.

— Спасибо, мам, — проворчала я в ответ. Хотя по сути так оно и было. Весь уикенд я проходила с блестящими дьявольскими рожками, изображая антипод Сильвии, которая сверкала ангельскими крылышками и серебряным ореолом, покрытым блеском. За стойкой бара мы составили незабываемую парочку, да и чаевые того стоили.

— Так не может больше продолжаться, — проговорила она. — Посмотри на себя. Тесс, пора что-то менять. Продолжишь в таком духе — работа, школа, этот твой проект — и, боюсь, с тобой что-нибудь произойдет.

— Что, например? Состарюсь раньше времени? — огрызнулась я. — Или, дай угадаю, никогда не найду себе парня?

Мама вздохнула.

— Я беспокоюсь не о том, что ты не найдешь себе молодого человека, солнышко. Я переживаю, как бы ты не заболела и не завалила экзамены. Если такое произойдет, как ты сможешь доказать отцу его неправоту?

Я взглянула на нее. Небольшой намек на улыбку отразился на ее лице.

— Мама! — воскликнула я с изумлением. — Что было в том кофе? — Доказать отцу его неправоту? Никогда не слышала, чтобы она была в чем-то с ним не согласна.

— Ой, да ладно, — ответила она. — Ты никогда не была бунтующим подростком. Приятно видеть, что в тебе это есть. Именно поэтому я и не хочу, чтобы из-за учебы ты превратилась в ломовую лошадь. Колледж должен быть веселым временем. У тебя должна быть возможность куда-либо выходить, заводить друзей и, да, встречаться с мальчиками... И я имею в виду *мальчиков*, Тесс.

— А не женатых мужчин? — не смогла я удержаться от вопроса.

— Да. — Когда мама познакомилась с отцом, она была моложе меня. Стажерка на пятнадцать лет младше Стивена Свифта, который не смог перед ней устоять. Забеременев, мама бросила учебу, а он согласился помогать ей. Ну, а остальное уже история. — Я не жалею ни об одном принятом мною решении. Я выбрала именно такую жизнь, вместе с тобой и твоим отцом, но я знаю, что такое не для тебя. Так что, Тесс... никаких женатых мужчин.

А как насчет парней, у которых есть девушки? — едва не спросила я у нее. Мне интересно, как бы мама поступила в моей ситуации? Скорее всего рискнула бы. Ее не

терзали угрызения совести, когда она ставила под удар чужой брак, что уж говорить об отношениях.

Когда я была помладше, то постоянно задавалась вопросом: если мой отец любит ее так сильно, почему маме не удастся заставить его бросить жену ради нее? Позже я поняла. Из-за Ханны. Она была всего на несколько месяцев младше меня, и однажды мама проговорила, что отец с его женой в течение многих лет боролись с бесплодием. Если бы всемогущий Стивен Свифт развелся и женился на женщине младше него, это не стало бы громкой сенсацией. А вот бросив наконец забеременевшую жену ради стажерки, которую он обрюхатил, — такой скандал означал бы конец его карьере.

Будучи подростком, я удивлялась ради чего мама пошла на все эти договоренности? Почему не послала Стивена, не схватила меня и не начала жизнь с чистого листа вместе со мной? Хотя я видела, как тяжело было Аннабель. Ей двадцать четыре года, и она все еще учиться на медсестру, работая при этом на двух работах. Порой, казалось, что ее зарплаты хватает лишь на оплату няnek.

А может, дело не только в деньгах. Сыграла свою роль и любовь мамы к отцу. Даже будь родительница столь же амбициозна, как я, она всё равно бы не ушла. Она любила Стивена тогда, любит и сейчас. Мама всегда считала, что наши чувства нам не подвластны, независимо от препятствий, появляющихся на нашем пути, и, должна признать, она оказалась права. Пусть мне и приходилось принимать решения, противоположные решениям мамы, но на мои чувства они не повлияли. Два года я отнекивалась от своих чувств к Дилану Кингсли. И несмотря на то, что сейчас у меня гораздо больше причин отрицать свое влечение к нему, я не могу перестать желать его. Эти эмоции — часть меня, пытаться их отрицать — тоже самое, что лишиться левой ноги.

Мама всегда утверждала, что свои мозги я унаследовала от отца, но это не так. Мама далеко не глупа. Она просто позволила эмоциям руководить своей жизнью в отличие от нас с папой. Я верю, что он любит маму, но этой любви недостаточно, чтобы разрушить свою жизнь. В течение двух лет я продолжала любить Дилана, но предпочла уйти, не позволив чувствам к мужчине руководить своей жизнью.

Да и сейчас я бы не позволила этому случиться. Слишком многое поставлено на карту.

Этим же вечером Дилан снова появился в «Верде» и как всегда попросил посадить его за один из моих столиков. Я не видела его с четверга. Вероятно, в выходные он побывал на костюмированной вечеринке вместе с Ханной. Могу поспорить, что она вырядилась или в костюме очаровательной кошечки, или принцессы, или медсестры.

Из-за усталости, а может, ради своего либидо или же в попытке сохранить здравый рассудок я решила устроить перерыв. Пусть сегодня Дилана обслужит кто-нибудь другой. У меня больше не осталось сил для борьбы.

Глава 10

В понедельник утром по дороге в кампус мне пришло сообщение от Дилана.

«Нам нужно поговорить. Срочно встречаемся в атриуме».

От страха у меня скрутило желудок. Неужели после того, как я отшила его в воскресенье в «Верде», он решил разорвать наше сотрудничество? Или же он понял, что наша совместная работа выглядит немного странно? Или, быть может, я недостаточно хороша? Он не может так поступить! Мне нужен этот проект. Мне нужны деньги. Мне нужен... Дилан.

Я сделала глубокий вдох и написала:

«Что-то не так?».

Но ответа не последовало. Я прибавила скорость и вскоре припарковала автомобиль. Стараясь сохранять спокойствие, я направилась к стеклянным дверям лаборатории биоинженерии. Дилан с мрачным выражением на лице ждал меня у лестницы. Сегодня он был без очков. Его хмурый взгляд окатил меня холодом. Никогда не видела его таким серьезным. Даже при виде меня черты его лица не смягчились. Только теперь я поняла, что с нашей первой встречи на лице Дилана всегда сияла улыбка. Мой страх усилился. Возможно, это никак и не связано с нашим проектом. Может, он каким-то образом узнал обо мне и Ханне? Узнал о моем отце?

Нет, глупость. Это невозможно. Даже если бы он и обратил внимание на схожесть наших глаз, то списал бы всё на простое совпадение, как сделал бы любой нормальный человек. Многие обладают одинаковыми чертами. Я пригладила джинсовую юбку, пытаюсь избавиться от складочек, которые образовались на ткани, пока я сидела. Порой мне хотелось отдать многое, чтобы иметь такие же узкие бедра как у Ханны. Да что уж, я бы многое отдала, чтобы обладать множеством вещей, которыми владеет моя сестра.

Переведя дыхание, я выпрямила плечи и приблизилась к Дилану.

— Хорошо, что ты пришла, — начал он ровным тоном. — Тебе стоит на это взглянуть.

Он подвел меня к расписанию пользования лабораторией, размещенному на доске около офиса администрации. Элейн Сан заняла лабораторию с понедельника по среду каждый вечер до конца семестра. Это же как раз то время, в которое мы работаем над нашим проектом!

— Она пытается саботировать нашу работу, — прорычал Дилан. — Я точно знаю. Она изучила наш график и, должно быть, поняла, что мы не можем работать в другое время.

— Как-то это жестоко. — Я и подумать не могла, что в Кантоне мне придется конкурировать за время в лаборатории.

— Ну, мы же говорим об Элейн, — произнес Дилан мрачным тоном.

— Мы найдем другую лабораторию, — проговорила я, положив ладонь ему на плечо.

— Но не с тем оборудованием, которое нам необходимо, и не с тем количеством времени, которое нам понадобится. Ловко же она всё устроила. И, чтобы ты не посчитала меня параноиком, взгляни на это. — Он указал на стертые пометки на некоторых страницах, где раньше было написано имя Элейн. — Она стерла свое имя с четверга и пятницы, когда у нас были лекции, и забронировала себе наше лабораторное время.

— Может, у нее изменилось расписание? — предположила я. — Не могу представить, чтобы кто-то решил ввязаться в такие неприятности лишь для того, чтобы насолить нам.

— Ты лучше, чем Элейн.

Нет, у меня просто нет времени на такие глупости. Я едва справляюсь со своим дерьмом, не говоря уже о том, чтобы чинить препятствия другим.

Дилан ударил кулаком по доске.

— Как же я сейчас злюсь на себя. Какого черта я сразу не занял лабораторию до конца семестра? — До сегодняшнего дня Дилан бронировал время в лаборатории по приходу на лекции в понедельник утром. — Два года у меня не возникало подобных трудностей. И теперь я всё испортил.

— Эй, — произнесла я, — всё будет хорошо. Я поговорю с Элейн.

— Попробуй, — с сожалением в голосе произнес он. — Поговори с ней и посмотри на

ее реакцию. Спорим, она будет злорадствовать?

— Я никогда не злорадствую, — раздался голос позади нас. Мы с Диланом обернулись и увидели Элейн, стоящую с перекинутой через плечо сумкой ноутбука. — Это же так мелочно.

— Нет, знаешь, что мелочно? — спросил Дилан. — Ты понимаешь, что не можешь тягаться с нами в честной борьбе, поэтому и пытаешься сделать всё, чтобы нам не удалось закончить проект.

Девушка закатила глаза.

— Не моя вина, что ты заранее всё не продумал, Кингсли. Может, это послужит тебе уроком, и ты поймешь, что не являешься центром вселенной.

Я встала между ними. Нет необходимости устраивать ядерные разборки. Благодаря матери я научилась разруливать подобные ситуации так, чтобы каждый получал желаемое.

— Элейн, трудность в том, что я работаю по четвергам и пятницам, поэтому единственное время, которое мы можем проводить в лаборатории, это вечера с понедельника по среду. Я уверена, что мы сможем составить расписание, по которому нам всем удастся к сроку закончить наши проекты.

— Ой, да ладно. Раз уж постелила постель рядом с этим парнем, то и лежи в ней. Я предупреждала тебя, что от него не стоит ждать ничего хорошего. Любой человек, обладающий хотя бы толикой разума, знает, что для завершения проекта необходима лаборатория и оборудование, которые нужно бронировать заранее. Кингсли же считает, что он выше всех правил.

Откуда она могла знать, какое именно оборудование нам нужно? Похоже паранойя Дилана небеспочвенна.

— Элейн, серьезно, — произнес Дилан, — будь выше этого.

— Да пошел ты, — снисходительно ответила девушка и, развернувшись на каблуках, умчалась прочь.

Во взгляде Дилана я прочитала явное желание вновь ударить по стене.

— Похоже, у этой девушки проблемы, — сказала я ему. — Что именно ты ей сделал?

— Я же уже говорил тебе, в первый год обучения я выиграл соревнования первокурсников.

— Она *ненавидит* тебя, — скептически заметила я. — Это не просто соперничество. Она на самом деле тебя ненавидит.

— Да. — Он пожал плечами. — Как ты могла заметить, у нее проблемы.

Я покачала головой. Что-то не сходилось.

— Ты уверен, что всё дело в ее проигрыше? Ты не задушил ее котенка, не пролил вино на ее шелковое платье, не переспал с ней и после этого не перезвонил?

— Нет! — произнес Дилан и замолчал на пару секунд. — Но на первом курсе я переспал с ее соседкой по комнате.

Я уставилась на парня.

— Ты что?

— Переспал с ее соседкой. Два года назад. Осенью. — У Дилана был раскаивающийся вид. — Она была первой из трех.

Я ударила его по руке.

— Дилан!

Он отшатнулся.

— Что? Мне было восемнадцать. Я был первокурсником, которому только что разбили сердце... — произнес парень, а после махнул рукой. — Впрочем, ты и так всё знаешь. — Он опустил голову и вновь заговорил: — Я совершил ошибку, Тесс. Разве с тобой такого не случалось?

— Случалось. — Моя ошибка заключается в том, что за два года я так и не перезвонила Дилану, разбила ему сердце и позволила уйти.

Но опрометчивый поступок соседки Элейн, которая два года назад переспала с Диланом, никак не оправдывал саму Элейн, устраивающую сейчас саботаж нашему проекту. Даже если она и разозлилась на Дилана, что само по себе было нелепо, я ей ничего плохого не делала.

— Да уж, — проворчал он, — твоя ошибка в том, что ты выбрала меня своим партнером. Не могу поверить, что из-за меня мы облажаемся.

Возможно, партнерство с Диланом в конечном итоге и обернется для меня крахом, но это случится не из-за грубых махинаций Элейн. И вообще, она и понятия не имеет, с кем связалась. Я всю жизнь сталкивалась с людьми, которые не желали мне успеха. Если Тесс Макманн и облажается, то только на своих чертовых условиях. Если бы я позволила отцу взять над собой верх, то никогда в жизни не стала бы студенткой Кантонского университета.

— Дилан, без боя мы не сдадимся. Элейн не является хозяйкой лаборатории. Я передвину свои смены в «Верде» на начало недели. Зарезервируем лабораторию на четверг и пятницу. Если понадобится, будем приезжать к шести утра.

— Но тебе нужны вечерние смены по пятницам. В эти дни ты зарабатываешь больше чаевых.

Он обратил и на это внимание.

— Всё будет нормально. Если мы выиграем, я не пропаду.

— А если мы не победим? — спросил Дилан, покачав головой.

— Буду разбираться с этим позже, — ответила я, пожав плечами.

Дилан одарил меня пронизательным взглядом своих глубоких светло-голубых глаз.

— Ты чудо, Тесс. Ты знаешь об этом?

— Дай ручку, — коротко произнесла я, пытаюсь не окунуться в радость от произнесенных им слов, — я отмечу наши дни в расписании.

— Я серьезно. Я же знаю настоящую причину, по которой ты одалживала мой учебник. Вообще-то, я очень умный парень.

— Точно, — сказала я, сосредоточившись на заполнение граф. — Так вот почему в последнее время ты оставлял мне большие чаевые?

— До тех пор, пока ты будешь одалживать у меня учебник, я буду их оставлять, — пошутил он. — Мне не нравятся, оставленные тобой стикеры.

Я посмотрела на него с серьезным выражением на лице.

— Я не хочу, чтобы ты давал мне денег, Дилан. И я не хочу, чтобы ты заставлял оставлять деньги издевающихся надо мной придурков, — произнесла я и вновь вернулась к заполнению граф.

Тесс Макманн и Дилан Кингсли. Тесс Макманн и Дилан Кингсли. Дилан Кингсли и Тесс Макманн, поменяла я местами наши имена. Кингсли / Макманн. Тесс + Дилан.

А вот последнюю запись я уж точно не собираюсь делать.

— Эти придурки не заслуживают денег так, как заслуживаешь их ты, мирясь с их дерьмом, — тихо проговорил он. Дилан сместился и оказался позади меня. Его голос

перешел в шепот. Моя ручка застыла в воздухе.

— Перестань, — прошептала я.

— Почему? — Он стоял слишком близко. От его тела волнами исходил жар. Его дыхание шевелило волоски на моей шее.

— Ты знаешь почему. — Я ненадолго прикрыла глаза, стараясь утихомирить ожившее желание. Если мне удастся сосредоточиться на дыхании, если я смогу думать о чем-то другом — об уроках, погоде, о странном звуке, временами раздающемся в двигателе моей машины — всё пройдет. Я не хочу набрасываться на Дилана. Я могу быть лучше своих родителей. Я смогу преодолеть свое влечение.

— Да, знаю. — Дилан отступил назад, и я вздохнула с облегчением. Когда я обернулась и сосредоточила на нем свой взгляд, он достал свой телефон и забил новое расписание в календарь. — Мне пора на лекцию, — произнес он, не поднимая глаз. — Я вышлю тебе новое расписание, чтобы оно было у нас обоих.

— Ладно.

— Если захочешь, можем встретиться позже и разработать план нападения, — предложил он, наконец подняв голову. — Как бы там ни было, не похоже, чтобы у нас имелись другие планы на вечер.

— Хорошо.

— У меня? В полшестого? Я приготовлю ужин.

— Ладно, — на автомате снова повторила я. Не понимаю, зачем я согласилась. Мне следовало быть умнее. Я должна была догадаться, что за этим последует.

Нам обоим следовало.

*****

Тем же вечером, когда я подъехала к корпусу Свифта и оказалась возле квартиры под номером 202, до меня донесся аромат приготовленной Диланом еды. К тому времени как он открыл дверь, я уже изошлась слюной.

И его внешний вид не облегчил моего состояния. Контактные линзы исчезли, глаза вновь спрятались за стеклами очков, волосы, небрежно свисающие на лоб, были влажными и спутанными. На парне красовались джинсы и футболка, и он был босой. *Он мог быть моим. Всё это время он мог быть моим, но я сама оставила его.*

— Входи, — произнес Дилан. — Я только что из душа. Ходил в тренажерный зал.

Расскажи мне больше об этом душе, подумала я, перешагивая через порог. Его визиты в тренажерный зал были очевидны. Сквозь узкую футболку четко проступали мышцы на руках и груди, в который раз послужившие мне напоминанием того, что, несмотря на очки и взлохмаченные волосы, я больше не имела дело с восемнадцатилетним юнцом.

— Что готовишь?

Он улыбнулся и чуть ли не понесся в кухню.

— Надеюсь, тебе понравится. Греческие креветки с сыром Фета и помидорами.

— Я люблю Фету и помидоры. И креветки. С греческими.

— Я тоже, — произнес он. — Прошлым летом мы с семьей ездили в Грецию, и с тех пор я подсел на греческую кухню. — Дилан схватил бутылку вина и изящно мне ее преподнёс. — Когда-нибудь пробовала рецину?²⁰

— Нет, — ответила я. — Я не особо употребляю спиртное.

— О, — опустил он бутылку, — я не знал.

— Нет, — пояснила я, — я могу выпить. Просто я не особый ценитель вин. Перед тем как устроиться на работу в «Верде», единственное мое познание насчет вина заключалось в том, что белое вино подается к рыбе.

— Что ж, это вино на любителя. Оно на смоляной основе, вкус немного напоминает сосновую хвою, — произнеся это, Дилан перевел взгляд на мое лицо и рассмеялся. — Я же говорил тебе. На любителя. Но прошлым летом я определенно к нему пристрастился, вот и привез несколько бутылок. И это последняя.

И он хочет выпить ее со мной? Мило.

— Вам разрешают держать алкоголь в общежитии?

Открывая бутылку, Дилан произнес:

— Ну, пока мой подпольный бар не прикрыли. К тому же, двадцать один мне исполнилось до того, как начался учебный год. А тебе?

— На следующей неделе.

— Неужели? — спросил он, повернувшись ко мне.

Я кивнула.

Он с громким хлопком выдернул пробку и налил вина в мой бокал.

— Тогда заранее поздравляю тебя с днем рождения.

Я сделала глоток, остро ощущая на себе взгляд Дилана. Точно такой же взгляд был у него на вечеринке в Корнелле. Он смотрел на меня так, словно каждый кусочек, который я клала себе в рот, был единственным, что имело значение. А ведь тогда я даже не пила вино. Эта мысль меня ошеломила. Сухое белое вино со вкусом смолы опалило мне язык и вернуло меня на землю.

— Неплохо, — заметила я.

— Во время еды оно еще больше придется тебе по вкусу. — Дилан повернулся к кастрюле на плите, и на этот раз я сделала уже большой глоток вина для храбрости.

Возможно, держаться подальше от Дилана будет лучшим вариантом. На этой кухне слишком мало места. Я обошла вокруг барной стойки и прошла в жилую часть помещения. Диван-футон был сложен, а все свидетельства его использования в качестве кровати были где-то спрятаны. Учебники и ручки были разбросаны по всему журнальному столику, а полки уставлены поваренными книгами, DVD и видеоиграми.

— Не понимаю, откуда ты находишь время для всего этого, — сказала я, указывая на игры и фильмы. Со всеми его лабораторными занятиями, тренажерным залом, кулинарными экспериментами... и Ханной.

— Я прекрасно делаю несколько дел одновременно, — отозвался Дилан из мини-кухни. Я обернулась и увидела его высунувшуюся голову над перекладной. — Плюс ко всему, ты же знаешь, я никогда не сплю. — Он подмигнул мне и вернулся к приготовлению пищи.

Не подмигивай мне, Дилан Кингсли. Я так держусь из последних сил.

Я продолжила свою экскурсию по его студии. Над кроватью или, если быть точнее, над диваном висели фотографии его семьи. А вот снимки с Ханной отсутствовали. Оглядываясь и изучая окружающую меня обстановку, я и не заметила, как выпила всё вино. На кухню я вернулась с пустым бокалом.

— Еще? — спросил Дилан, протягивая бутылку.

Я посмотрела на бокал в руке, и сердце усиленно забилось в груди. Когда же я успела выпить всё вино? Я же ничего не ела с обеда. Плохая идея. Прийти сюда — поистине плохая

идея. А вот выпивать наедине с Диланом Кингли в его квартире — вероятно, наихудшая из идей, которая когда-либо рождалась у меня в голове.

— Конечно, — ответила я, прежде чем успела себя остановить. Наблюдая за зеленовато-золотистым напитком, появляющимся у меня в бокале, я подняла глаза и посмотрела на Дилана. Он встретил мой взгляд улыбкой, и мне ничего не оставалось, как улыбнуться ему в ответ. Не спуская с парня глаз, я сделала глоток вина. Он наблюдал за моими действиями, следил за движениями челюсти, языка, горла. Какое откровенное приглашение. — Ммм.

Вот вам неотъемлемая, без всяких прикрас правда: я хочу Дилана. Я *всегда* его хотела. Я могу притворяться, могу уходить, избегать его в течение двух лет — ничто из этого не поменяет сего факта.

Дилан мой. Мой первый, мой последний. Мой навсегда.

Сейчас я здесь, в его квартире, смотрю ему в глаза, позволяя в полной мере разгореться своему дикому первобытному желанию. И меня не волнует, что он не свободен. Мне плевать на то, что он встречается с Ханной. Пожалуй, впервые я поняла своих родителей.

— Тесс... — раздался наполненный мукой голос Дилана.

Я одарила его медленным томным взглядом из-под полуопущенных ресниц.

— Даааа...? — Я же дочь обольстителя. Продукт лжи. Я рождена для этого.

— Перестань.

Я остановилась. Опустила взгляд. Руки Дилана, сжатые в кулаки, свисали по бокам.

— Ты разлил вино, — пробормотала я.

Какое-то время мы просто продолжали стоять. Я не знала, смотрит он на меня или нет. Кровь стучала в голове. Мне не следовало приезжать сюда. Я не должна была этого делать. Не должна, не должна, не должна.

Уже тошнит от всего того, чего мне не следовало делать.

— Я... не могу... Я так больше не могу, — прошептал наконец Дилан. — Я постоянно с тебе думаю. Где ты, чем занимаешься, почему меня нет рядом. По воскресеньям я прихожу в «Верде», потому что два дня без тебя — это вечность.

Отвернувшись, я сжала стойку с такой силой, что, казалось, оставила отпечатки своих пальцев на граните. А может, только так я могла сдержаться и не кинуться к Дилану.

— Прости.

— Не извиняйся, — произнес он, стоя позади меня. — Скажи честно, ты же тоже это чувствуешь?

— Дилан... — Каждая клеточка моего тела покалывала от возбуждения. Я опустила голову, заставляя себя не оборачиваться. Посмотри я на него, и мне конец. — Я не знаю, чего ты хочешь.

— Разве это не очевидно? — Он слишком близко подошел ко мне, его грудь прижималась к моей спине, бедра к моей попе, его голос раздавался над ухом. — Я хочу *тебя*.

О, Боже. Я тоже хочу раствориться в нем. Но этого делать не стоит. Я не должна так поступать.

Левая рука парня обхватила мою талию, а пальцы коснулись бедра.

— Скажи мне, — умолял он, — скажи, что ты тоже хочешь меня.

Я ахнула. Мне не стоит так поступать. Я не такая девушка.

— Скажи мне. — Его пальцы были подобны раскаленному железу на моем теле. Они удерживали меня, заставляли признать правду.

Я сглотнула и заговорила срывающимся голосом:

— Я тоже тебя хочу.

Я почувствовала, как Дилан нежно прижался лбом к задней части моей шеи. Дыхание, вырвавшееся от его облегченного вздоха, опалило разгоряченную кожу. Свободной рукой он откинул мои волосы в сторону и погладил шею.

— Тесс, — произнес Дилан, беря меня за подбородок и проводя пальцем по моей нижней губе, — скажи мне, чтобы я остановился.

— Нет, — сказала я, повернувшись в его руках.

Глава 11

При столкновении друг с другом частицы взрываются и распадаются на кусочки. Ударной волной их разносит по просторам вселенной, чтобы потом они могли соединиться вновь и создать нечто совершенно новое.

Когда я поцеловала Дилана на кухне его квартиры, вселенная расширилась. Это случилось, потому что происходящее между нами выходило за пределы нашей реальности.

Наши отношения начались два года назад и развивались постепенно. Всё, что происходит сейчас, правильно и волнующе. Также, как и в первый раз в лифте Корнельского университета. Однако в данную минуту ощущения были намного ярче. Мы точно понимали, к чему всё это приведет. *Он* знал, что делал. О, Боже, как же Дилан хорош. Его пальцы ласкали мой подбородок, придвигая мой рот к его. Наши губы и языки двигались в унисон. Я поняла простую истину: мой рот предназначен лишь для поцелуев Дилана. Неужели я могла сомневаться в этом?

Я чувствовала на его губах вкус белого вина и хвойных иголок. Ощущала вкус двухгодичного ожидания. Я хотела дышать им, хотела поглотить Дилана всего целиком. Боль пульсирующего непреодолимого желания, которого я никогда не знала раньше, прокатилась по телу.

Ладони Дилана опустились на мою талию, крепко прижимая меня к себе. Я обхватила его за шею, испытывая непреодолимую потребность быть как можно ближе к нему. Он подтолкнул меня к столешнице, опуская меня на спину. Край гранитной столешницы начал впиваться мне в позвоночник, но сейчас меня это мало беспокоило. Ничто за исключением его губ на моих губах не имело значения. Я обвила ногами лодыжки парня, пытаюсь удержать равновесие и не свалиться.

Пальцы Дилана впились мне в бедра, он приподнял меня и усадил на столешницу. В таком положении мы стали еще ближе друг к другу. Я обхватила ногами его талию, отчего моя юбка задралась до бедер. Я чувствовала касания его рук под своей блузкой, они скользили по моему животу вверх, задевая верхнюю часть груди, скрытую под атласной тканью лифчика. Бедрами я толкнулась к нему навстречу, тем самым дразня нас обоих. Край его ремня прикасался к центру моих трусиков, прижимаясь всё ближе и ближе.

Безмолвный стон, слетевший с моих губ, абсолютно точно свел Дилана с ума. Его пальцы продолжали впиваться в мои бедра, оставляя на мне доказательства того, что я его первая и последняя, навеки. Еще раз резко качнув бедрами, я почувствовала его уже готовый и твердый член, находившийся в плену под слоями одежды. Этого было мало. Я хотела его. Я нуждалась в нем. И мне было плевать на всё остальное.

Я превратилась в своих родителей.

— Остановись, — с трудом произнесла я. — Перестань!

Тяжело дыша, Дилан отстранился и остановил на мне свой пристальный взгляд. Похоть, застилавшая его глаза, сменилась обидой и замешательством.

Я одернула юбку и провела рукой по горящим щекам, а после привела в порядок волосы.

— Я не могу стать той, с кем ты начнешь изменять Ханне, — выпалила я. Возможно, это были самые честные слова за всю мою жизнь.

Дилан широко распахнул глаза. На одну ужасающую долю секунды мне показалось, что вся правда отразилась на моем лице. Я соскользнула со столешницы. Эта маленькая кухня стала тесной для нас обоих. Похоже, во всей стране не найдется достаточного для нас обоих места, но я должна была поступить правильно. Почувствовав облегчение, скрывшись в гостиной, я сделала глубокий вдох.

Дилан последовал за мной, но остановился на порядочном расстоянии, слегка приподняв руки, словно готовясь удержать меня в случае побега.

— Я не хочу быть другой женщиной, — призналась я. Просто не могу. Не по отношению к Ханне. Не по отношению к кому-либо еще. Я не такая девушка.

— Я и не прошу тебя об этом, — тут же ответил он. — Я хочу быть с тобой, Тесс. Только с тобой. Это единственное, чего я когда-либо желал. — Дилан сделал шаг вперед и нежно провел пальцами по моей щеке. Столько благоговения было в его таком простом прикосновении.

— Но... Ханна... — указала я на стену, словно за ней прятался воображаемый образ Ханны. Если ему нужна я, почему он встречается с моей сестрой?

— Мне очень сильно нравится Ханна, — ответил он. — Она милая девушка. Но она не... ты. Тесс, я люблю тебя. — На этих словах голос Дилана сорвался.

Меня разрывало на части. *Ты не можешь любить меня. Ты понятия не имеешь, какой я ужасный человек. Ты и представить не можешь, что, находясь здесь, прямо перед тобой, я отбиваю парня у своей сестры.*

— Два года я любил только тебя. И я не боюсь признаться в этом.

Нет, он не боялся. Дилан всегда был прямолинейным. Ему никогда не приходилось хранить секреты, никогда не приходилось сдерживать себя, дабы не сболтнуть лишнего. Но он любит меня. Сердце снова запрыгало в груди, но на этот раз дело было не в вожделении. Страх, надежда... Неужели это не сон? Этот парень выбрал меня?

— А сейчас ты здесь, и я хочу быть с тобой. Я люблю тебя. Ничего не изменилось, только теперь я не позволю тебе уйти.

С каждым словом Дилана моя решимость таяла. Мне снова захотелось броситься в его объятия.

— Скажи мне, что ты тоже хочешь быть со мной. При первой же встрече я порву с Ханной. Мне не хочется причинять ей боль, но и быть с ней я больше не могу. Особенно испытывая к тебе такие чувства.

В его глазах светилась уже не страсть — мольба. И произнесенные им слова были никак не связаны с выпитым бокалом вина. Сейчас Дилан говорил честно, впрочем, как и всегда. Ханна милая, но она не та самая. Они не женаты, она не беременна, это не конец света. Дилан хочет быть со мной, я хочу быть с ним — всё просто. В каком-то смысле нам повезло. Мы поняли сей факт, пока ситуация не вышла из-под контроля, пока мы могли принять решение и всё уладить, пока никто никому не изменял. К сожалению, иногда жизнь принимает и такой оборот.

Я сделала шаг назад.

— Ты всё уладишь с ней завтра? — спросила я, с трудом доверяя собственному голосу.

Как можно спрашивать об этом, не выставляя себя абсолютной стервой?

Дилан пальцами указал на расстояние между нами.

— Вполне уверен, что мне удастся.

— Хорошо, — коротко кивнула я и крепко обхватила себя за талию, понимая, что сейчас Дилан не мог этого сделать. Я бы не стала начинать наши отношения с предательства. — Завтра.

Он сразу догадался, что я имею в виду. Я собрала вещи и направилась к двери. У меня больше не было сил здесь оставаться. Я не могла наслаждаться креветками с фетой и потягивать вино. Не могла доверять самой себе. Как только я повернула ручку, Дилан положил руку на косяк двери, не дотрагиваясь до меня. Мы не могли прикасаться друг к другу, иначе оба пропадем. Когда я повернулась к нему, в его голубых глазах читался вопрос.

Я улыбнулась, ясно осознавая, что именно интересуется парня.

— Я тоже тебя люблю, — призналась я.

— Хорошо, — выдохнул он. Радостно. Удовлетворенно. Счастливо. — Завтра.

На пути домой это было единственное слово, вертевшееся у меня в голове.

*****

Вот вам презабавная вещь: во вторник Дилан пропустил утреннюю лекцию.

Моей первой мыслью было, что он поскользнулся в душе и лежит на полу своей квартиры со сломанной шеей. Потому что эта единственная из всех возможных причин, по которой Дилан Кингсли может не появиться на теплообмене. Он один из тех парней, которые пропускают занятия лишь в случае угрозы их жизни. Часть меня мучилась вопросом, а не следует ли позвонить в 911, но вместо этого после окончания лекции, прежде чем собрать учебники, я написала ему смс-ку.

«Где ты?»

Ответ пришел мгновенно.

«Возникли кое-какие дела. Поговорим позже?»

Ладно, раз он прислал мне смс-ку, то, по крайней мере, рукой шевелить может. Но само сообщение сбивало с толку. «Возникли кое-какие дела»? *Возникли. Дела.* Обстоятельства, которые могли заставить Дилана пропустить лекцию, нельзя описать словами «кое-какие дела».

Только если эти обстоятельства не связаны со мной и произошедшими накануне событиями, со словами, которые были нами произнесены, обещаниями, которые мы друг другу дали. Может, рецина — это какое-нибудь безумное галлюциногенное греческое вино? Может, это средиземноморский эквивалент мескаля с червячком.²¹ Не исключено, что Дилан сожалеет о каждой секунде прошлого вечера и просто-напросто избегает меня...

— Тесс, ты сегодня без своего паренька? — Я подняла голову и увидела стоящую за моей спиной Элейн. — У него есть еще неделя, чтобы определиться, посещать этот курс или нет.²² Должно быть, он понял, что увяз по горло.

— Тебе пора бы смириться, — начала я. — Мы не в школе. Я тебе ничего не сделала. — Я вспомнила, каким образом Дилан справился с той ситуацией с Тоддом. — Нет никакой необходимости находиться в черном списке Дилана. Ты биохимик, правильно? Что ж, у

Дилана действительно есть парочка хороших друзей в отделе кадров «Кантон Хем».

— О, он само очарование, не так ли? — произнесла Элейн, закатив глаза. — Он же не хочет там работать. Всеми своими знакомствами Дилан просто хочет привлечь к себе внимание. Он прекрасно осознает, что никогда не возьмется за работу в «Хем».

— Он что, позволяет кучке богатых выпускников угощать его пивом на заднем дворе? — Я прижала руку к груди, стараясь выглядеть шокировано. — Вызовите полицию. Какое безобразие!

— Ты его не знаешь, — повторила она. — Он забирает всё, и плевать ему, что кому-то это может понадобиться. Как только ты сюда перевелась, он убедился, что тебя не стоит брать в расчет. Но не слишком заискивай с ним, заполучив желаемое, Дилан покончит с тобой.

Ой ли. Эта девица всё перепутала. Происходит всё с точностью до наоборот.

— На первом году обучения он использовал меня, чтобы подобраться к моей соседке по комнате.

— Это не похоже на ту версию, о которой слышала я.

— Ты поверила Дилану! — засмеялась Элейн. — Всё ясно. Ты влюбилась в него? Можешь поговорить с моей соседкой о его методах.

Моя челюсть напряглась. Не хочу больше этого слушать. Я по горло сыта бреднями Элейн о Дилане и о том, что случилось на первом курсе. Такое чувство, что на нее ополчился весь мир! Ее яд не действует на нас с Диланом.

И да, Элейн, подлая ты сучка, я верю Дилану. И что с того, что я влюблена в него? Он тоже меня любит. Его не было на лекции из-за... обстоятельств. «Кое-каких дел», как он выразился.

Может, сейчас он как раз разрывает отношения с Ханной. Но тебе этого знать не следует.

*****

К двум часам дня от Дилана так и не было вестей. Я уже переделала всю домашнюю работу и прочитала в библиотеке главу по биоинженерии. Достапа в лабораторию у меня сегодня не было, как и смены в ресторане, поэтому я оказалась предоставлена самой себе. Домой возвращаться не хотелось, а друзьями в университете я не обзавелась.

Боже, уже ноябрь, а у меня до сих пор нет друзей.

Прежде чем окончательно утонуть в жалости к себе, я собрала вещи и поехала домой к Сильвии и Аннабель. Кому нужны друзья на территории кампуса, когда они у тебя есть за его пределами.

Уоррены жили в двухкомнатной квартирке еще меньше и не примечательней моей. Аннабель делала всё, что в ее силах для того, чтобы украсить это место — на стенах фотографии Майло висели вперемешку с его детскими рисунками, обрамленными в веселые дешевые рамки. Когда я подъехала к их дому, как раз настало время для чтения. Майло устроился в большом кресле с книгой, а Аннабель делала закладки в одном из своих учебников.

— На кухню? — спросила она, увидев мое лицо.

Я кивнула.

— Кофе.

Столпившись вокруг маленького раскладного стола на кухне, я поведала Аннабель короткую версию событий последних нескольких дней. За исключением особо пикантных подробностей, конечно.

— Черт побери, Тесс, а ты роковая женщина, — проговорила она, обмахивая себя руками.

— Не правда.

— Ты целовалась с ним на его столе, затем настояла, что не позволишь происходящему зайти слишком далеко, пока он не расстанется со своей подружкой-принцессой? И он согласился? Тебя должны принять на работу в ЦРУ, — произнесла Аннабель, одарив меня недоверчивым взглядом.

Я опустила взгляд на свою кружку. Всё было не так.

— Подумать только, — продолжила подруга, — в прошлый раз, когда мы говорили о ваших с Диланом отношениях, ты стояла на своем и утверждала, что не хочешь к нему возвращаться. Так и знала, что ты лжешь. Я всегда знаю, когда ты или Сильвия пытаетесь меня обмануть. Сильвия, может, и мнит себя актрисой, но я переплюнула ее в лицедействе. Я в четырнадцать тайком встречалась с парнями, и никто об этом не просек... ну, пока я не забеременела.

Я закатила глаза. Такой конец истории меня тревожил. Почему Дилан не позвонил?

— Я не знаю, — ответила Аннабель, когда я задала свой вопрос вслух. — Может быть, ему не так легко, как он планировал, удалось связаться с Ханной? Может, будучи настоящим парнем, каковым, я уверена, он себя и считает, Дилан хочет порвать с ней лично?

— Может быть.

— Не позволяй этой Элейн заронить зерно сомнения в твои мысли. Единственный, кто в этой ситуации действует исподтишка, — это Элейн, а не Дилан.

— За исключением того, что он изменяет своей девушке, — заметила я.

— Он лишь немного ее обманывает.

Интересно, каково мнение Ханны на этот счет. Жаль, что сегодня дома оказалась Аннабель, а не циничная Сильвия. Прямо сейчас мне хотелось выслушать два противоположных мнения, как если бы у меня на плечах устроились ангел и дьявол.

Дело не в том, что несколько прошедших часов заставили меня усомниться в Дилане. Дело даже не в словах Элейн, назойливо звучащих у меня в голове. Ничто не могло повлиять на мое решение. Но, так или иначе, то чувство уверенности и определенности, которое я испытывала прошлым вечером, покидая квартиру Дилана, ослабло. Вчера я верила, что всё получится именно так, как мы запланировали. Дилан любит меня, я люблю его, он порвет с Ханной, и мы станем строить наши отношения. Мы были бы счастливы. Но каждый истекший час заставляет меня сомневаться всё больше и больше, словно сюжет одной из книг-фэнтези, которыми забита книжная полка Сильвии.

Всю ночь и весь день я продолжала убеждать себя, что всё будет хорошо. Но почему я рассчитываю на такой исход? С чего я решила, что заслуживаю счастья? Не так-то просто отбить парня у своей сестры.

Интересно, что именно Дилан скажет Ханне о причинах их расставания? Дилан всегда был честным и открытым человеком. Надеюсь, он не скажет ей, что встретил другую. Надеюсь, он выдаст ей речь в стиле «причина не в тебе, а во мне». И это будет не совсем ложью. Ведь правда же. Дилан не любит Ханну так, как любит меня.

Уж я-то являюсь экспертом по недомолвкам. Может, следовало дать Дилану парочку

полезных советов?

Еще раз на всякий случай я проверила свой телефон, который стоял на виброзвонке с тех пор, как я приехала к Аннабель. Ничего.

— Тесс, милая. — Аннабель положила свою руку на мою, — так ты сведешь себя с ума. Сделай домашнее задание или займись чем-нибудь еще.

— Уже сделала.

— Сходи в кино.

— Одна? — скорчила я гримасу.

— Сходи на маникюр! — От чувства беспомощности Аннабель всплеснула руками. — Неважно что, просто держи подальше свой телефон хотя бы несколько часов. Когда ждешь, время тянется еще медленней.

Я закинула телефон обратно в сумку. Именно. Но что, если я не осознаю напрасность своих ожиданий?

*****

Я отправилась в торговый центр и сделала маникюр. Странно видеть свои ногти такими ухоженными, ведь я редко ими занимаюсь. Спа-процедуры скорее характерны для моей матери, чем для меня. Телефон я с собой не брала. Маникюрша сообщила, что лак на ногтях подсох, и я могу уходить. Казалось, целую вечность я бесцельно блуждала вверх и вниз по торговому центру, глаза на витрины бутиков. Тем не менее, вернувшись к машине, чтобы проверить сообщения, я поняла, что мне удалось убить всего лишь полтора часа.

И что еще хуже, Дилан так до сих пор и не позвонил. Больше мне в торговом центре делать было нечего, и я поехала домой.

В компании мамы я провела тихий вечер и лишь около полуночи, сдавшись, отправилась спать. Поправочка: я легла в постель, но в оцепенение уставилась в потолок, тщательно анализируя факты с присущей мне научной точностью, за исключением графиков и диаграммам, конечно.

***Гипотеза:** Дилан хотел лишь переспать со мной, и когда я не отдалась ему, несмотря на произнесенное им слово на букву «Л», он решил прекратить меня добиваться. **За:** Множество факторов: мы встретились у него дома, Дилан угощал меня вином, он остановился только тогда, когда я попросила его об этом, а затем согласился со всеми моими доводами, словно я смогу отбросить всякую осторожность и переспать с ним, обещая он мне порвать с Ханной. Я вспомнила все те разы, когда отец клялся моей маме оставить свою жену. Мама поддавалась его уговорам, а он так и не разводился. **Против:** «Тесс, я люблю тебя». Если Дилан солгал, то ему лучше покинуть кафедру биоинженерии и присоединиться к кафедре театрального искусства Кантона.*

***Гипотеза:** Это всё какой-то большой план мести. Дилан не хотел снова сходить со мной. Он просто заставил меня желать этого, а сам никогда не намеревался мне перезванивать, точно так же как два года назад я не собиралась перезванивать ему. **За:** У Сильвии были кое-какие подозрения подобного рода, когда я в первый раз увидела его с Ханной. Идеальная месть. И он до сих пор не перезвонил. **Против:** Тогда зачем беспокоиться и отправлять мне сообщение «Поговорим позже»? Мог бы просто написать «Неудачница» и исчезнуть.*

***Гипотеза:** Элейн оказалась права, и за годы, прошедшие с нашего знакомства, Дилан*

изменился и превратился в бабника. **За:** Его признание в том, что он переспал с соседкой Элейн (и еще с двумя девушками), и в том, что настоящих чувств у него к ним не было. Он занимался сексом с девушкой, которая не была его подружкой. **Против:** У Элейн свои счеты к нему. Кроме того, не забывайте о вышеупомянутой фразе «Тесс, я люблю тебя».

Ладно, признаю. Эти четыре слова весь день вертелись у меня в голове. Тем более, мне так и не удалось поговорить с Диланом, чтобы хоть как-то вытеснить их из моего сознания.

Но он не перезвонил. Он не перезвонил. Не перезвонил.

Гипотеза: Ты заслуживаешь любой из перечисленных вариантов за попытку отбить бойфренда своей сестры.

Лежащий на тумбочке телефон начал вибрировать. Я обратила внимание на две вещи: часы на дисплее показывают полвторого ночи и на экране высвечивается имя Дилана.

Сглотнув комок, я скользнула пальцем по экрану и приложила телефон к уху.

— Здравствуй.

— Привет, — произнес он низким голосом, переходящим в шепот. — Не слишком поздно для звонка?

— Не совсем, — ответила я. Я чувствовала себя размазней, зарывшись под одеяло. Ведь я почти убедила себя держаться подальше от происходящего. Но всё будет хорошо. Дилан обещал перезвонить и сдержал слово. Все эти гипотезы, сомнения, которые мучили меня в течение дня, ничего не значат. — Всё в порядке?

Секунду Дилан колебался, а потом заговорил:

— Да. Сегодня был тяжелый день, но всё в порядке. По крайней мере, я на это надеюсь.

Надеется? Что это значит?

— Как Ханна?

— Не очень хорошо, — признался он.

Слова Дилана отозвались болью в моем сердце. Как бы мне хотелось разрешить эту ситуацию, не причиняя ей страданий. Я не очень хорошо знаю Ханну, но она по-прежнему остается моей младшей сестрой.

— Что ты ей сказал? — спросила я и услышала тяжелый вздох парня на другом конце линии.

— Уже поздно, и я действительно устал. Не могу объяснять всё сегодня. Я... лишь хотел услышать твой голос.

— Я здесь, — прошептала я в ответ, не понимая, что Дилан имеет в виду. Его голос раздался около моей подушки, словно он лежал рядом со мной, чего в действительности никогда не случалось. В Корнелле мы не провели ночь вместе, опасаясь, что нас могли застукать, если бы после комендантского часа нас не оказалось в своих постелях. Но впереди нас ждало огромное количество первых раз, несмотря на то, что с некоторыми из них мы запоздали на два года.

— Ты для меня всё, Тесс. Я хочу, чтобы ты мне верила.

Его слова согревали лучше любого одеяла. Мне тоже хотелось в это верить.

— Хочешь, чтобы я приехала?

— Нет, — ответил он, и его грубый голос донесся сквозь трубку. — Уже действительно поздно. Поговорим завтра.

Я сразу почувствовала себя подло. *Эй, Дилан, теперь, когда ты бросил свою девушку, не хочешь потрахаться? Ведь уже прошло полчаса? Достаточно времени для соблюдения приличий!*

Конечно, после того как вчера вечером на его кухне мы практически сорвали друг с друга одежду, нам не особо стоило беспокоиться о приличиях...

Не правда, тихо прошептал внутренний голос. Если бы меня не беспокоили приличия, я бы не остановила Дилана и не стала настаивать, чтобы сперва он порвал с Ханной.

Но какая разница, как всё выглядит? Будь я на месте Ханны, мне было бы плевать, занимался он сексом или всего лишь целовался с женщиной, из-за которой наши отношения расстроились. Разве та девушка, так или иначе, не тварь? Она домогалась парня, который был занят. Не стала ли я именно тем человеком, которым клялась никогда не быть?

Дилан прав. Сейчас поздно. Слишком поздно, чтобы ломать голову над подобными вопросами.

— Я рада, что ты позвонил, — произнесла я, сонно зевая, отчего телефон сдвинулся дальше от моего подбородка. — Я уже начала беспокоиться.

— Я так и подумал. — Звук его голоса был таким успокаивающим, словно он напевал колыбельную. — Прости за ожидание. Я знаю, как важен для тебя сон.

— Ммм, — пробормотала я, чувствуя, как веки тяжелеют от нахлынувших забот этого дня.

— Эй, Тесс, я очень сильно по тебе скучаю. Не могу дождаться завтрашнего дня, чтобы увидеть тебя.

— Я тоже, — пробормотала я и скорее всего провалилась в сон, ведь я не могла никак вспомнить оставшуюся часть разговора и его окончание. Да и вряд ли бы Дилан произнес:

— Я все тебе объясню.

Но могу поклясться, что именно эти слова я и услышала.

Глава 12

Следующим утром я проснулась не выспавшейся, но счастливой. Всё будет хорошо. С Диланом, с проектом, с Кантоном — со всем. На улице стояла замечательная погода, которую можно почувствовать только осенью: свежий воздух, огненные цвета, небо такого же ярко-голубого цвета, как оттенок глаз моего любимого.

Настроение было настолько замечательным, что я решила вместо своего обычного дешевого кофе спустить деньги на один из тех изысканных кофейных напитков, продававшихся в магазине кампуса. Именно сегодня там проходила промо акция тыквенного мокко и латте с кленовым сиропом. Выбирая между карамельным кофе с корицей и тыквенным латте с пряностями и пенкой, я услышала громкий возглас девушки, стоящей рядом со мной.

— Ханна, иди сюда!

Аккуратно, как только это было возможно, мне удалось спрятаться за прилавком с выпечкой. Кантон — небольшой студенческий городок, и я знала, что рано или поздно мне придется с ней столкнуться. Я просто надеялась, что между разрывом ее отношений с Диланом по моей вине и нашим первым приветствием пройдет хотя бы сутки.

— Мисс? — окликнула меня бариста. — Вы определились с выбором?

— Тыквенный с пряностями, — пропищала я.

Позади меня девушка поприветствовала мою сводную сестру. По спине побежали мурашки

— Какую порцию?

— Большую? — Нет, подождите. Я где-то читала, что в большую порцию лишь добавляют больше молока, а не кофе. Мне не хотелось тратить лишние полтора доллара на вспененное молоко.

— Почему ты все выходные не отвечала на звонки? — спросила та девушка Ханну. — Была в романтическом путешествии, о котором я не знала?

— Нет, — тихо ответила Ханна. Я вздрогнула. — Но это звучит лучше, чем то, чем занималась я. Надо предложить ему куда-нибудь съездить на осенние каникулы.

Я замерла на месте. Предложить это кому?

— Четыре пятьдесят, — произнесла девушка, и я машинально оставила пятидолларовую банкноту и бочком стала отходить от прилавка. Казалось, процесс приготовления кофе будет длиться вечно. Наконец, мне вручили мой напиток, и я, вздохнув с облегчением, попыталась пролезть сквозь толпу людей, ожидающих свои заказы.

— Эй! — снова раздался голос Ханны. — Я знаю тебя.

Я замерла и опустила голову. Был ли у меня хоть малюсенький шанс не расслышать оклик, несмотря на столь мизерное расстояние между нами?

— Тесс, верно? — О, Боже, она произнесла мое имя. Это против правил. Совершенно против правил. Хотя разве эти самые правила не отправились ко всем чертям, когда я позволила ее парню засунуть свой язык мне в рот?

Я посмотрела в столь схожие с моими глаза. Интересно, а Ханна заметила это сходство?

— Да.

Она повернулась к своей подруге, миленькой рыжеволосой девушке с веснушками и кудрявым прыгающим хвостиком.

— Это новая партнерша по лабораторной моего парня. Тесс только что перевелась в Кантон.

Рыжеволосая девушка пожала мне руку и, вероятно, тоже представилась, но мой мозг был занят перевариванием слов Ханны.

Партнерша по лабораторной моего парня.

— Как продвигается проект? — спросила она меня, уставившись на меня ясным бесхитростным взглядом. — Мне лишь известно, что Дилан надрывает себе задницу над ним. Знаю, такова его манера работать, но надеюсь, что это не сведет его с ума. — Ее улыбка была нежной, почти покровительственной. Мне захотелось умереть.

— Прости, — выдавила я из себя, — мне пора. У меня занятие. — Я указала в сторону, где, как предполагалось, находится кампус, и направилась к двери.

— Это напарница твоего бойфренда? — услышала я слова рыжеволосой девушки. — О, дорогая, я бы не спускала глаз...

Поправочка: мне захотелось умереть *прямо сейчас*.

Оказавшись за дверью, я тут же помчалась вперед, не обращая внимания на разбрызгивающиеся капли горячего напитка на мои руки. Почему, черт возьми, я решила купить кофе именно в кампусе, когда как минимум полдюжины кофеен располагались по пути между школой и домом? Почему, черт возьми, я не покинула очередь, как только услышала ее имя? Какого черта Ханна называла Дилана своим парнем?

Может, ей хотелось сохранить лицо в глазах других? Или просто не хотелось делиться горькими подробностями со своей подругой, стоя в очереди? В конце концов, именно рыженькая упомянула Дилана первая, Ханна же лишь ответила, что у нее не было романтических выходов. И может, все ее надежды на будущий совместный отдых — просто

маленькая невинная ложь?

Но какой в этом смысл? Именно она обратилась ко мне, она была инициатором разговора о своем парне, будто не я стала причиной их расставания. Вполне возможно, что Дилан во время разговора с ней не называл моего имени. На ее месте я подозревала бы каждую девчонку, с которой он когда-либо встречался, особенно новоиспеченную партнершу по лабораторной. Ханна же не может быть абсолютной идиоткой, ведь так? Она же дочь моего отца. И она нравится Дилану.

Так, может, он не рассказал ей, что у него появилась другая? Или он всё-таки расстался с ней, и она просто приложила максимум усилий, чтобы поболтать с его партнером по лабораторной? Либо она самая милая девушка на всем белом свете, либо она просто не желает смотреть правде в глаза.

Или же Дилан с ней не расстался.

Тьфу. Ненавижу эти сомнения. Он порвал с ней. Вчера вечером он позвонил мне, чтобы сообщить об этом.

Но он же вообще не говорил на эту тему.

Я подняла голову и обнаружила, что стою возле корпуса «Свифта». Сейчас самое подходящее время, чтобы выяснить правду. Я поднялась по лестнице и остановилась на лестничной площадке. Допив остатки кофе, я выбросила стаканчик, подошла к квартире под номером 202 и громко постучала.

Дилан, весь мокрый, со взъерошенными волосам и надетыми очками, открыл дверь. Его глаза покраснели от проведенной бессонной ночи, а пижама помялась. Мне хотелось наброситься на него. Боже, помоги, как же мне хотелось попробовать его на вкус.

— Тесс? — удивленно произнес он. — У тебя нет лекций?

— Доброе утро, — ответила я и протиснулась мимо него. — А что? Кого-то ждешь?

— Что? — спросил он, следуя за мной.

— Свою *девушку*, возможно? — обернулась я. У парня погрузнело лицо, и мое сердце рухнуло вместе со всеми надеждами. Так это правда. — Ты сказал, что расстанешься с ней.

— Тесс...

Я покачала головой.

— Ты солгал.

Дилан вытянул руки.

— Что ты... слышала? — спросил он, нахмутив лоб, словно не мог поверить в происходящее. — Ты говорила с Ханной?

— Ты *солгал* мне! — Напиток забурлил у меня в животе. Вероятно, покупка безумно дорогого кофе была самым худшим решением в жизни.

— Погоди-ка, Тесс, что ты ей сказала?

Я не собиралась здесь рассиживаться и выслушивать нравоучения Дилана. Я узнала правила общения с Ханной еще до их с ней знакомства.

— Боже, дай-ка подумать, — воскликнула я, имитируя глубокую задумчивость. — Кажется, что-то вроде «привет»? — *Не перебарщиваю ли я?* — Дилан, я ее не разыскивала. Я не какая-то злобная стерва. — Даже если бы я отбила у нее парня, то не стала бы тыкала ей этим в лицо. — Она стояла в очереди рядом со мной в кафе. Именно она начала болтать без умолку о том, что я твой новый партнер по лабораторной. Это Ханна распевала «мой бойфренд то», «мой бойфренд сё». И это она говорила о вашем романтическом путешествии в следующем месяце.

— Что? — Дилан посмотрел на меня, явно сбитый с толку.

— Так скажи мне, Дилан, — произнесла я тихим суровым голосом, — что всё это значит? Кто из нас, я или Ханна Свифт, является самым глупым человеком на планете? Неужели я самая большая идиотка во вселенной, раз поверила твоим словам о разрыве?

Довольно долго Дилан молчал, поглядывая на меня с глубокой печалью в глазах.

— Тесс, я хочу, чтобы ты на минуточку присела. Мне необходимо тебе кое-что рассказать, и я не хочу, чтобы ты взорвалась после моих слов, поэтому...

Ни за что. Не выйдет. Я сотни раз слышала различные варианты подобных речей. Я не моя мать. Я не хочу, чтобы меня пытались убедить жить той жизнью, которой я для себя не хочу, и быть тем человеком, которым я не желаю стать. Я начала продвигаться мимо парня к двери. И почему я решила, что всё может быть по-другому? Почему я решила, что заслуживаю лучшего? Девушка, укравшая парня у сестры? Я же само зло.

— Тесс, пожалуйста, — умолял меня Дилан, схватив меня за руку. — Пожалуйста, пожалуйста, я люблю тебя.

Я отпрянула от него.

— Вешай лапшу на уши Ханне.

— Я так и делаю, — произнес он полным отчаяния голосом, заставившим меня споткнуться. — Тесс, она больна.

Что? Я обернулась и посмотрел на него.

— Я только что видела ее, и она не выглядела больной.

По скорбному выражению на лице Дилана, можно было подумать, что он находится на похоронах.

— Пожалуйста, присядь. Я обещал рассказать тебе обо всем сегодня, позволь мне так и сделать. Решать будешь потом...

Сдавшись, я направилась в гостиную. Диван до сих пор был разложен, и скомканные одеяла выглядели так маняще. Я застыла на месте.

— Прости. Я только что проснулся.

— Ага. — Я обошла кровать и села, или лучше сказать присела, на самый край стула, готовая умчаться в любую секунду.

Дилан устроился на краю дивана и попытался дотронуться до меня. Я отодвинулась подальше.

— Во-первых, я люблю тебя, и мне очень, очень жаль, что не удалось сразу с тобой объясниться...

— Переходи ближе к делу, или я ухожу, — ответила я.

— Хорошо. — Он глубоко вздохнул и начал: — Вчера я планировал встретиться с Ханной за ланчем и сообщить, что мы расстаемся. Я не хотел, чтобы между нами пролегла ложь дольше, чем необходимо. Она хороший человек, Тесс.

Да. По-видимому, лучше нас обоих.

— Но, когда я позвонил, чтобы условиться о встрече, она билась в истерики. Утром ей позвонили из офиса ее врача насчет странного результата какого-то анализа. Доктор хотел, чтобы она немедленно к нему заехала. Ей было страшно, и, конечно же, я предложил поехать вместе с ней.

Остальная часть истории сложилась у меня в голове, прежде чем Дилан закончил говорить, но я терпеливо выслушала его рассказ о посещении врача. Как он в одиночестве ожидал Ханну в коридоре больницы, пока у нее была продолжительная беседа с врачом

касательно тех обследований, которые ей вскоре предстоит пройти. Как он держал ее за руку во время томографии горла и груди, отчаянно пытаясь отыскать в бесстрастном лице узиста какие-либо намеки на понятные только ему подсказки. Какое чувство вины и боли он испытывал при мысли, что именно он собирался сказать ей в тот день. Какие эмоции преследовали его, когда он обнял ее и сказал, что он рядом и что всё будет в порядке.

— С ней всё будет хорошо? — выдавила я из себя.

Дилан пожал плечами.

— Я не знаю. Мне не удалось добиться от нее ответа. Она сильно растеряна от всего происходящего, все эти медицинские термины не поддаются ее пониманию. словно после услышанного слова на букву Р, всё остальное звучало для нее как взрослые герои из мультика «Мелочь пузатая». А со мной они не поделились какой-либо информацией, я же просто ее парень. — От слов Дилана меня окатило холодом. — Мне лишь известно, что ей придется пройти множество обследований, которые могут растянуться на несколько недель, прежде чем они смогут выяснить... — Дилан заколебался, — насколько всё серьезно.

— О, Боже, — произнесла я. К горлу подкатил комок. — Бедная Ханна.

Дилан смерил меня пытливым взглядом.

— Спасибо.

— За что? — спросила я, склонив голову.

— За эти слова. Ведь ты даже не знаешь ее.

— Мне и не нужно ее знать, — тут же ошетилившись, произнесла я. *Она всё еще моя сестра.* Молодая девушка, столкнувшаяся с ужасными новостями. Теребя рукав своего пиджака, я спросила: — Она, хм, разговаривала со своими родителями?

— Пока нет, — ответил он. — Ханна хочет поговорить с ними сегодня вечером и просит, чтобы я пошел с ней.

Я кивнула, продолжая разглядывать свои руки.

— Тесс. — Я слышала свое имя и, подняв голову, заметила, что он решился приблизиться ко мне по максимуму близко. — Не могу поверить, что говорю это.

О, вот и началось. Договорённости. Скользкая дорожка к измене. Не так ли всё произошло у мамы? Она просто согласилась сохранять всё в тайне «какое-то время»?

— Не думаю, что мы сможем сейчас быть вместе. — После этих слов черты лица Дилана исказились от боли.

Я испытала такое облегчение, что с моих губ сорвался смешок. Даже в этой ситуации Дилан оказался на высоте. Он не хотел встречаться тайком. Он хотел подождать.

— Конечно, и речи быть не может, чтобы мы встречались! — воскликнула я. — Ты не можешь бросить девушку на следующий день после того, как она узнала о возможной смертельной болезни. Господи, какими монстрами мы были бы?

Мы смотрели друг на друга, и на мгновение я почувствовала, что, несмотря на всё случившееся, мы еще способны улыбаться. Мы оказались в непростой ситуации, но старались найти лучший выход, чтобы не причинять Ханне излишней боли.

— Я собирался сказать, что пойму, если ты не сможешь меня простить. — Дилан пожал плечами и продолжил: — Я просто... не могу порвать с Ханной прямо сейчас. Я чувствую себя виноватым, ведь уделяй я ей больше внимание в прошлом месяце, может, и заметил бы признаки ее болезни. Она говорила о том, что устает, что у нее не хватает сил. Но в глубине души я лишь думал: «великолепно, меня не будут преследовать угрызения совести из-за нежелания проводить ещё один вечер с тобой».

— Ты не виноват, — быстро ответила я, каждой клеточкой радуясь его признанию. Дилан не желал возвращаться к Ханне после наших встреч. Я подошла с намерением положить руку ему на плечо, но передумала. Чем меньше физического контакта будет между нами, тем лучше. — Будь ты рядом, что от этого изменилось бы? Ты же не стал бы задавать вопросы типа: «О, дорогая, мне интересно, с твоей щитовидкой всё в порядке?»

— Это просто... ужасно.

— Так и есть, — согласилась я. Интересно, что предпримет отец, узнав об этом? Скорее всего привезет специалистов для своей Ханны. Боже, бедная Ханна. Должно быть, она очень напугана. — Если я могу чем-нибудь помочь...

— Например? — спросил Дилан таким простодушно-удивленным тоном. — Воспользуешься морскими водорослями для решения проблемы? У тебя степень биоинженера, а не медика.

— Я не знаю. Костный мозг?

Он усмехнулся.

— В первую очередь они обратятся к членам семьи.

— Точно, — произнесла я. Сперва семья.

— Давай рассчитывать, что до этого не дойдет. Будем надеяться, всё обойдется.

— Надеюсь, — повторила за ним я. Мне следовало попросить Дилана сообщить, если дело примет плохой оборот. Интересно, что они предпримут, если вдруг понадобится пересадка костного мозга? Попросит ли меня об этом отец?

— Боже, Тесс, ты потрясающая. — Дилан покачал головой, удивляясь моему пониманию. — Я всю ночь пытался понять, как всё уладить, что и как рассказать и какой будет твоя реакция. Пытался понять, как мне пережить следующие несколько недель — беспокойство о Ханне, желание быть рядом с ней в попытках помочь, но при этом быть целиком и полностью влюбленным в тебя...

— Пожалуйста, — попросила я, — не говори мне, какой я замечательный человек по отношению к девушке, у которой я почти отбила парня, пока она пыталась выяснить, больна ли раком. Я не потрясающая. И даже не хорошая. Уверена, что это самое худшее решение, которое я принимала в своей жизни. И я не собираюсь скрывать этого.

Дилан посмотрел на меня, схватил за руку и не отпускал ее, даже когда я попыталась вырваться.

— Ты же на самом деле так не считаешь?

— Конечно, считаю!

Его голубые глаза впились в мои.

— Ты не хотела неприятностей, Тесс. Это моя вина. Это я не оставлял тебя в покое, продолжал преследовать как в университете, так и за его пределами. И знаешь что? Даже если бы я тебя не интересовал, мои отношения с Ханной всё равно бы закончились. Ведь только рядом с тобой я испытываю сильные чувства. Не с ней. И это не изменится. Я всё равно оставил бы ее, чтобы найти свою половинку. И желал бы Ханне того же.

Я прикусила губу. *Он не слишком сильно увлечен мной.* Не в этом ли смысл его слов? И ничьей вины в этом нет.

— Нам только двадцать. Предполагается, что в этом возрасте мы должны веселиться. И я не заинтересован тратить время на кого-то, с кем у меня не складываются отношения, — вздохнув, проговорил Дилан. — Но я и не собираюсь вышвыривать Ханну из своей жизни, когда ей плохо.

Я поняла, о ком говорил Дилан. Он говорил не обо мне. Он говорил о себе и о Ханне. Возможно, я и послужила катализатором разрыва их отношений, но не была тому причиной.

Но разве от этого легче? Впрочем, время покажет. Дилан не прав лишь в одном. Вопреки его словам я была далека от идеала. Всеми фибрами души я надеялась, что Ханна здорова, и обследования покажут, что это была ложная тревога, и моя сестра будет жить долгой и полной жизнью. Как же я желала этого! Но волнение одолевало меня. Что делать, если все-таки с Ханной окажется не всё в порядке? Если Дилан не смог порвать с ней в тот момент, когда ситуация с ее здоровьем не совсем понятна, то что произойдет, если обстоятельства усугубятся?

Имеет ли смысл возлагать надежды на парня, который, возможно, никогда не будет свободен?

Глава 13

Вскоре наш разговор плавно перетек в сторону проекта, ведь мы с Диланом были теми еще занудами, когда речь заходила о науке. По правде говоря, я чувствовала себя комфортней, когда мы обсуждали посторонние темы. Что бы ни происходило в ближайшие несколько недель, наше общение было бы затруднено, не найди мы темы для разговора, исключая Ханну и наше нереализованное влечение.

Дилан посмотрел на часы.

— Э-э, пожалуй, мне следует подготовиться к занятиям, — произнес он, указывая на свою пижаму. — Если хочешь, подожди меня пару минут, и мы вместе пойдем на биоинженерию.

— Конечно, — кивнула я, и Дилан схватил кое-что из одежды и направился в ванную. Как только он ушел, у меня появилась возможность перевести дыхание. Я смогу это сделать. Когда его не было рядом, я чувствовала, что снова могу дышать. Гул в голове, усиливающийся при каждом нашем взаимодействии, утихал. Даже сейчас во время нашего разговора крохотная часть меня задавалась вопросом, удастся ли мне работать рядом с ним после того вечера два дня назад? В конце концов, у меня было достаточно причин, чтобы не целоваться с бойфрендом своей сестры, и я уж точно наплевала на все установленные для меня правила.

Тем не менее, слова Дилана успокоили меня. Конечно, я не ангел, но и не сука, которая уводит чужих парней.

Боже, надеюсь, что с Ханной всё будет в порядке. И с отцом. Может, мне следовало позвонить маме и рассказать о нерадостных вестях, которые ему предстоит узнать? Вот что забавно, я никогда не задумывалась, заставят ли отца проблемы в настоящей семье проводить с нами больше времени или нет? За все эти годы он всего лишь пару раз переезжал к нам на несколько дней или недель. Иногда брал маму в длительные роскошные отпуска, а меня оставлял с няней. Интересно, что в те моменты думали Ханна и ее мать?

Но ведь он же не сбежит, узнав, что его дочь больна? Ей будет нужен отец. И Дилан.

Господи, мне не хватало только папочкиных проблем.

Дилан вышел из ванной, и против воли мое сердце пропустило удар, несмотря на отнюдь не возбуждающий наряд парня — обычные джинсы и футболка. Его волосы были влажными и взъерошенными после душа, и на нем снова красовались очки. Почему-то эти очки заставляли меня чувствовать, что Дилан принадлежит мне, а не Ханне. Этот вид делал

его противоположностью Супермена.

— Я готов. Давай возьму твои книги. — Он наклонился над матрасом, и я заметила, как капельки, падающие с его мокрых волос, оставляют мокрый след на воротнике рубашки. Не понимая, что делаю, я протянула руку и смахнула капли с его шеи.

Дилан замер.

— Тесс...

Я отпрянула, словно ужаленная.

— Прости. Не знаю, о чем я думала. — Да я вообще ни о чем *не думала*. Моя рука жаждала прикоснуться к нему. Моя кожа нуждалась в прикосновении к его коже. В этом всё дело.

Парень опустился рядом со мной на всё еще разобранный диван. Простыни, такие зовущие и пахнущие Диланом, были скомканы. Прикоснись я к нему, и мы бы не покинули его квартиру. Пропустили бы занятия. Упали бы прямо на эти простыни, и все те обещания, и правила, которые мы только что друг другу дали, отошли бы на второй план.

— Я не могу тебя потерять, — прошептал он. — Все эти годы... Я думал, ты потеряна безвозвратно. Но теперь у меня появился еще один шанс... Я не могу снова дать этому произойти.

Взгляд его голубых наполненных страстью и притягательностью глаз обжигал меня. Вот тогда я и поняла, что этому суждено случиться. Всему этому. Произошедшее было неизбежно. Взгляд Дилана был неумолим, ему невозможно было противиться.

Внезапно телефон парня, лежавший на диване, ожил. На экране высветилось лицо Ханны. Дилан оторвал от меня глаза и с силой нажал на кнопку вызова.

— Привет... Как ты? Нет, я как раз собирался на лекцию, так что... Подожди, ты уже поднимаешься?

Я вскочила с дивана, будто бы по нему ползали змеи. Дилан нажал кнопку отключения звука.

— Ты мой партнер по лабораторной. В твоём здесь присутствии нет ничего страшного.

— Я сказала ей, что у меня урок менее чем через час.

— О. — Он снова вернулся к разговору. — Ладно, Ханна, встретимся через минуту. — Он прервал разговор и посмотрел на меня. — Ванная комната.

Я закатила глаза, но подчинилась. Ведь это был единственный вариант? Спрятаться в ванной комнате. Вот так это и начинается. Мне интересно, в скольких ваннах комнатах пряталась моя мама на протяжении долгих лет?

Спустя секунду после того, как Дилан закрыл за мной дверь, я услышала стук. И хотя умом я понимала, что Ханна меня не сможет заметить, я всё же попятилась назад, пока не врезалась в умывальник. В ванной еще не рассеялись клубы пара, и туманный воздух был наполнен ароматом мыла и шампуня Дилана.

— Доброе утро! — раздался голос Ханны за дверью. Ее голос звучал так, словно она переборщила с энергетиком. Похоже, ей удалось выпить больше кофе, чем мне.

— Привет, — произнес Дилан. — Как ты себя чувствуешь?

Неужели они целуются? Он что, поцеловал ее прямо находясь по другую сторону от этой двери?

— Я как раз собирался на лекцию, — тотчас же произнес Дилан. — Поэтому...

— Я тебя провожу, — перебила его Ханна. — По дороге хотела поговорить с тобой о своей семье. Подумываю не рассказывать им, пока... пока мы не поймем, с чем имеем дело.

От еще больших угрызений совести у меня скрутило внутренности.

— Не хочу, чтобы они переживали, — закончила она. — Мама слишком ранимая.

А как же отец?

— Э-э... хорошо, — согласился Дилан. — Сейчас только захвачу ключи. Не хотелось бы забыть их. Дверные замки сменили, и они стали автоматически закрываться после ухода.

Это мое разыгравшееся воображение, или Дилан действительно произнес последнюю фразу немного громче, чем следовало? *Отлично, сообщение получено, Дил.*

Я услышала звук открывшейся и захлопнувшейся двери, но все равно подождала пару минут, прежде чем выйти. От влажного воздуха у меня распушились волосы, я пригладила их и, покинув ванную комнату Дилана, отправилась на лекции. По дороге я старалась не задумываться над сложившейся ситуацией и над тем, как она повлияла на мои отношения с Диланом, на его заботу о Ханне, как она сказалась на правилах моей матери, по которым я всегда жила. Но что было бы, если бы Ханна дернула ручку и открыла дверь в ванную комнату?

*****

К счастью, мне удалось получить смену в «Верде», и я смогла забить голову заказами, добавками и раздельными счетами. К сожалению, посетителей было мало, и к девяти вечера я уже была дома.

Там оказался отец. Сперва я обратила внимание на его припаркованную машину, а потом заметила и его самого. Он расположился в гостиной так, словно находился у себя дома, и просматривал свой коммуникатор.

— Мама дома? — спросила я, кладя ключи в вазочку на столе.

— Нет, — произнес он, отрываясь от своего телефона. — Но я рад, что ты пришла. Такое чувство, что я не видел тебя с тех пор, как ты снова вернулась в город.

Может, так и было задумано. Он похлопал по подушке, приглашая меня сесть рядом с ним, что я и сделала, морально готовясь к очередной лекции о благодарности и осмотрительности. Неспешно отец засунул телефон обратно в карман и повернулся ко мне.

— Всё в порядке? Как дела в школе? На работе? Высыпаешься?

— Да, папа. — Интересно Ханна рассказала ему о своем обследовании? Не в этом ли заключается проявление его внезапной заботы?

— Учеба в Кантоне не слишком тяжело дается?

Я закатила глаза.

— Нет. Как оказалось, я слишком умная.

— Я знаю это, Тесс. Я хотел сказать, что, наверное, тяжело, сперва учиться по одной программе, а потом значительно изменить...

— Ну, — начала я, — мне бы не пришлось переживать подобные трудности, поступи я в Кантон с самого начала.

Удар попал точно в цель. Папа вздрогнул, и я моментально ощутила чувство вины. Он итак сегодня получил ужасающие вести, стоило проявить больше чуткости.

— Тесс, — вздохнул он. — Надеюсь, ты понимаешь, что я полагал, что это верное решение для нас всех.

— Не уверена, что понимаю, о чем ты, папа.

— Я о том, что поощрял тебя поступить в государственный университет.

Больше походило на принуждение.

— Для того, чтобы я держала подальше свои маленькие недостойные руки от твоей драгоценной альма-матер?

Сейчас отец выглядел более расстроенным, чем когда-либо ранее.

— Не совсем так. Пожалуйста, не делай из меня монстра. Ты достаточно взрослая, чтобы понимать всю сложность ситуации.

На самом деле, мне так не казалось. Я всего лишь должна держаться подальше от Свифтов и от того, что им принадлежало. Когда я именно так и поступала, всё складывалось мило, ясно и просто. Всё изменилось после моего поступления в Кантон, когда я осмелилась предпринять попытку вернуть Дилана. Когда всё вышло из-под контроля. Следуй я правилам, скорее всего я была бы более счастливым человеком. Мне не пришлось бы сейчас сидеть на этом диване, спорить с отцом, когда с большим удовольствием я могла бы находиться в постели Дилана.

Нет-нет, я совсем не думала о постели Дилана.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, Тесс. Я хочу видеть тебя успешной, счастливой и выдающейся, чтобы у тебя было всё, чего бы ты ни пожелала. И если учеба в Кантоне даст тебе всё это, то я рад.

Мои губы приоткрылись в немом шоке.

— Ты серьезно?

Он пожал плечами.

— Конечно. Я люблю тебя. Я не должен был злиться на тебя. Меня огорчает тот факт, что ты мне не доверяешь и предпочитаешь тайком проворачивать свои дела у меня за спиной.

Я прикусила губу. Кто бы говорил. Именно тайные проделки лучше всего удавались моей маленькой «внебрачной» семейке.

— В последнее время я много размышлял и пришел к выводу, что у тебя были веские основания считать, что я не желаю твоего приезда сюда. Как бы мы не были вынуждены поступать, я не хочу, чтобы ты так думала обо мне.

Вот в этот момент папочка должен достать чековую книжку и выписать мне чек на учебники. Вот с этого момента он должен начать вести себя как настоящий отец, который гордится получением стипендии его дочерью в его же святая святых.

Но мне всего этого не нужно. Я не хотела принимать от него ни цента, если он снова пришел сюда для того, чтобы устанавливать свои правила и ограничения, снова напоминать, что мы с Ханной, обе, его дочери.

Я же желала парня Ханы, которая была больна, больна, больна...

Я протянула руку и переплела наши с отцом пальцы. Его кожа была сухой, и я в первые обратила внимание, что волоски на тыльной стороне его руки с возрастом стали темнее и тоньше. Лицо тоже постарело. В уголках глаз и рта пролегли морщинки, в темно-русых волосах проступили седые пряди. Всего этого не замечаешь, когда недостаточно часто видишь близкого человека. А, может, правда, наши встречи были настолько редки, что мне просто-напросто не удалось лучше узнать его?

Как бы мы не были вынуждены поступать... Мне не хотелось этого признавать, но я понимала, почему отцу пришлось сделать именно такой выбор. Я понимала, что, сохранив свою репутацию и бизнес, ему удалось лучше обеспечить свою семью. Развод дорого бы ему обошелся. Разразившийся скандал, вызванный раскрытием его грязной семейной тайны,

вероятно, стоил бы ему карьеры. Я понимала причину созданных им правил. Я понимала, почему мне приходилось жить так, словно у меня и вовсе нет отца.

Но, возможно, и мама была права. Я потратила так много времени на размышления о том, насколько вся эта ситуация была отвратительной для меня, что не задумывалась над тем, что и отцу было не сладко. И, должно быть, в сотый раз за сегодняшний день я задумалась над тем, какой была бы наша жизнь, будь Ханна моей родной сестрой без всякой утайки. Рассказывая своей семье о том, с чем ей пришлось столкнуться, она поделилась бы и со мной тоже. Тогда в тот момент, когда отец нуждался бы в ком-то, кто развеет его волнения, рядом с ним оказалась бы его дочь, которая обняла бы его и сказала:

— Все будет хорошо, папа. Обещаю.

Отец поднял глаза и посмотрел на меня уставшими разноцветными глазами, которые как две капли воды походили на мои, и на секунду мне показалось, что он догадался, о чем я говорила. Не о нашей ссоре, не о наших разногласиях касательно Кантона и секретах. Речь шла о Ханне. Той самой Ханне, которую мы оба любили, несмотря на то, что я едва ее знала. Ханна была больна, напугана и, вероятно, нуждалась в своем отце, в его присутствии дома, рядом с ней, а не в отце, который бы сбегал сюда, к другой семье, с которыми было всё в порядке, к другой своей дочери, чьей главной заботой — по крайней мере, в его представлении — была длительность ее рабочей смены.

— Ты же знаешь, что для меня ты по-прежнему моя малышка? — произнес он. — Ты всё еще моя дочь. Я люблю тебя и горжусь тобой.

Непрошенные слезы застили мне глаза.

— И когда-нибудь, Тесс, в один прекрасный день всё это будет позади.

Я не понимала, что значат его слова. Неужели отец может представить себе будущее, в котором правил больше не существует? В котором он, в конце концов, уходит от своей жены и женится на маме. В котором нам не придется скрывать наше родство. В котором я буду если не дочерью, то хотя бы падчерицей. Будущее, которое позволит мне лучше узнать Ханну. Неужели это могло быть правдой?

Меня охватила глубокая тоска. Я даже не знаю, хочу ли этого. И после нескольких лет наблюдений за тем, как он морочил различными перспективами голову мамы, мне сложно было такое представить. Этого не произошло, даже когда Ханна выросла и поступила в колледж, когда, как правило, и распадаются официальные браки. Отец не развелся со своей женой. Ханна стала студенткой, как и я. Казалось, даже мама смирилась с перспективой остаться любовницей Стивена Свифта.

Но, видимо, какая-то часть меня отказывалась сдаваться, та самая часть, которая не позволила Сильвии положить орехи в салат Ханны, та часть меня, которая закрывала глаза при просмотре фильмов ужасов, та часть, которая хотела разрыдаться, когда Дилан сообщил, что Ханна больна, та часть, что хотела обнять моего отца и сказать ему, что всё случившееся с его другой дочерью мы переживем вместе. Если Ханне потребуется пересадка костного мозга, мы найдем способ использовать мою помощь так, чтобы никто не узнал причину, по которой я могу быть донором.

Несмотря на то, что я хотела парня Ханны, она по-прежнему оставалась моей сестрой.

Забавно. Все эти годы я не осмеливалась спрашивать отца о Ханне. Он тут же становился очень злым. Да и у Дилана я не могла спросить. Предполагаю, что он ее знал лучше, чем кто бы то ни было. Знал, какие именно фильмы ужасов она любит. Знал, что заставляет ее смеяться, ее любимый цвет, любимый цветок, что именно ее пугает во всей

этой случившейся с ней истории. Он знал о ней все эти вещи... И как же сильно мне тоже хотелось знать обо всём этом прямо сейчас. Я хотела бы знать, я хотела бы помочь.

— Пап, я знаю... — Что? Я знаю, что Ханна рассказала ему о том, что она, вероятно больна. Но откуда я могла об этом узнать? Узнала, потому что чуть не переспала с ее парнем в тот день? Узнала, потому что нарушила правила? Я не могла рисковать и разрушать наше перемирие, рассказав отцу об этом. — Я знаю, что ты любишь меня, — закончила я, запинаясь.

На этой неделе двое мужчин признались, что любят меня. Но в конечном счете они оба принадлежали Ханне.

Глава 14

В четверг Дилан снова пропустил тепломассообмен, поэтому большую часть времени я провела, уткнувшись носом в свои записи, усиленно пытаюсь понять, связано ли его отсутствие с нежеланием встречаться со мной или сопровождением Ханны на биопсию. От подобного усердия у меня запылало лицо. Дилан не написал и не сообщил, как обстоят дела. А ведь на встрече с новичками помимо подробностей об учебном процессе нам говорили, что мы имеем право лишь на три пропуска без уважительной причины.

Вероятно, из-за того, что я в очередной раз оказалась в одиночестве, Элейн снова после лекции подошла ко мне.

— Привет, — поздоровалась она, прижимая к груди книгу. — Я хотела бы извиниться за свое поведение на прошлой неделе.

— Ладно, — я закрыла крышку ноутбука, — извиняйся.

— Знаю, это не оправдание, но я сейчас немного психую из-за промежуточных экзаменов и прочей дребедени. Мой проект по фотонике провалился, и сейчас тепломассообмен мой единственный шанс и... Я схожу с ума из-за симпозиума. У нас с Диланом во всю идет соперничество, а он отхватывает себе новенькую, прежде чем кому-либо хоть что-то становится известно о ней... Поэтому я сорвала свое разочарование на тебе. Мне не следовало так поступать. Я просто боюсь, что завалю курс.

Я поднялась и сказала:

— Это твой способ сказать, что ты переводишься на факультет английского языка и возвращаешь наше время в лаборатории?

Элейн втянула воздух сквозь зубы.

— Нет. Я имела в виду не ту часть, которая касалась факультета английского. Но да, полагаю, что мы сможем поделить время в лаборатории.

Я окинула девушку долгим и пристальным взглядом. Можно ли ей доверять? Дилан точно бы не стал.

— Прости, — продолжила Элейн. — Я знаю, что поступила некрасиво. Ты новенькая, а я оказала тебе холодный прием. И как бы неприятно мне это говорить, но Дилан был прав. Я хочу победить в честной борьбе. — Она многозначительно посмотрела на пустое место рядом со мной и продолжила: — То есть, если только он тебя не кинул.

— Нет. Ему необходимо уладить кое-какие личные дела. — Погодите, не прозвучали ли мои слова жалко? — Мы всё еще хотим надрать тебе задницу.

— Ну, это мы еще посмотрим. — Она снова замолчала. — Как бы там ни было, вероятно, уже слишком поздно становиться друзьями, но может... для начала мы могли бы

вместе пообедать?

Что-то внутри меня успокоилось. Итак, Элейн сходит с ума из-за состязания и ей не слишком нравится парень, которого люблю я. Это же не делает ее стервой? И если она меня таковой не считает, можно вздохнуть с облегчением.

— Надеюсь, еще не поздно, — начала я. — Я здесь уже пару месяцев, но еще никого не знаю.

— Ты знаешь Дилана, — заметила Элейн.

— Да, но ты сама считаешь, что мне не следует проводить с ним время, — улыбнулась я.

— Я постоянно об этом говорю, но меня никто не слушает, — проговорила Элейн, закатив глаза.

*****

Мы заканчивали наш обед в кафе корпуса биологического факультета вместе с соседкой Элейн по комнате. С той самой Мелани, с которой Дилан переспал на первом курсе. Кажется, я обречена пересекаться с подружками Дилана. Мелани оказалась невысокой девушкой. Благодаря коротким подстриженным «ежиком» волосам девушка походила на эльфа, а обесцвеченные и покрашенные в голубой и бирюзовый цвет пряди, пирсинг в носу и брови, да и татуировка на руке лишь дополняли образ.

Я не думала, какой будет следующая после меня пассия Дилана, но уж точно не рассчитывала, что она будет панком.

— Тесс, это Мелани. Мелани, это Тесс, — представила нас Элейн, опуская свой поднос на стол. — Тесс — последнее главное блюдо Дилана.

— О, нет, — поправила я. — Мы не встречаемся. У него есть девушка.

— Кажется, я слышала об этом, — произнесла Мелани, накручивая макароны на вилку. — В отличие от моей соседки я не испытываю ненависти к мистеру Кингсли. Она считает, что я до сих пор должна злиться на него из-за того, что он мне не перезвонил. Но на первом курсе свойственно совершать безумные поступки. Он стал моим. — Девушка таинственно улыбнулась. — И мне нравится думать, что его безумным поступком тоже была я.

— Дело не только в этом, — парировала Элейн. — Мне не нравится его поведение.

— Его поведение, — ответила Мелани, делая кавычки пальцами, — означает, что он не захотел быть твоим партнером по лабораторной в прошлом году?

Что ж, это также объясняет, почему Элейн на него злится. На первом курсе Дилан выиграл у нее, а затем в прошлом году отказался ей помочь... Между ними многое произошло.

Элейн поджала губы.

— Можно было этого не упоминать при Тесс. Она тут же пойдет и доложит Дилану.

Ох, Элейн, поверь мне, существует и так достаточно вещей, про которые я абсолютно точно не расскажу Дилану.

Мне нестерпимо сильно хотелось сменить тему разговора, особенно учитывая тот факт, что если всё сложится хорошо, на что я очень надеюсь, в скором времени я буду встречаться с этим парнем.

— Элейн рассказывала, что ты специализируешься на ботанике? Я работала в государственном университете помощником в лаборатории кафедры ботаники. Что именно

ты изучаешь?

Мелани откинула голову назад и рассмеялась.

— Боже, говоришь так, словно всё еще проходишь собеседование. Элейн, неужели у вас на биоинженерии у всех такая необходимость быть скучными и иметь ограниченное мышление?

— Да, ты и раньше об этом говорила, — произнесла Элейн. — Но раз ты не можешь удержать мысль в голове больше пяти минут, продолжай в том же духе. — Она улыбнулась, казалось, впервые с момента нашего знакомства. Было приятно видеть ее с такой стороны.

Мелани метнула в нее горошек.

— Справедливо. Тесс, не слушай эту сучку. Я слышала, что на прошлой неделе у нее поехала крыша, и она украла лабораторное время у бедных ребят.

— Я извинилась! — воскликнула Элейн. — Что ты хочешь, чтобы я ещё сделала? Совершила харакири?

— Может быть, тебе следовало бы заплатить за ланч Тесс? — предложила Мелани.

Я рассмеялась. Своей манерой общения они напоминали мне Сильвию и Аннабель. Несмотря на поддразнивания и подколки, очевидно, что эта парочка искренне любит друг друга. И всё же в отличии от Уорренов Мелани и Элейн не были сестрами. Они познакомились, когда оказались соседками по комнате в первый год обучения.

Интересно, как дела у Ханны? промелькнул у меня в голове вопрос, но я быстро отогнала его прочь. Мы с Ханной никогда не стали бы соседками. Не стали бы сестрами. Потому что мы чужие друг для друга.

Возможно, я многое упустила, проживая вне кампуса: сперва, учась в государственном университете, а затем здесь, в квартире, в которой выросла. Тем летом в Корнельском университете мы с Кристиной весело проводили время, и до сих пор продолжаем много переписываемся. Свою соседку по комнате на первом курсе она терпеть не могла, и поэтому на втором году обучения девушка с другом уехали из кампуса и, судя по ее словам, круто отрывались.

— Есть планы на выходные? — спросила меня Мелани.

— Обычно я работаю в выходные, — объяснила я. — Официанткой в «Верде».

— Странно, я должна была видеть тебя там. Постоянно бываю в этом ресторане.

Что ж, как правило, люди не замечают обслуживающий персонал.

— Ты работаешь сегодня?

— Нет. — Я многозначительно посмотрела на Элейн. — Сегодня занимаюсь в лаборатории.

— Мне никогда не удастся загладить свою вину, да? — спросила она.

— Нет, — ответила Мелани. — И ты это заслужила. Но на этот раз всё хорошо закончилось. Если сегодня ты не обслуживаешь столики, сможешь пойти с нами на вечеринку.

— О, — выдала я. — Я не смогу пойти.

— Сможешь, — ответила Элейн. — До десяти всё равно ничего интересного не произойдет.

— У вас на пятницу назначена контрольная? — спросила Мелани.

— Нет.

— Горяченькое свидание?

Я почувствовала, как мое лицо начинает заливаться краской.

— Нет.

— Какие-нибудь религиозные и моральные возражения против веселящихся людей? — предположила Элейн.

— Нет. Я просто... — Я пожалала плечами. — Вечеринка в Кантоне? Своего рода возвращение в среднюю школу. Мы часто пытались попасть на них без приглашения... Ну, вы понимаете.

— Слова истинного городского жителя,²³ — сквозь смех произнесла Мелани.

— На этот раз ты приглашена, — добавила Элейн. — И, пожалуйста, приходи. Это может стать частью моих извинений. Я всегда говорила, что девушки из био должны держаться друг за друга, хотя часто поступаю в противовес своим же словам.

— Полагаю, что ты не упустишь шанса получить информацию о Дилане и нашем проекте? — повернувшись к ней, спросила я.

— Конечно, — ответила Элейн и сделала глоток своего напитка, — но мы всё равно оторвемся.

*****

После завершения последней лекции я поехала домой пообедать и сесть за выполнение домашних заданий. Мама отправилась на вернисаж к своему другу, предварительно заполнив холодильник овощами. Пока варились макароны я переписывалась с Диланом.

«Сегодняшняя работа в лаборатории остается в силе?».

«Да. Можешь принести конспекты, если они у тебя есть. Сегодня с Х. ходили к врачу». — моментально пришел мне ответ

Да, Дилан, я поняла.

А еще я поняла, что после работы над проектом мне не удастся вернуться домой и переодеться для вечеринки, поэтому придется нарядиться сейчас. После обеда я приняла душ, высушила голову феном с помощью круглой щетки, придав волосам, спадающим каштановыми волнами на плечи, пышность. О Кантонских вечеринках я помнила лишь то, что они были более стильными, чем пивные сборища, в которых я принимала участие в государственном университете. Поэтому в качестве наряда я выбрала узкие джинсы и серый трикотажный топ с вплетенными в него серебряными нитями, поблескивающими в лучах света. Из маминого шкафа я взяла сапоги на высоком каблуке, о чем, как я догадываюсь, буду сожалеть к концу работы в лаборатории, но в них я кажусь на пару сантиметров выше, и они очень хорошо смотрятся с моими джинсами. Пока я наносила макияж, на тумбочке зазвонил телефон. На экране высветилось лицо Кристины. Накатило чувство вины — я не держала в курсе свою подругу о всех тех событиях, которые произошли с момента моего перехода в Кантон.

Я включила громкую связь, чтобы иметь возможность одновременно говорить с ней и красить глаза.

— Привет, незнакомка!

— Привет! — раздался голос моей старинной подруги. — Вспомнила, что так и не позвонила, и не узнала, как у тебя дела в Кантоне. Вот, исправляюсь.

— Сильно загружена, — ответила я. — Я работаю безумное количество часов, чтобы сводить концы с концами, к тому же принимаю участие в симпозиуме с призом в пять тысяч долларов, так что... пожелай мне удачи.

— Потрясающе! Что за проект?

Я принялась ей рассказывать, опуская деталь, что в этом проекте я работаю вместе с Диланом.

— Напоминает тот проект, который вы вместе с Диланом делали несколько лет назад.

— Ммм, — промычала я, нанося на губы помаду.

— Ты рассказала ему?

— Мне и не пришлось, — ответила я смущенно. — Он мой партнер.

На другом конце провода воцарилась молчание. Через секунду крики Кристины наполнили ванную комнату.

— Какого хрена, Макманн? — спросила она. — Как ты посмела умолчать, что вы снова встречаетесь?

— Потому что это не так, — ответила я. — Мы просто партнеры

— Просто партнеры? — накинулась она на меня. — Выкладывай, что происходит? Что случилось? Как он сейчас выглядит? Он по-прежнему носит свои коротенькие штанишки?

Рука с карандашом для губ застыла возле моего рта, и я в нерешительности замерла.

— Он выглядит очень хорошо, — наконец ответила я. Надеюсь, мой ответ прозвучал нейтрально. — И брюки сидят на нем великолепно.

Но Кристина не собиралась так просто сдаваться.

— Ты забралась к нему в штаны?

Я вздохнула, а потом призналась:

— Почти.

Она снова завизжала.

— Боже мой, я так и знала. Как только ты сообщила, что переходишь в Кантон, я так и поняла, что «Дилана и Тесс, сидели на дереве и ц-е-л-о-в-а-л-и-с-ь...»²⁴

— Он... У него есть девушка, — прервала я её раздражающую песенку.

— Ах ты, шлюшка, уводящая чужих парней, — пошутила она. — Зашибись!

Я прикусила только что накрашенную губу и посмотрела в зеркало.

— Пожалуйста, не называй меня так.

— О, Тесс, ты же знаешь, я не подразумевала под словом «шлюха» ничего плохого, — произнесла Кристина раскаивающимся голосом. — Я считаю, что женщина должна осознавать свою сексуальность и заниматься сексом столько, сколько хочет...

Я позволила Кристине посещать занятия по исследованию женских проблем, на которых призывали вернуть истинное значение слову «шлюха». Как будто у этого слова может быть какое-то другое значение! Особенно меня задевало, когда его применяли в значении «отбивающая мужчин». Я не хотела быть той, кто уводит чужих парней у их девушек. Что уж говорить о сестрах. Я не хотела быть ни шлюхой, ни сукой, ни кем-то еще. Дилан поклялся мне, что дело ни во мне и ни в нем, и мне хотелось ему верить.

Но всё было бы намного проще, не встречайся он с Ханной, когда наши дороги снова пересеклись или когда он усадил меня на свою столешницу и засунул свой язык мне в горло.

— Тесс? — Голос Кристины потрескивал из громкоговорителя, отчего дребезжащий звук заполнил всю ванную. — Ты не злишься?

— Нет, — ответила я, заканчивая красить губы. По крайней мере, не на Кристину.

Мне стоит злиться только на самую себя.

*****

Когда я подъехала к лаборатории, Дилан уже был там, просматривая наши заметки и подготавливая рабочее место. Выглядел он усталым, с заметными синяками под голубыми глазами и волосами, которые выглядели так, словно он пропускал их сквозь пальцы множество раз. И он решил обойтись без очков. Очков Тесс. Я сглотнула. Может быть, всё это было ошибкой?

Тьфу, что за идиотизм, Тесс. Не накручивай себя из-за пары долбанных очков.

— У меня хорошая новость, — самым радостным тоном, на который была только способна, произнесла я. — Сегодня у меня состоялась беседа с Элейн, и она предложила делить с ней лабораторное время по понедельникам и средам.

— Ты шутишь! Как тебе удалось совершить такое чудо?

— Я ничего не делала. По-видимому, на прошлой неделе она была немного... напряжена, и сейчас глубоко сожалеет о своем поведении, поэтому она согласилась вернуть наши часы в лаборатории, если мы захотим, — ответила я, расстегивая пальто.

— Замечательно. Значит, у тебя с ней прошел цивилизованный разговор? Разве такое возможно?

Я усмехнулась.

— Вам двоим необходимо зарыть топор войны. Она не такая уж и плохая. Мы даже вместе пообедали. Кстати, с нами была ее соседка по комнате.

Наступила многозначительная пауза.

— Мелани?

— Да. — По крайней мере, он запомнил ее имя. — И я должна сказать, Дилан, что испытала невероятное удивление, увидев ее. Она не показалась мне тем типом девушек, который ты предпочитаешь. — Я сняла пальто и направилась к стойке у двери, чтобы повесить его. Когда я вернулась обратно, увидела, что Дилан с открытым ртом уставился на меня.

— Что? — спросила я нервозно, проводя руками вдоль блестящего топа.

— Я... хм... очень милый наряд.

— Спасибо.

— Надень лабораторный халат, чтобы не заляпать одежду, — произнес он, отвернувшись.

Я закатила глаза и направилась за одним из белых халатов, висевших на стене. Мы приступили к работе, но через несколько минут, когда я уже перешла к изучению клеточных организмов в микроскопе, Дилан снова заговорил.

— Ты говорила о прическе и пирсинге, да? Мелани?

— Ммм? — промычала я, настраивая увеличение.

— Когда мы с ней познакомились, она была другой, — продолжил он негромко. — На первом курсе она выглядела немного более консервативно. Полагаю, тогда она еще не определилась со своим стилем и образом. Никаких татуировок и пирсинга. У нее были длинные... каштановые волосы. Как у тебя.

Я посмотрела на него.

— Оу.

Дилан одарил меня нежной улыбкой.

— В ней было многое от тебя.

— Ох.

Парень замолчал, а мне стало интересно, со сколькими девушками, напоминающими ему меня, он встречался. А потом я подумала о Ханне: о ее глазах, о наследственности, которая нас связывала... Воздух в помещении накалился, и стало практически невозможно дышать.

— Она тебе понравилась? — спросил он. — Мелани?

— Да, — ответила я, радуясь возвращению нашего разговора в более безопасное русло. — Она милая. И Элейн весь обед извинялась, возможно, она заслужила еще один шанс.

Из Дилана вырвался звук, похожий на фырканье.

— Тогда ты лучший человек, чем она. Она никогда не забудет того, что случилось на первом курсе, хотя я ей ничего не делал.

— Ну, — произнесла я, — они пригласили меня на обед и на вечеринку сегодня вечером. И я завела здесь не так уж много друзей, поэтому готова дать ей шанс.

— Мне жаль. — Когда я в очередной раз посмотрел на нахмурившегося Дилана, на его лице застыло виноватое выражение. — Я должен был познакомить тебя с друзьями. Я очень хочу, чтобы в следующий раз ты пошла со мной на футбольный матч.

— И если я этого не сделаю, ты притащишь всю свою компанию ко мне на работу, — произнесла я, усмехаясь. — Помню. Но мой статус одиночки — не твоя вина, поверь мне. У меня никогда не было много друзей.

— Я ничего такого о тебе не помню. В Корнелле вы с Кристиной очень сблизились.

— Как раз сегодня я с ней разговаривала. Она передает тебе привет, — улыбнулась я.

Его глаза расширились.

— Ты рассказала ей о... нас?

Я положила руку себе на бедро и принялась говорить издевательски-ругательным тоном.

— А я думала, что ты всегда честен с людьми.

— Так и есть, — усмехнулся Дилан. — Просто хотелось бы знать, не появится ли на моей страничке в Фейсбуке что-нибудь компрометирующее.

— Не волнуйся, — успокоила я его. — Кристина само благоразумие. — И это правда. Мне не придется беспокоиться о том, что она разместит на его стене какую-либо информацию, пока у него в статусе значится «в отношениях».

Тем более сейчас, когда происходящее между нами можно охарактеризовать лишь словами «всё сложно».

— Значит... — снова начал Дилан после того, как мы проработали еще пару минут, — ты идешь на вечеринку?

— Да. Моя первая официальная вечеринка в Кантоне. — Стоит ли мне позвать его? И не будет ли это выглядеть странно: он, Мелани и Элейн, учитывая их прошлое? Не говоря уже о том, что, вероятно, нам следует проводить как можно меньше времени друг с другом.

— Где она будет?

— В обществе Бета?

Дилан рассмеялся.

— Что?

— Ничего, — сказал он, и огромная ухмылка расплылась на его лице. — Это братство твоего друга Тодда.

Вот дерьмо. Что ж, в любом случае это вечеринка, и шансы столкнуться с Тоддом

невелики, ведь так?

— А у тебя какие планы на вечер?

— Домашнее задание, — ответил он. — Я немного отстал за последние дни.

Я кивнула и посмотрел на свои заметки.

— Как прошла встреча сегодня утром?

Парень пожал плечами.

— Думаю, хорошо. Биопсия прошла прекрасно. Теперь ждем результаты. Ханна с мамой отправились на Манхэттен на выходные. Она хочет немного отвлечь ее от всего происходящего. Развлечения, покупки или чем они там занимаются.

Я знала, чем конкретно они там занимаются. А еще я знала, что каждый раз во время их отъездов отец, как правило, тоже увозил маму на выходные.

— Значит, ты один, — ляпнула я, не подумав. Подняв глаза, я увидела, что Дилан пристально смотрит на меня. С таким же успехом на его лбу мог бы высвечиваться крупный красный предупреждающий знак. — То есть, я хотела сказать, это хорошо, что Ханна уехала из города.

— Я понял, что ты имела в виду.

— Нет, я действительно рада, что она отвлечется от всего этого кошмара. Не только потому что... — Мои щеки начали пылать. Не только потому что я предпочитаю, чтобы она находила утешение с кем-нибудь другим, а не со своим парнем. Я никогда не была на Манхэттене, не посещала шоу на Бродвее. Однажды, когда я была маленькой, мама с отцом отправились на мюзикл «Король лев», который как раз показывали на Бродвее, и привезли мне красивую маску из сувенирного театрального магазина. Это ведь хороший способ отвлечься от чего-либо, да?

— Знаешь, — начал Дилан, — это смешно, что сейчас мы болтаем о наших развлечениях. В тот день, когда Ханна пришла ко мне, она спросила меня о том же.

Он имел в виду тот день, когда я пряталась в ванной.

— Она упомянула, что встретила тебя в кафе и предложила где-нибудь потусоваться вместе. Ее интересовало, есть ли у тебя парень или, может, тебя познакомить с кем-нибудь.

Я приподняла брови и посмотрела на Дилана. Неужели он не понимал, что подобные вопросы означают у девочек? Она выуживала информацию. Я не забыла слова ее подруги, произнесенные в кафе. «*О, дорогая, будь на стрёме*». Ханна пыталась выяснить, безопасно ли Дилану находиться рядом со мной.

А вот безопасно как раз таки ему и не было. На самом деле Ханна Свифт не знала меня. И хотя Дилан твердил мне про свою любовь, он тоже не знал меня. *За что он может любить меня?* пронеслась внезапная мысль у меня в голове. Как он мог влюбиться в меня, когда совсем меня не знает?

Глава 15

В девять тридцать я покинула лабораторию. Дилан остался там, сказав, что наведет порядок и расшифрует оставшуюся часть записей. Хочу признаться, мне стало легче. Мы избежали неловких прощаний и длинных пауз. Не издавая шума, лифт, замкнутое пространство которого предоставляло особую опасность для нас, спустился вниз.

По дороге в Бету я отправила сообщение Элейн, чтобы она встретила меня на улице. Несмотря на то, что во время учебы в школе мне с Сильвией удалось побывать на парочке

вечеринок в Кантоне, я по-прежнему чувствовала себя неуклюжей зубрилкой, забившейся в угол девочкой, которая была явно слишком молода, чтобы присутствовать на тусовке. И пусть на этот раз у меня было полное право находиться здесь, я все равно нервничала.

Когда я подъехала к дому братства, где проходила вечеринка, Мелани и Элейн уже поджидали меня и махали руками. Несмотря на холодную погоду вечеринка проходила на открытом воздухе во дворе, где студенты пили и танцевали под развешанными по всей территории гирляндами. На другом конце двора проходила игра в пиво-понг, на крыльце толпились студенты, сидящие или стоящие со стаканчиками напитков в руках.

— Привет, а вот и ты, — воскликнула Мелани. Она была одета в полупрозрачный красный топ и короткую юбку поверх узорчатых колготок. Элейн, которую я всегда видела только с неопрятным пучком, сейчас распустила волосы, сияющие словно шелк от света гирлянд. На девушке был мягкий белый свитер, подчеркивающий ее сильно накрашенные миндалевидные глаза.

— Готова повеселиться? — спросила моя заклятая соперница по био.

Я приподняла руки, покачала ими перед собой, изображая танец, и произнесла:

— Веди.

Дом братства Бета был одним из самых симпатичных домов в университетском городке. Поговаривали, что членство в этом братстве можно получить лишь благодаря кровным узам, на что и указывала здешняя обстановка: кожаные диваны, стены, обшитые деревянными панелями и украшенные фотографиями членов братства прошлых лет в костюмах и смокингах, на лицах которых сияли типичные американские улыбки, на книжных полках красовались трофеи, полученные за победы в различных спортивных состязаниях и за академические достижения. Местный декор резко контрастировал с электронной музыкой, заполнившей всё пространство непрерывным пульсирующим звуком. Интересно, как еще картины до сих пор не вываливались из рам от этих вибраций?

— Первая остановка — пивная бочка, — объявила Мелани, и мы встали в очередь рядом с кухней. — Интересно, Джон придет на вечеринку?

— Боже мой, — закатила глаза Элейн, доставая свой телефон, — не могу поверить, что ты до сих пор с ним. Сама же знаешь, он остается с тобой, только чтобы позлить своих предков.

Мелани выгнула бровь.

— Да, но мне плевать. Мне нравится злить родителей. Я и своих довожу до сердечного приступа.

— Моих тоже, — рассмеялась Элейн и ткнула подругу локтем.

— Твоих, Э? Если они узнают правду о тебе, то скончаются на месте, — произнесла Мелани и повернулась ко мне. — Как насчет тебя? У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Не совсем, — ответила я. — Парни из братства — не мой тип.

— Не критикуй то, чего не знаешь, — произнесла Мелани.

Элейн скривила лицо.

— В следующий раз я выбираю развлечение, ребята, и обещаю, что парни из братства в нем фигурировать не будут.

— Давай переведу, — прокричала Мелани сквозь музыку. — Под развлечением она подразумевает просмотр бабского хоккея на траве.

— Женского, — задумчиво проговорила Элейн.

— Должен согласиться, — произнес парень, стоящий позади меня. — Девчонки

хороши. Простите, не мог ни услышать ваш разговор. Я Крис, — представился он и протянул руку.

— Тесс, — ответила я, пожимая его ладонь. Крис, обладатель короткостриженных волос песочного цвета и широких плеч, был на полголовы выше меня. — Да что ты говоришь! Музыка так гроыхает, что тебе пришлось бы попотеть, подслушивая наш разговор.

— Ты шутишь? — удивился Крис. — Божественные лесбиянки? Если бы я не подслушивал вас, то не оправдал ваши стереотипы про парней из братства.

— Только одна лесбиянка, большое спасибо, — произнесла Мелани с лукавой улыбкой. — Насчет себя еще не выяснила.

— Как интригующе, — проговорил Крис. — А ты, Тесс?

— Натуралка.

— Я тоже, — сказал он. — Такая скукотища, верно?

Я усмехнулась словам Криса, и он улыбнулся мне в ответ.

К этому времени мы достигли бочонка с пивом, и Мелани взяла на себя обязанность передавать пластиковые стаканчики.

— Так что ты делаешь на этой вечеринке, если тебе не нравятся парни из братства? — спросил он, пока Мелани протягивала свой стаканчик парню на разливе.

— Я здесь ради пива-понг, — ответила Элейн. — В нем я могу надрать тебе задницу.

— Она не лжет, — добавила Мелани. — В этом она спец, если учитывать тот факт, что она вообще не употребляет спиртного.

— Ты не пьешь, тебе не нравятся парни... начинаю сомневаться в правильности рекламы этой вечеринки, — пошутил Крис.

— Но я привела своих сексуальных подружек, — сказала Элейн, ободряя его. — И они обе ни с кем не встречаются.

— Справедливо, — ответил Крис. — Ты свою долю заработала.

Наступила моя очередь, и я подставила свой стаканчик, но как только один из членов братства включил кран, пена плеснула на мою руку.

— Прости, — сказал он. — Закончилось. — Позади нас по толпе пронеслись недовольные стоны.

Крис толкнул меня локтем.

— Предлагаю не ждать. У меня есть свой тайник.

Я проследовала за ним вдоль коридора к двери с табличкой «Вход только для членов братства». После стука в дверь с аляповатым узором, та со скрипом распахнулась. Крис поднял два пальца и был вознагражден двумя банками пива.

— Ура, — воскликнул он, протягивая мне одну.

— Членство в братстве имеет свои преимущества, — проговорила я, открывая пиво.

Мы проделали путь назад и вернулись к месту, где оставили Мелани и Элейн, но те уже куда-то исчезли.

— Думаю, они направились к столу пива-понга? — предположила я.

— Возможно. — Парень, похоже, не торопился туда. — Так на каком ты курсе?

— На первом, — на автомате ответила я. — Подожди, нет. На втором.

— Э-э...? — Он посмотрел на меня неодобрительным взглядом, отводя глаза в сторону.

Я тут же перенеслась во времена средней школы, когда, будучи подростками, мы вламывались на вечеринки братств.

— Я только что перевелась и потеряла несколько часов, так что формально, кажется, у

меня еще есть четыре семестра, чтобы нагнать всех.

— Понятно. — В голосе парня явно слышалось облегчение. — Откуда ты перевелась?

— Из государственного. Программа по биоинженерии в Кантоне гораздо сильнее.

— Биоинженерия? — присвистнул Крис. — Я понятия не имел, что нахожусь в обществе гения.

Я закатила глаза и сделала глоток пива.

— А ты что изучаешь?

— Историю искусства, — ответил он, пожимая плечами. — Но будет уместно заметить, что если задать подобный вопрос моим предкам, то они ответят: «Юриспруденция». В следующем году перевожусь в Колумбийский.

— Мило.

— Спасибо. На прошлой неделе только узнал.

— Ура. — Мы чокнулись и выпили пиво. Опустив банку, я увидела Дилана.

Он здесь. Смотрит на меня. Я чуть не подавилась пивом. Святые угодники, этот парень нечто. Мы находимся на вечеринке братства, вокруг полно сексуальных парней, но Дилан... Дилан. Есть в нем нечто особенное. Всегда было. Каждая митохондрия в каждой клеточке моего тела, казалось, просыпалась и пускалась в пляс, как только он оказывался поблизости.

— Эй, Крис! — налетел на моего нового знакомого один из «братьев». — Не мог бы ты помочь?

— Конечно. — Он повернулся ко мне и произнес: — Ты собиралась посмотреть пиво-понг? Я догоню тебя.

— Ага, — ответила я, оторвав взгляд от Дилана.

— Хорошо. Встретимся там. Не уходи, пока я тебя не найду. — С этими словами Крис ушел вместе со своим другом, а мы с Диланом... растворились друг в друге. Я даже не могла вспомнить, как правильно ходить. Мы просто стояли друг напротив друга настолько близко, что я могла чувствовать его запах, прикоснуться к нему, поцеловать его, если бы захотела.

— Привет, — поздоровался Дилан, стараясь перекричать музыку. Как так могло получиться: весь вечер я провела с ним в лаборатории, а когда он появился на вечеринке в том же свитере и джинсах, у меня возникло такое чувство, что мы не виделись несколько месяцев? Я впитывала каждую деталь: выбившийся завиток волос над виском, яркие, как сигнальные огни, голубые глаза, темный джемпер достаточно мягкий, чтобы погрузиться в...

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, пытаясь игнорировать учащенное сердцебиение в груди. — Я думала тебе надо заниматься.

— Слишком много мыслей в голове.

— Из-за Ханны?

— Из-за тебя, — признался он. — Из-за твоего похода на эту вечеринку. Из-за твоей одежды.

Не знаю пиво тому виной или нет, но во рту у меня пересохло. Мы находились в общественном месте. Я понизила голос так, чтобы сквозь музыку меня было еле слышно.

— Дилан, ты же понимаешь, что не всегда необходимо быть таким откровенным.

— Я провел почти каждый день в притворстве, пытаюсь убедить себя, что не хочу твоего возвращения, — продолжил он тем же нежным тоном. Тяжелый ритм музыки наполнял и проходил сквозь меня, как и тепло от произносимых им слов. — Я провел несколько лет, постоянно повторяя это. Я устал врать себе, тебе, окружающим.

— Дилан! — прошептал я строгим тоном. — Перестань. Тебя может кто-нибудь

услышать.

— Мне плевать.

Я знала, что это не так. Он не хотел обижать Ханну, раз решил быть с ней, пока ей приходится проходить через все эти испытания...

— Иди сюда. — Я потянула за рукав его свитера, развернулась и увела его.

Я не имела представление, куда нам идти. Проходя мимо какого-то столика, я поставила на него начатую банку пива. Мы шли мимо коридоров, гостиных, библиотеки, ванной комнаты (наверное, это была она, судя по количеству столпившихся возле нее людей), укромных уголков, укрывающих обнимающиеся пары, комнат с запертыми дверями, дверных проемов, заполненных людьми...

— Вот сюда, — указала я, распахивая одну из узких дверей и проскальзывая внутрь. Дилан последовал за мной, и я захлопнула за нами дверь, погружая нас обоих в темноту.

Здесь, внутри шкафа, до нас долетали приглушенные звуки музыки. Я слышала звук его дыхания, чувствовала пульсацию крови в висках. Воздух был немного пропитан затхлым запахом зимней одежды. Какая-то часть лыжного инвентаря касалась моего локтя, а в бедро упиралась клюшка для лакросса.

— Шкаф? — раздался голос Дилана возле моего уха. Я ощущала тепло его тела всего в нескольких дюймах от себя. Я чувствовала запах мыла, шерсти и чего-то лесного и хмельного. — Это больше напоминает вечеринку с ночевкой в школе, чем тусовку братства.

— Дилан, мы должны быть осторожны. — Мой голос больше походил на мольбу.

— Мне кажется, что ты беспокоишься о Ханне больше меня. Неужели я такой бесчувственный? — помолчав, спросил он.

Нет, просто ты не такой спец в обмане.

— Не понимаю, как ты можешь такое говорить, учитывая, что всё утро, пока ей делали биопсию, ты провел рядом с ней, — выпалила я. — Есть парни, которые готовы расстаться со своими девушками, лишь бы не грузить себя их проблемами.

— Мне сложно в это поверить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Неужели? Я вспомнила о своем отце, который, пока я лежала в больнице, ни разу меня не навестил. Ведь это было слишком опасно для его репутации! И хотя операции по удалению аппендицита редко заканчиваются летальным исходом, мне всё же было восемь лет, и я нуждалась в своем отце!

Дилан не казался мне парнем, которого заботит имидж. Хотя для других представителей рода мужского это было немаловажно. И я любила его за это.

Я любила его. Эти слова зародились где-то внутри и чуть не вырвались из меня мягким звучанием, но Дилан снова заговорил:

— Как бы мне хотелось, чтобы ее друзья были также внимательны к ней, как и ты. Я бы хотел, чтобы вы подружились.

— Этого никогда не будет.

— Я знаю, — вздохнул он. Может и так, но Дилан и понятия не имеет, по какой причине это абсолютно невозможно. — Я сожалею о том, что пришел сюда.

А я нет. Сейчас он здесь, рядом. Я представила себе электроны, прыгающие от него ко мне и образующие крошечные микроскопические соединения между нашими телами, невидимые невооруженным глазом, но которые были сильнее и ярче самой стали. Мы могли бы коснуться друг друга. На атомном уровне это уже произошло. Я могла бы притянуть его к

себе прямо сейчас, но лишь сильно сжала руки и опустила их по бокам.

— Как бы мне хотелось не видеть твоего флирта с этим парнем.

С каким парнем? Я не могла вспомнить, говорила ли я с кем-нибудь еще. Не думаю, что когда-либо покидала пределы этого шкафа. Дилан был черной дырой, в которую меня засасывало.

— Я знаю, что у меня нет никаких прав на ревность. Я это знаю. Знаю, но... — Мягкий приглушенный звук, раздавшийся по обе стороны от моей головы, заставил меня подпрыгнуть. Его руки.

Дилан засмеялся, низким походящим на дуновение смехом.

— Ты не можешь видеть меня, не так ли? — Я слегка покачала головой. — Забавно. А я тебя вижу. — И в доказательство своих слов он провел пальцем по моему лицу. С моих губ сорвался судорожный выдох. — Твои глаза широко открыты, зрачки расширены.

— Скорее это твои фантазии. — Но не было никаких сомнений, что Дилан чувствует моё затрудненное дыхание. В этом шкафу находится радиатор? Я сейчас расплажусь от жары.

— Ты кусаешь губу.

Так оно и есть. Я прекратила.

— Сейчас ты перечисляешь все признаки моего возбуждения. — Дерьмо. Я только что призналась, что возбуждалась.

Он усмехнулся.

— Тебе не кажется странным, что мое зрение хуже твоего, но в темноте я вижу лучше?

— Или же ты просто видишь лучше из-за полосы света, проникающей сквозь щель в двери и попадающей на меня.

— Тише. — Его большой палец достиг моего подбородка и приподнял мою голову. — Перестань быть рациональной.

Дилан собирался поцеловать меня. Он собирался поцеловать меня, хотя не прошло и двух дней после нашего обоюдного согласия о невозможности быть вместе прямо сейчас. Я отвернулась в сторону, хлестнув волосами по его лицу.

— Тесс, Тесс... — Его слова были едва различимы, но отзывались криком бедствия в моей душе. Он прильнул ко мне, толкая меня к стене, прижимаясь своей грудью и бедрами ко мне. Я споткнулась и схватила его за плечи, чтобы не упасть, принимая более устойчивое положение на своих каблуках. Шерсть его свитера была мягкой, но колючей. Каким же правильным ощущалось происходящее, но как же всё это было неправильно. Я почувствовала, как щетина парня царапает мне щеку и рот. Его колено протиснулось между моих бедер.

Короткий стон сорвался с моих губ, и я зажала свой предательский рот рукой. Я не из тех девушек.

Дилан убрал волосы с моей шеи, и я почувствовала мягкое касание его рта на своей коже, прямо там, где воротник открывал шею.

В течении секунды ни один из нас не шевелился, ожидая от другого какого-нибудь действия, которое приведет нас в чувство и остановит.

Но темнота не способствовала благоразумию. Сейчас мы находились в другом месте, в другом времени, всё потеряло смысл. Дилан прижимался ко мне всем телом, его нога между моих бедер терлась о складку моих джинсов, создавая тем самым потрясающий наплыв ощущений от трения. Я подавила еще один стон и опустила руки на его бедра, притягивая

себя еще ближе к нему, пока всё мое тело не навалилось на его бедро. О, да.

Где-то вдали раздавались отголоски музыки, вечеринка протекала в другой галактике, но я по-прежнему могла различить ее ритм, грохот и вибрацию. Я вращала бедрами, слегка попадая в ритм музыки, на долю дюйма то прижимаясь, то отклоняясь, правда недостаточно сильно. Но ощущать это трение казалось более необходимым, чем делать следующий глоток воздуха. Дилан придвинулся слишком близко, усиливая давление со своей стороны, прижимаясь и отодвигаясь, прижимаясь и отодвигаясь, пока мне не стало казаться, что я сейчас взорвусь.

Мой затылок был прижат к стене возле его руки. Я выгнула спину и почувствовала, как кончиком носа он прочертил линию по моему горлу. Его губы находились в миллиметре от меня, отставляя дорожку влажного тепла на моей коже и поднимаясь вверх до подбородка. Боль между ног усиливалась, пульсируя в такт той далекой музыки. Дилан наклонился ко мне, шерсть свитера задевала мою грудь, и я жаждала ощутить его руки на своей коже, но он не прикасался ко мне, не мог. Всё стало бы слишком реальным, слишком явным, слишком очевидным.

Продолжая попытки договориться с самим собой, Дилан оперся руками о стену у меня над головой и тяжело задышал над моим ухом, отчаянно желая продолжить, но чувствуя себя таким же запутавшимся, как и я. *Это не считается. Мы даже не целовались.*

Именно так и говорят шлюхи.

Подобная мысль была сродни холодному душу. Я опустила руки по бокам и соскользнула с его ноги.

— Остановись. Перестань, Дилан. Стоп.

Он тут же отступил.

— Я не из этих девок, — пробормотала я. — Не из тех, которые трахаются с несвободным парнем на вечеринке братства. О, Боже, что мы делаем? — Я нащупала дверь.

— Тесс, нет. — Он потянулся ко мне. Я нуждалась в воздухе, я нуждалась в свете, мне нужно было выбраться наружу. Оказаться в реальности.

Я практически выпала из шкафа. Жмурясь от света, я разглядела перед собой горстку людей, не сводящихся с меня глаз.

— О, так это не ванная комната, — произнесла я дрожащим голосом, притворяясь пьяной. — Упс. — Надеюсь, выглядела я не такой растрепанной, покрасневшей, разгоряченной и возбужденной, какой себя чувствовала.

Опустив глаза, я поспешила вниз по коридору и, пробежав через весь дом, оказалась во дворе. Огни на лужайке утопали во всей суровой разноцветной реальности разлитого пива и раздавленных пластиковых стаканчиков. Мусор, толпа и холодный мрачный воздух. Реальность. Побег. Моя машина... припаркована у здания лаборатории...

— Вот ты где! — воскликнула Элейн, когда я практически врезалась в нее. — Где ты пропадала? Тот парень, Крис, разыскивает тебя.

Крис. Точно. Парень из очереди за пивом. Он милый, веселый... но он не Дилан. Боже, что со мной случилось? Почему мне не могут нравиться хорошие, свободные парни из братства?

— Мне пора домой, — сказала я, стараясь придать своему голосу приемлемый уровень спокойствия, но, похоже, со своей задачей я абсолютно не справилась.

— Тесс, что случилось? — сузив глаза, спросила Элейн и последовала за мной. — Ты хорошо себя чувствуешь? Что ты пила?

— Тесс! — Это был Дилан. — Подожди.

Элейн перевела взгляд с меня на Дилана.

— Что происходит?

Я зажмурилась. Это какой-то кошмар.

— Тесс в порядке, — ответил Дилан Элейн. — Я провожу ее до машины.

— Нет, — произнесла я. Если бы он пошел вместе со мной к моей машине, в конечном итоге мы оказались бы на ее капоте. — Я в порядке. Я просто хочу вернуться домой.

— Давай я пойду с тобой, — тут же предложила Элейн. — Уже поздно, и я не уверена, что ты...

— Я разберусь с этим, — перебил ее Дилан. — Она в порядке.

— Отвали, Кингсли, — огрызнулась девушка. — Двадцать минут назад с ней всё было в порядке, а теперь она выглядит так, словно сейчас расплачется.

Я сделала глубокий вдох и посмотрела на них суровым взглядом.

— Я в порядке. И не нуждаюсь в чем-либо сопровождении. Я всего лишь хочу вернуться домой, — проговорила я и взглянула на Элейн. — Не волнуйся за меня. Я сделала два глотка пива. Никто не подсовывал мне рогипнол. — Повернувшись к Дилану, я обратилась уже к нему: — Не надо. Просто... не надо.

С потрясенным выражением на лице парень лишь коротко кивнул. Я почти сдалась. Но удержалась. Развернувшись на своих идиотских сексуальных высоченных сапогах, я пошла прочь.

Я не такая.

Глава 16

Только на полдороги к дому моё сердце прекратило учащенно биться, а тошнотворное чувство в животе стихло, лишь когда я оказалась в душе. Прижимая ладони к кафельным плиткам душевой кабинки, я сделала несколько глубоких вдохов.

Мы чуть не совершили это. И я не имела ни малейшего представления, как такое могло произойти.

В детстве, особенно когда стала старше и поняла, что скрывается за правдой моего рождения, я часто задавалась вопросом, о чем думала моя мать. В какой именно момент в начале ее отношений с отцом она решила: «Мне плевать на то, что он женат и взял на себя обязательство перед Богом и людьми за другую женщину. Я все равно буду раздеваться перед ним и заниматься сексом»? Полагаю, в ее жизни должен был наступить момент, когда ей пришлось принять решение, взглянув на гигантскую красную кнопку с надписями «ДА»/«НЕТ», и выбрать.

Но вернемся к событиям, случившемся в том шкафу. Мы разговаривали, а затем занялись... кое-какими вещами, и мне трудно сказать, когда мы закончили одно и приступили к другому.

К счастью, я приняла решение, прежде чем всё приобрело катастрофический характер. Я ушла. Сбежала, если уж быть абсолютно честной. Мне пришлось так поступить. Не покини я Дилана в ту же секунду, точно бы сдалась. Нажала бы на гигантскую мигающую кнопку с надписью «ДА» и превратилась в одну из тех девок. Ту самую, которая спит с парнем своей больной сестры.

На меня накатил очередной приступ тошноты.

Что такого было в Дилане? Его увлеченность? Не связано ли это с тем, каким человеком я была — девушкой, предпочитающей несвободных парней? Была бы моя увлеченность Диланом такой же сильной, если бы он ни с кем не встречался? В Корнелле он был свободен, и я смогла с ним расстаться. Что же изменилось? Почему сейчас я не могу так поступить?

Я вышла из душа, вытерлась и почистила зубы. После того, как мои волосы достаточно высохли, и с них перестала капать вода, я переоделась в старую шелковую пижаму мамы. На протяжении многих лет отец покупал ей множество сексуальных пеньюаров, но, кажется, убранные в нижней части ее нижнего бельевого шкафа они лишь собирали пыль. Я никогда не видела, чтобы мама надевала нечто подобное, за исключением свободных шелковых брюк и такого же топа. Порой это были даже пестрые маечки в стиле кимоно с вышитыми драконами и пальмовыми листьями. Сейчас я выбрала обыкновенный топ голубого цвета. Прикосновение ткани к разгоряченной коже отозвалось мурашками по моему телу, создавая прохладные и успокаивающие ощущения и вызывая чувственный восторг, не имеющий ничего общего с сексом.

Теперь я понимаю мамину любовь к этим пижамам.

Время перевалило только за полдвенадцатого, но, тем не менее, я забралась в постель. Мама уже отправилась к себе в комнату, и хотя я видела мерцающий свет телевизора, проникающий сквозь щель под дверью, решила не беспокоить ее. Да и что я могла ей сказать?

Мама, когда вы с отцом стали заниматься сексом за спиной его жены, тебя когда-нибудь мучила совесть, или же ты просто решила, что его красота, обалденный запах и те удивительные чувства, которые он дарил тебе, имеют ключевое значение, и тебе просто плевать на тех, чьи жизни вы губите?

Мам, я подумываю поддержать семейную традицию и закрутить роман с парнем, который встречается с одной из Свифт. Что скажешь?

Эй, мам, мне вот интересно, чтобы ты подумала обо мне, перести я с бойфрендом своей сестры? Как думаешь, тем самым я нарушу папины правила? Может, ей об этом не надо знать? В конце концов, с вами такое прокатило.

Я положила руку на лицо, стараясь заглушить крик разочарования.

Мама, я в полном дерьме. Не знаю, что делать. Не хочу быть такой. Но я люблю его. Как мне поступить, ведь я так влюблена в него?

Я знала, что сделала бы мама. Она бы послала к черту осторожность и взяла то, что хотела, наплевав на то, что это принадлежало кому-то другому.

Но он же сначала был моим.

Вот в этом вся разница. У нас с Диланом было прошлое задолго до появления в его жизни Ханны. В нашей ситуации никто не был обременен брачными узами. И главное, я не переспала с ним, когда у меня была возможность. И не стала бы, в любом случае. Только когда всё прояснится. Своей тайной сестре я могла предложить только такой вариант. Может быть, я и отбила у нее парня, но я не предавала ее.

На ночном столике зазвонил мой телефон. Мне даже не стоило смотреть на экран, чтобы узнать имя звонившего. Я пропустила этот звонок, потом второй и третий, а после не выдержала и ответила.

— Не бросай трубку, — сразу перешел к делу Дилан.

— И не собиралась. Я не ответила, если бы не захотела с тобой поговорить.

Он вздохнул с облегчением.

— Слава Богу. Единственной причиной, по которой я еще не обиваю порог твоей квартиры, стал тот факт, что я не знаю твоего адреса. — На секунду Дилан замолчал. — Я *даже* не знаю, где ты живешь, Тесс.

Я представила себе, как он взбегает вверх по лестнице к моей квартире, стучится в дверь, разбудив при этом всех соседей и мою маму, словно какой-то герой из романтического фильма. Господи, Тесс, а что дальше? Представишь, как он стоит на парковке с поднятым вверх бумбоксом на восходе солнца?

Конечно же, Дилан не знал, где я живу. Как я могла пригласить его, когда существовала вероятность появления здесь отца? Сказать по правде, я не привыкла видеть гостей у себя дома. Когда я была маленькой, друзья не приходили ко мне в гости поиграть или остаться на ночевку, время от времени заходила лишь Сильвия, но ничего более. Я даже не в курсе политики мамы насчет приглашения парней в гости. В средней школе такой проблемы не возникало, а во время учебы в государственном университете у меня была собственная квартира.

— То, что произошло на вечеринке, — начал он. — Я думаю... не знаю. Я не думал.

Как и я. В этом и проблема. Мы наедине в темном пустом шкафу... Я собиралась нарушить данные два дня назад обещания.

— Где ты сейчас? — спросил он. — Дома? Давай я приеду.

Ни за что на свет.

— Нет. Я уже в кровати.

Наступило молчание.

— О, тогда, несомненно, ты должна позволить мне приехать.

И хотя это прозвучала как шутка, я знала, что за ней крылось. Если Дилан зайдет ко мне, то прощай мои добрые намерения.

— Нет.

— Тесс.

— Я не могу находиться рядом с тобой, — прошептала я. — Я не могу себя контролировать. — Должно быть, это наследственное. Мои родители тоже не могли держаться подальше друг от друга.

— Я не могу быть вдали от тебя, — ответил он. — И как нам разрешить эту дилемму?

Его слова привели меня в трепет, но и совесть не дремала.

— Дилан, пожалуйста...

— Знаешь, пусть я и не могу сейчас видеть тебя, — начал он. — В буквальном смысле. — Я не понимала, к чему он клонит. — Но я точно знаю, как ты выглядишь. — Еще одна пауза, и послышался шорох. Где он? Вернулся в свою квартиру? Сидел на своем раскладном диване? Или лежал на нем? — И знаешь почему?

Да.

— Нет.

Дилан продолжил говорить, словно и не слышал меня:

— Тогда в Корнельском университете ты была не только моей первой девушкой, Тесс. Ты была первой девушкой, с которой я кончил. — У меня перехватило дыхание. — Первой девушкой, которая кончила на моих глазах. Очевидно, что в школе я смотрел неправильное порно.

— И что, сейчас нашел лучше? — нервно рассмеялась я.

— Оно мне не нужно, — еле слышно произнес он. — Я просто думаю о тебе.

О, мой Бог.

— Очень много думаю.

О. Мой. Бог.

— Твои глаза широко распахнуты, словно ты удивлена и счастлива или, возможно, взволнованна? Твое лицо покраснелось, розовые влажные потрясающие губы приоткрылись. — Его голос звучал мягко и томно, и я поняла, что, должно быть, он лежит в своей постели. Наверное, вот что означал этот шорох. О, похоже, я попала.

— И те звуки, которые ты издаешь... — донесся голос Дилана, такой нежный и такой близкий, словно он лежал рядом со мной.

Не думаю, то, что вырывалось из моей груди, можно назвать вздохом. Я задыхалась.

— Вот как сейчас, — рассмеялся он низким грудным смехом, и я почувствовала, как увлажнились мои трусики. — Как бы ты ни хотела скрыть, что я возбуждаю тебя, мне всё равно это известно, Тесс. Я знаю это и никогда не забуду.

Я залезла под одеяло, словно могла укрыться от Дилана, убежать от звука его голоса, но он продолжал говорить. Медленно, спокойно и настойчиво. Так, что даже шелк пижамы создавал неудобства. Мои соски затвердели, и прикосновение ткани к ним вызывало покалывание, тело стало похоже на натянутую струну, кожа горела и стала чувствительной, а пульсация между ног, которую я почувствовала, находясь в том шкафу, усилилась.

— Для меня всё так очевидно, Тесс, потому что я думал об этом слишком часто. В течение двух долгих лет.

Моя рука медленно потянулась к поясу пижамных брюк. *Нет, Тесс. Только не это.* Я не собираюсь делать этого. Секс по телефону так же, как и секс в шкафу, под запретом.

— Каждый раз, когда я прикасаюсь к себе... — Это мое воображение, или его дыхание тоже участилось? Я лежала и слушала голос Дилана, пока мое тело молило об освобождении. Я представляла себе парня, который на протяжении двух лет, прикасаясь к себе, вспоминал меня, желал меня...

— О чем ты думаешь? — спросил он. Все сомнения отпали — ему тоже было трудно дышать. — Скажи мне, Тесс.

Нет, я не собиралась отвечать. Контролировать воображение Дилана я не могла, но и пересекать черту не собиралась.

— Скажи мне, — уговаривал он меня.

— О тебе, — признавая поражение, ответила я и сделала глубокий вдох. — Конечно, о тебе. После той ночи все эти годы только о тебе, придурок.

Он не отвечал в течение долгого времени. Я решила, что связь прервалась.

— Дилан?

— Вот видишь? — сказал он самодовольным и удовлетворённым тоном. — Ты можешь избегать меня, если хочешь, но это ничего не изменит. Поверь мне, я мечтал о тебе два года, хотя и не виделся с тобой.

— Какого черта, Дилан! — Мне с трудом удавалось говорить тише, чтобы не перебудить весь дом. — Это что, какой-то урок?

— Нет, — ответил он. — Всего лишь правда. Я люблю тебя, Тесс. Спокойной ночи. — С этими словами разговор оборвался.

Мне захотелось кинуть свой телефон через всю комнату. Но вместо этого я выключила свет, перевернулась и закончила то, что начал Дилан.

*****

Ранним утром следующего дня я отправила Дилану е-мейл.

«Раз Элейн предложила поделиться своими часами, на сегодня я отменила наше время в лаборатории. Мне нужно поработать в «Верде». Элейн сообщила, что мы можем использовать лабораторию во вторник и среду на следующей неделе. Хороших выходных. Тесс».

Этого должно хватить. Намеки и так были достаточно прозрачны. Три блаженных дня, чтобы не видеть его. Три жалких, бесконечных дня, во время которых мне не удастся взглянуть в глаза Дилана Кингсли.

Единственный способ пройти через это — работа, много работы. После пятничных занятий я направился напрямик в ресторан и переделалась в свою униформу. После того как лимоны были порезаны тонкими дольками, столовые приборы завернуты в салфетки настолько туго, что могли сойти за жгут, подсвечники отполированы, а стеллажи заполнены алкоголем, я решила промыть холодильную витрину.

Сильвия нашла меня, стоящую по локоть в машине для мороженого.

— Знаешь ли, у нас есть расписание дежурств? И согласно ему ты должна выполнять только *одно* задание.

— Да. Мне просто нужно было выплеснуть лишнюю энергию, — сказала я, вытирая руки о фартук.

— Не верю, — ответила она, присев рядом со мной. — Курс биоинженерии в Кантоне, четыре смены в неделю в ресторане, плюс эта фигня с симпозиумом? Ни у кого с твоим графиком не будет лишней энергии.

Как насчет сексуальной неудовлетворенности? Мое соло вчерашним вечером вряд ли помогло уменьшить напряжение. Каждый раз, когда я закрывала глаза, передо мной возникал тот темный шкаф. Утром я не могла смотреть на вешалки для одежды без того, чтобы не покраснеть.

— Кто бы говорил. У самой уроки вокала, репетиции, и каждый вечер ты либо работаешь, либо сидишь с Майло.

— Согласна, но здесь я выполняю только свою работу, — отметила Сильвия.

Я бросила тряпку в ведро для белья.

— Прекрасно. Пускай кто-нибудь другой закончит с холодильником.

— К тому же, — продолжала она, — Аннабель не перестает утверждать, что, относишься ты действительно серьезно к своей карьере, уехала бы из Кантона.

Аннабель права, но это не имело значение. Сильвия никогда не оставит свою семью и племянника, пока те нуждаются в помощи. Девушки Уоррен всегда остаются командой. Неважно насколько сильным было желание Сильвии стать профессиональной певицей. Если это означает отказаться от сестры, этому не бывать. По крайней мере, до тех пор, пока Майло не подрастет, а Аннабель не получит диплом медсестры и дополнительный источник дохода. Но не было смысла об этом говорить. Это итак всем известно, ясно и понятно. Сильвия жила по таким же железным правилам, что и я. Разница лишь в том, что ее правила подразумевали быть рядом с сестрой, мои же — держаться от сестры подальше.

— В ближайшее время ожидаются какие-либо крупные выступления?

— Крупные? Нет. А представление, может быть, толкнём. Пошумим в кафе вниз по улице в течение всей недели Дня Благодарения. Когда все студенты разъезжаются по домам,

у нас нет конкурентов на «открытом микрофоне».

— Эй, поздравляю! — сказала я. — Я приду.

— Пожалуйста, не надо, — произнесла Сильвия, закатив глаза. — Это унижительно.

— Да, — ответил я, — но выступление — это же хорошо.

Девушка снова закатила глаза, но на этот раз на ее лице расплылась улыбка.

— Нам следует составить план празднования твоего совершеннолетия? На следующей неделе, да?

— В понедельник, — кивнула я.

— Чтобы ты хотела сделать?

Напиться и переспать с Диланом.

— Не знаю. Ничего особенного. Или нечто грандиозное. Я ненавижу эти вечеринки и честь совершеннолетия, где тебя заставляют пить шоты.

— Абсолютно не согласна, — возразила мне Сильвия. — Нам следует пойти в самый грандиозный бар, где проверяют удостоверения личности и готовят изысканные коктейли.

Я скривила лицо.

— Тебе не кажется, что мы и так достаточно времени проводим в баре? Seriously, почему темой каждого двадцать первого дня рождения должен быть алкоголь?

— Так какую стилистику дня рождения ты бы предпочла, именинница?

Шелковые простыни и свечи.

— Не знаю. Возможно, я и пить-то не буду. — Последние пару раз, когда я выпивала хотя бы плоток, закончились для меня поцелуями с бойфрендом моей тайной сестры. Но этого я не могла сказать Сильвии. Во-первых, она даже не знала о факте наличия у меня сестры. Во-вторых, она, вероятно, одобрила бы мои действия. Ведь Ханна для нее всего лишь гламурная девица.

— Абсолютно уверена, что это против правил, — нахмурилась Сильвия.

— Я устала от правил, — заявила я, наверное, более категорично, чем следовало. Но это правда. Меня уже тошнило от того, что мне приходится скрывать от небезразличных мне людей важные вещи. Меня тошнило от правил — из-за них, я не могла рассказать Дилану, почему я психую от всей сложившейся ситуации. Я устала от всего этого.

Сильвия подняла руки, признавая поражение.

— Ладно, хорошо. Мы надуем воздушные шары, приготовим торт и смастерим маленькие заостренные колпаки из бумаги. Как на твоё шестилетие. Так лучше?

Я одарила ее слабой улыбкой.

— Ты победила. Сходим куда-нибудь. Может, в тот новый крутой мексиканский бар? Кувшин маргариты и неограниченное количество гуакамоле звучит прекрасно.

— Ура! — Она сжала мое плечо. — Вот это по-нашему.

Оставшаяся часть дня прошла, как и все прошедшие пятницы: спокойные ланчи сменились толпой студентов в ночное время. В субботу всё повторилось сначала. От Дилана не было никаких вестей, даже его обычных электронных писем с темой «Эврика», в которых он рассказывал о своих новых мыслях и плане для нашего проекта. Для меня такое положение вещей было облегчением и ужасом одновременно. Ведь именно этого я и хотела, да? Чтобы он оставил меня в покое, пока с Ханной всё не уладится. Именно об этом я просила его перед тем, как он не начал вытворять очень грязные штучки, находясь на другом конце города... чтобы просто доказать, что он в состоянии это сделать.

На этот раз Дилан не преподает мне урок. Он просто выполняет то, о чем я его просила.

Мне хотелось, чтобы он не появлялся в эти выходные — он так и поступил. Вот только парень оказался прав. Мне не обязательно видеть его, чтобы не переставать думать о нем, чтобы скучать по нему, желать его настолько сильно, что едва можно спать по ночам. Каждый раз, когда темноволосый парень переступал порог «Верде», я оглядывалась и проверяла, не он ли пришел. За эти выходные мне десятки раз слышалось, как кто-то произносит его имя. Но всякий раз это был не Дилан, и я ненавидела себя за желание увидеть его, за то, что хваталась за телефон, разыскивала его контакт и почти нажимала на кнопку вызова. Я ненавидела, когда курсор мышки зависал над кнопкой «Ответить» на его последнее присланное мне письмо. Мне был ненавистен сам факт того, что, если мы снова свяжемся друг с другом, если я сдамся и позвоню ему, если мельком замечу его на улице, то потеряю последние остатки самообладания и прыгну в его объятия.

Хуже всего то, что на самом деле мне не претил ни один из этих вариантов. Я бы хотела, чтобы это произошло.

Глава 17

В понедельник утром я проснулась от запаха масла и корицы. Всё еще закутанная в халат я проследовала на кухню, где нашла маму, усердно работающей за столешницей.

— Милая! — воскликнула она. — С днем рождения!

Я поцеловала ее.

— Французские слойки на завтрак?

— Для моей девочки. Конечно.

Без понятия, почему мы их называем французскими, но это наше фирменное блюдо. Эти слойки, в сущности, — маленькие кексы, которые сначала обмакивают в масле, а затем обваливают в сахара и корице. На вкус они божественны. Мама обычно оставляла приготовление лакомства на праздники и дни рождения, и я могла съесть две или три штуки за раз.

— Ммм. Кофе готов?

— Да, и я использовала для его приготовления цикорий, который твой отец в прошлом месяце привез из Нового Орлеана.

Я налила две чашки ароматного насыщенного кофе, пока мама обваливала последнюю слойку в коричнево-сахарной смеси. Секрет французских слоек — съесть их пока они тепленькие.

— К тому же, — продолжила мама, — я посчитала, что сегодня необходимо поесть излишне жирную пищу, прежде чем ты станешь пить текилу с друзьями.

— Сильвия пообещала, что никто не заставит меня пить шоты, — сказала я, хватая слойку с тарелки. — Но, конечно, у нас будет много текилы.

— И кого назначили водителем? — Когда я закатила глаза, мама подняла руки вверх. — Прости, но я твоя мама. Так просто этого не отменить.

— Аннабель. У нее завтра важная контрольная, и она хочет быть уверена, что не будет чувствовать себя разбитой. Кстати, спасибо, что согласилась посидеть с Майло.

— Нет проблем. Помню те времена, — произнесла мама, делая глоток кофе, — и свои отчаянные попытки найти кого-нибудь, чтобы присмотрели за тобой, если куда-нибудь изредка удавалось выбраться с друзьями. И помню, что была бессменным водителем на совершеннолетия всех моих друзей. С этим нет проблем, когда ты беременна.

Я кивнула, осознавая, что сейчас нахожусь в том же возрасте, в котором меня родила мама. Когда ей исполнился двадцать один год, у нее не было ни текилы, ни фантастического ужина со своим парнем, отцом ее ребенка. Мне трудно было представить, что предприняла бы я сама, если бы мне пришлось делать выбор, с которым столкнулась мама в моем возрасте. Беременность? Дети? Уход из школы? Ни за что.

— Не вздумай забеременеть, — добавила она, подмигнув мне, когда увидела ужас на моем лице от такого возможного поворота событий. — Сперва ты должна получить научную степень.

— Можешь быть уверена в этом.

— Твои друзья из колледжа присоединяться к вам сегодня? — спросила она.

Зондируешь почву, мама?

— Я пригласила двух девчонок, с которыми на прошлой неделе ходила на вечеринку.

— А мальчиков? Как насчет твоего таинственного партнера по лабораторным занятиям? Дилана, кажется? — Прошло несколько недель, прежде чем я сумела назвать маме его имя. Как же я переживала, что она случайно упомянет имя Дилана в присутствии отца. Конечно, существовала вероятность того, что в Кантоне учатся несколько Диланов, но взаимосвязь его имени с кафедрой биоинженерии могли вызвать подозрения, что мой Дилан — это тот же самый Дилан, парень Ханны. А наши совместные занятия могли означать мое времяпрепровождение с его девушкой, несмотря на установленные запреты. Но, в конечном счете, я поняла, что совсем не упоминать имя своего партнера будет куда подозрительнее, чем просто произносить его вскользь. И мама думала, что за нашими отношениями не стоит ничего кроме совместных занятий. Возможно, помогло то, что на вопрос симпатичный ли Дилан, я в ответ скривила лицо.

— Кажется, это будет девичник — покачала я головой.

— Что тоже звучит весело.

После того как мы с мамой закончили завтрак и договорились после обеда встретиться и сходить на традиционный педикюр в честь дня рождения, я отправилась в университет. Занятие по органической химии начиналось в девять утра.

До кампуса я добралась за десять минут до начала лекции. Припарковавшись, я направилась на кафедру химии, чувствуя себя хорошо наевшейся французских слоек. По случаю своего дня рождения я позволила себе съесть аж четыре штуки.

Когда я подошла к своему месту, то на поверхности стола заметила маленькую красную кожаную коробочку для ювелирных изделий, перевязанную шелковой лентой, и лежащий под ней конверт.

— Откуда это взялось? — спросила я у Лиз, студентки подготовительных медицинских курсов, которая сидела напротив меня. В передней части класса Джесс, помощник преподавателя, перехватила мой взгляд и подошла ко мне.

— Твой парень принес её, — объяснила она немного чванливо, и огромная ухмылка расплылась на ее лице. Она единственная высокомерная студентка химического факультета, которую я встречала. — Он спросил меня, где ты сидишь. Кстати, с днем рождения.

— У меня нет парня, — произнесла я, доставая открытку из-под коробочки.

— Черные волосы, голубые глаза, очень миленький?

И словно этого было мало, я моментально узнала почерк на конверте.

— О. Он всего лишь мой партнер по лабораторной.

— Ну, давай же, — подгоняла меня Джесс, — открывай. Мы чуть не умерли, дожидаясь

тебя.

Я огляделась по сторонам. По меньшей мере полдюжины пар глаз уставилась на меня.

— Похоже, что эта коробочка из-под колечка, — заметила Лиз. — *Всего лишь* партнеры по лабораторным не дарят кольца на дни рождения.

Я покачала головой, чтобы никто из присутствующих не смог неправильно истолковать слова, и открыла открытку.

«Дорогая Тесс, существует вероятность не увидеть тебя сегодня, и мне не хотелось упускать возможность поздравить тебя с днем рождения. Пусть твои желания сбудутся. Дилан».

— Что там написано? — спросила мечтательно Джесс.

— С днем рождения. — Я перевернула коробочку и развязала бант, в волнении покусывая нижнюю губу. Она действительно выглядела как коробочка для кольца. О чем Дилан только думал? Я открыла ее.

Внутри на подушечке из белого атласа лежала маленькая серебряная подвеска примерно полтора дюйма длиной с большой буквой «Т». Вертикальная линия буквы имела форму двойной спирали, а основание в виде «ступенек» витой лестницы сверкало, когда я подносила его к свету. Подвеска прикреплялась к серебряной цепочке, и под восхищённые вздохи наблюдателей я подняла ее вверх.

— Ооо, как мило, — проворковала Джесс. — И так идеально тебе подходит.

И то правда. Я провела пальцем по контуру, изумленно разглядывая украшение, но быстро себя одернула.

— Действительно мило. — Мне удалось произнести эти слова, не ощущая комка в горле. Я обнаружила застежку и, застегнув цепочку, убрала волосы. Подвеска с буквой «Т» заскользила вниз по ключице и легла чуть выше изгиба груди.

— Оно действительно миленькое, — согласилась Лиз. — Полагаю, что твой «всего лишь партнер по лабораторной» не хочет оставаться просто партнером.

Я отмахнулась от нее.

— Мне пора начинать урок, — произнесла Джесс, — но я согласна с Лиз. Этот парень очень сильно тебя хочет.

Как бы мне хотелось, чтобы они прекратили говорить подобные вещи. Одна из подруг Ханны могла учиться в этом классе. Спустя час я поймала себя на том, что тереблю кулон на шее, поглаживая горизонтальную часть буквы «Т» — зубчатый блестящий край спирали. Не имею ни малейшего представления, где именно Дилан умудрился найти такое безумно-прекрасное украшение, но я любила его больше, чем всё, что когда-либо носила.

После учебы я встретилась с мамой в ее любимом маникюрном салоне. Как и слойки на завтрак, это стало своего рода нашей традицией. Мы выбрали понравившийся нам цвет — себе я подобрала розовый, мама выбрала огненно-коралловый — и расположились в больших кожаных массажных креслах. Когда наши ножные ванночки были готовы, мама принялась рассказывать о своем новом заказе, который она надеялась заполучить, я же просто пялилась в пространство, дотрагиваясь до серебряного украшения и размышляя, не будет ли плохой идеей пригласить Дилана пойти сегодня с нами? Конечно, в качестве друзей. Будет достаточно много народа. Для него это возможность наладить отношения с Элейн. И он сможет увидеть на мне его подарок и понять, как много он для меня значит.

Да. Нет. Плохая идея. Ужасная. Я выронила кулон, словно он меня обжег.

— О, какая прелесть! — воскликнула мама. — Как мило. ДНК, верно? Или... РНК? —

Она посмотрела на меня неуверенным взглядом. — От кого это?

Я пожалала плечами.

— От тайного поклонника. Решила, что, если буду его носить, он перестанет скрываться. — Забавно, насколько легко лгать, если занимаешься этим всю жизнь.

Мама рассмеялась.

— О, милая, позволь мне поведать тебе о тайных поклонниках. Поверь мне, если они предпочитают скрываться, это почти всегда означает, что ты сама не хочешь знать, кем они являются. Скорее всего, это какой-то чудик, который весь семестр не сводил с тебя взгляда, высматривая сквозь мензурки.

Права по всем пунктам. Дилан весь семестр глаз с меня не сводил. Глаз и многого другого. И определенно он был тем еще чудиком, даже если по его внешнему виду такого не скажешь. Ну, то есть, кто еще подарит девушке украшение в виде ДНК?

И какой чудачкой была я, раз так сильно его любила?

— Приятно думать, что он какой-нибудь сексуальный незнакомец, — снова сказала я. — В моем представлении он похож на Генри Кавилла.²⁵ — Хотя это было недалеко от истины. Пусть Дилан и рядом не стоял с Железным человеком, но он правда похож на Супермена, инопланетного супергероя, правда немного худощавого, с телосложением бегуна. Но глаза у них точно были похожи.

Я отогнала прочь фантазии, осознавая, что прослушала всё, что говорила мама.

— Кстати, о подарках на день рождения, у меня есть кое-что от отца. — Она полезла в сумку и вытащила длинную узкую коробочку для ювелирных изделий.

Я подозрительно на нее взглянула и открыла футляр. Внутри оказалась нить крупных красивых винтажных жемчужин. Я сглотнула.

— Они очень красивые.

Мама почувствовала облегчение от моих слов.

— Оно принадлежало его тетке. Он чувствовал себя плохо от того, что у тебя нет никаких украшений, принадлежащих его семье. Драгоценности его мамы были подарены Мари и...

— Ханне, — закончила я. Полагаю, что никто не заметит отсутствия теткиного ожерелья, а набор жемчуга выглядел недостаточно оригинально, чтобы узнать его, если вдруг заметят на моей шее.

— Примерь, — предложила она. — Я хочу посмотреть, как оно смотрится на тебе.

Я замялась. Ожерелье было красивым, но мне не хотелось снимать подарок Дилана.

— Давай же, Тесс.

Маникюрша начала заниматься кутиколой на пальцах ног, и я замерла. Мышцы напряглись против моей воли. Я застегнула ожерелье. Камни были громоздкими, тяжелыми и больно били по ключице. Я не вполне уверена, что оно мне понравилось...

— О, оно смотрится так чудесно! — воскликнула мама, пока маникюрша обрабатывала ее ногу чем-то похожим на сырную терку.

— Да, — произнесла я неуклюже. — Придется найти место попримечнее, чтобы надеть его. — Я расстегнула застежку и аккуратно убрала ожерелье обратно в коробочку. Сомневаюсь, что похожа на тех, кто носит жемчуг.

После педикюра мы с мамой расстались и разошлись по своим делам. Подсчитывая часы до встречи со своими подругами и возможностью выпить разрешенный мне законом первый алкогольный напиток, я пыталась выполнить домашнюю работу.

И меня охватывала гордость за себя и за то, что я так ни разу и не позвонила Дилану.

*****

Утро вторника началось с похмелья, двух таблеток адвила и большого стакана гаторейда.²⁶ После я отправилась на лекцию по биотранспорту, надев блузку с достаточно глубоким вырезом, открывающим вид на кулон с буквой «Т» в виде двойной спирали ДНК. Усаживаясь на свое обычное место, я поймала осоловелый взгляд Элейн, которая вяло мне помахала. И хотя она не пьет алкоголь, прошлым вечером девушка решила присоединиться к нам в распитии «Маргариты». И угадайте что, напиток был за ее счет.

— Привет, — поздоровался Дилан, усаживаясь рядом со мной. Если он и заметил, что я надела его подарок, то ничем себя не выдал.

— Привет, — произнесла я. — Спасибо. — Вряд ли этого было достаточно.

— Тебе идет.

— Мне очень нравится.

Он повернулся ко мне, рассматривая меня своими глубокими и пронзительными голубыми глазами.

Я люблю тебя. Я люблю тебя, Дилан. Это самая замечательная вещь, которую мне когда-либо дарили, и я так тебя люблю, попыталась я общаться с помощью взгляда, но телепатия, к сожалению, вещь невозможная.

— Я рад, — произнес он и вернулся к своим записям.

Я уронила руки на колени, чувствуя себя отвергнутой. Неужели он до сих пор злится из-за вечера четверга? Я решила, что раз он подарил мне подарок... Краем глаза я посмотрела на парня, весь вид которого воплощал само прилежание. Моя левая рука опустилась под стол и расположилась на его бедре. Он тоже опустил свою руку под стол и накрыл ею мою, переплетая наши пальцы. Я сжала их. Он сжал мои в ответ.

Так мы и просидели до конца урока: я делала записи одной рукой, пока Дилан иногда что-то набивал на своем ноутбуке. Оно того стоило. Время от времени он выводил большим пальцем круги на тыльной стороне моей ладони, массируя местечко между указательным и большим пальцем. Мне с трудом удавалось концентрироваться на словах профессора, но это был самое лучшее занятие в моей жизни. Когда лекция закончилась, я нехотя отпустила руку Дилана, чтобы собрать вещи.

В тишине бок о бок мы складывали наши книги и тетради, не смея взглянуть друг на друга. Только лишь всё собрав, я перевела взгляд на парня.

— Так... До вечера? В лаборатории?

Дилан кивнул, сосредоточив всё свое внимание на сумке.

— Увидимся там. — Я заметила, что на его лбу появилась морщинка, а затем он поднял голову, и сила его взгляда почти сбила меня с ног. — Тесс?

— Да?

Он открыл было рот, но так ничего и не произнес, и спустя минуту лишь покачал головой.

— Хорошо вчера повеселились?

— Да. Мы ходили в мексиканский ресторан.

— Мило. И как самочувствие?

Отчаяние. Нетерпение. Сексуальное неудовлетворение. Да что уж там, я просто-

напросто схожу по тебе с ума.

— Немного пошатывает, но в остальном всё хорошо.

На лице парня отразилась едва уловимая улыбка.

— Да, такое случается. Попробуй поесть жирную пищу. Ты хочешь... — Он остановил себя. — Увидимся вечером.

А потом он ушел. Я осталась стоять на месте, желая хорошенько себя стукнуть. Во всем виноваты мои глупые высокие и могучие идеалы. Мне нельзя видеть Дилана, в противном случае я перестану себя контролировать. Что ж, он дает мне желаемое, ведь нам не удастся даже вместе позавтракать в какой-нибудь забегаловке.

И в прошлый четверг во время телефонного звонка он был прав. Неважно, провожу я с ним время или нет. Особенно теперь, когда рядом с сердцем у меня есть милое напоминание в виде буквы «Т». Пожалуй, все эти годы я проявляла недостаточное понимание по отношению к своим родителям. Похоть можно игнорировать. На похоть можно не обращать внимание. Но есть кое-что похуже. Влюбленность в парня, который никогда, НИКОГДА не покидает твоих мыслей.

Глава 18

Без четверти пять того же дня на мой телефон пришло сообщение от Дилана:

«Сегодня не получится».

Я отправила ему сообщение с вопросом почему, но, не получив никакого ответа, направилась в лабораторию, где в течение нескольких часов проработала в одиночестве. Работа над проектом, с которым всё складывалось очень даже не плохо, подходила к концу. Необходимость в принятии важных решений отпала, оставалось лишь собрать данные, проанализировать и, конечно же, написать отчет и оформить презентацию. Я полагала, что за время, которое у нас оставалось до декабрьской конференции, мы успеем доделать всю работу, при условии, что мой неутомимый партнер не примет решение о необходимости добавления дополнительной информации.

Я улыбнулась подобной мысли. В этом весь Дилан, которого я знала: Дилан, который в три часа ночи мог присылать письма по электронной почте, его моменты озарения, упорство в выведении всего, над чем мы работали, на более высокий уровень, изучение новых направлений, модернизация графиков или учет целой группы оригинальных измерений. Именно по этой причине я решила работать с ним в Корнелле, когда он был всего лишь симпатичным подростком в слишком коротких брюках. Именно поэтому я решила снова работать с ним здесь, в Кантоне. И эти причины никак не связаны с моими сильными чувствами к нему.

Вернувшись домой, я отправила Дилану короткое письмо с обновленным статусом в работе, сделанной мной в лаборатории. Это было несложно и выглядело профессионально, но я бы солгала, если бы стала утверждать, что в течение нескольких часов не ждала ответного сообщения. Но оно так и не пришло. Как и на следующее утро, когда я проснулась и увидела, что новых писем от Дилана нет.

Я, как могла, подавила свое замешательство и поехала в колледж, но даже несмотря на громкую музыку, играющую в машине, во мне росло беспокойство. Не проявлять никакой реакции на новости о ходе работы и вообще никак не реагировать не похоже на Дилана.

Так прошел день. Я законспектировала лекцию по органике усложненного уровня,

написала контрольную по статистике и встретила со своим куратором для обсуждения плана на следующий семестр. К полудню волнение, что Дилан и сегодня не объявится, лишь усилилось. Вообще-то я начала волновалась на всю катушку. Никогда такого не было, чтобы Дилан не отвечал на мои сообщения. Никогда. Может, он заболел? Валялся мертвым в канаве? Потерял свой телефон во время жуткого панического бегства стада азиатских буйволов? Я решила снова на всякий случай ему написать.

«Мы всё еще работаем в лаборатории сегодня вечером?»

Спустя пятнадцать минут ответа не было. Как, впрочем, и через полчаса, когда время моего обеда подошло к концу. Перед тем, как собраться на следующую пару, которая начиналась в час дня, я в очередной раз ему написала.

«Если ты не сможешь прийти, дай мне знать, и я предупрежу Элейн, что сегодня лаборатория нам не понадобится».

Через минуту мой телефон ожил.

«Я буду».

Вот, что я скажу: раньше я гордилась тем, что не являлась одной из тех девушек, которые ловят каждое написанное или сказанное слово парня, но сейчас, всматриваясь в эти два слова снова и снова, я пыталась понять причины его немногословности и отстраненности. Конечно, после... тех событий в шкафу в прошлый четверг мы повздорили. Разумеется, все выходные мы не видели друг друга. Но в понедельник он подарил мне кулон. Будучи рассерженным, Дилан бы не прилагал усилия, чтобы удивить меня подарком, оставленным перед занятием по органической химии.

Во вторник он бы не держал меня за руку на протяжении всей лекции транспортного моделирования.

Ведь так?

Вечером после ужина с чувством мучавшего меня беспокойства я подошла к зданию кафедры биоинженерии, готовясь к совместной работе в лаборатории.

Когда я добралась, Дилан уже ждал меня внутри. Хотя «ждал» — не совсем подходящее слово. Разложив распечатки результатов на столах, он уже работал, просматривая слайды на большом проекторе, подключенном к ноутбуку.

— Привет, — поздоровалась я, опуская свою сумку.

— Привет, — ответил он, не отрывая глаз от компьютера. — Прошлым вечером ты получила показания приборов из штамма под номером семь? — Он указал на одну из зеленых пробирок, расставленных в длинном ряду. — Я не вижу здесь ничего похожего.

— Сейчас посмотрю в своих записях, — ответила я. Ладно, никакой болтовни. — Кажется, на пятой странице...

— Нашел, — перебил он меня резким тоном. — Надо сопоставить этот образец с двенадцатым, раз они оба показали значительное вымирание после введения параметра «ночной заморозки»...

Я кивнула в ответ, и Дилан переложил слайды на нашу презентацию, продолжая говорить о зеленом уровне, эффективности и других вещах, которые обычно я могла обсуждать с ним часами. Но не сегодня.

— Дилан. — Мне едва удалось проговорить его имя. — Что-то не так?

Он лишь пожал плечами.

Ужасная мысль промелькнула у меня в голове. Прошла неделя после тех анализов.

— Это из-за Ханны? Она в порядке?

Он, по-прежнему не поднимая головы, ответил:

— Нет, с ней не все хорошо

Мое сердце остановилось. *Ханна.*

— Что... что случилось?

Парень поднял на меня усталый, изможденный взгляд.

— Я расстался с ней.

Я прислонилась к табуретке, чтобы сохранить равновесие.

— Ты...

Он издал судорожный вздох.

— Прошлым вечером я с ней расстался, Тесс. Было очень неприятно, и я не... И прямо сейчас я не горжусь собой. Это не твоя вина. Просто...

Я не понимаю. Он поклялся, что не оставит ее, пока ей ничего не будет угрожать.

— Но Ханна... Ее анализы...

Дилан бросил ручку на стол.

— Она в порядке. Вчера пришли результаты, с ней всё хорошо. Они выявили доброкачественный узелок на щитовидной железе. Сначала ее будут лечить медикаментозно, а если он и дальше будет беспокоить, то его удалят... Но суть в том, что с ней всё в порядке.

Я облокотилась о стол.

— Слава Богу. — С Ханной всё будет хорошо, мой отец вздохнет спокойно, а Дилан и я... Что ж, мы оба были свободны.

И эта надежда, это ожидание, должно быть, отразились на моем лице, потому что Дилан покачал головой, и чувство брезгливости отразилось на его лице.

— Я... Мне жаль, что меня вчера не было, и я не встретился с тобой. Знаю, именно этого мы хотели, но прямо сейчас я чувствую себя настоящим мудаком.

Меня охватили возбуждение и облегчение, но я заставила себя равнодушно кивнуть.

— Я понимаю. — Что было правдой. В основном. — Не хочешь мне рассказать?

Он отвел взгляд.

— Я не... не был с Ханной довольно долгое время. Просто не мог. Особенно, когда всё, о чем я мечтал — это быть с тобой. А вчера вечером после получения результата она хотела отпраздновать...

Забираю свои слова обратно. Я не хочу этого слышать. Ханна здорова. Они расстались. Это всё, что мне нужно знать.

Но Дилан всегда оставался человеком, не скрывающим правду.

— И, конечно же, я не хотел. Это было бы предательством по отношению к тебе, но потом я понял, что все мои поступки на прошлой неделе являлись предательством по отношению к ней. Я не мог так поступить. — Парень беспомощно пожал плечами. — И я порвал с ней. Сказал, как она для меня важна и как я рад, что она здорова, но считаю лучшим для нас обоих, если каждый пойдет своей дорогой.

Мое сердце разрывалось из-за Ханны, из-за моей сестры, которую бросили.

— Что она сказала?

— А ты как думаешь, что она могла сказать?! — огрызнулся Дилан. — Расплакалась. Я заставил очень милую девушку расплакаться в день, когда она узнала, что у нее нет рака. Я самый большой придурок.

Из-за меня. Он сделал это из-за меня.

— Так что ты знаешь причину, по которой я сегодня немного раздражителен, —

проговорил Дилан и снова вернулся к работе.

Я обошла вокруг стола и положила руку ему на плечо.

— Дилан...

— Не надо, — стряхнул он мою руку. — Я просто... Я не могу прямо сейчас, Тесс. — Он посмотрел на меня с застывшей в глазах болью. — И я пришел сюда не за своей наградой после того, как обидел Ханну, не для того, чтобы прыгнуть из ее постели в твою, словно ее чувства не имеют значения.

— Я и не хочу этого! — закричала я. Ее чувства имели значение. Вся прошедшая неделя была тому доказательством.

Глаза Дилана отыскивали мои в поисках утешения.

— Прошлым вечером я ее поцеловал.

У меня внутри всё похолодело. Я знала, что он должен был так поступить, подсознательно я понимала. Но понимать и слышать об этом — разные вещи.

— После того, как она рассказала мне, я ее поцеловал, потому что... Не знаю. По привычке? Потому что она ожидала этого от меня?

Я отступила назад, и он вздрогнул.

— Да, так я и думал, — обреченно произнес Дилан. — Я знал, что именно так ты и отреагируешь. Я предал ее с тобой, а теперь предал тебя с ней. Ханна сказала, что не больна раком, а я так обрадовался за нее, что поцеловал. Дерьмо. — Он так и стоял с опущенной головой, покачивая ею. — А после заявил, что ухожу от нее, осознав какие ужасные вещи вытворяю. Теперь понятно, почему ты не хотела меня видеть. И почему отказалась целовать на вечеринке. Ты была права, а я не хотел тебя слушать. Это было неправильно, обманывать Ханну.

Слезы начали жечь глаза. Дилан Кингсли понятия не имел, что значит лгать.

— Я бы тоже ее расцеловала, — призналась я. — Хотя мы совсем не знакомы.

Он невесело рассмеялся.

— Ты считаешь, что я злюсь на тебя? — недоверчиво спросила я. — Из-за того, что ты поцеловал свою девушку, даже несмотря на то, что собирался с ней расстаться? — С ума сойти. Он и понятия не имеет, с кем разговаривает. Мой отец двадцать лет изменял своей жене с моей мамой и ни разу не чувствовал себя достаточно виноватым, чтобы перестать спать с одной из них.

— Нет, Тесс. — Дилан снова повернулся ко мне. — Я злюсь на себя.

Кровь заледенела в жилах. Что-то случилось. Что-то пошло совсем не так. Всё это время я доверяла Дилану, который убеждал меня, что всё будет хорошо, что он расстанется с Ханной, и мы сможем быть вместе. Это выглядело таким нормальным: здравомыслящие люди, служащие положительным примером в отношениях. Откуда мне, чья жизнь представляет собой сплошной грязный маленький секрет, не имеющий никакого фундамента для осуждения, знать, что хорошо, а что плохо?

Когда мы строили наши планы, его слова звучали разумно. *Я не хочу быть с Ханной. Я хочу быть с тобой. Я не хочу никого обижать, но не могу лгать Ханне.* Казалось, всё просто: расстаться с Ханной по-хорошему и потом быть вместе.

Неужели мы обманывали самих себя? Неужели мы всё испортили из-за того, как начали?

— Но теперь всё кончено, — произнесла я почти в отчаянии. — Вы расстались.

— Да, — ответил он безжизненно. — Но всё не так просто.

Ничего из этого не было простым. С Диланом никогда не было легко. Не будет и с Ханной. Я это знала, но отчего-то думала, что мы справимся. Да, будет тяжело, возможно, неприятно какое-то время, но оно того стоило, ведь, в конце концов, мы любим друг друга. Не испытывай мы друг к другу чувств, так бы не переживали.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — спросила я у него. — Хочешь, чтобы я ушла? Хочешь, чтобы мы... чтобы... подождали? Ты... — В горле образовался ком, и я больше не смогла произнести ни слова. *Ты не хочешь быть со мной?*

Я могла бы справиться с любым из вариантов кроме последнего. Казалось, серебряный кулон с буквой «Т» на моей шее в один миг потяжелел, оставляя отпечаток. Что же всё это могло значить? Как я смогу проучиться оставшуюся часть семестра и завершить наш проект без Дилана?

— Я не знаю. — Его челюсть сжалась. Руки вцепились в стол. — Мне не следовало приходить сегодня. Я еще не готов. Надо кое-что уладить.

— *Кое-что уладить?* — переспросила я. Стены комнаты начали смыкаться вокруг меня. Я не могла дышать. И вот я стою здесь, на мне его кулон, надетый в качестве талисмана, как знак его ожидания. Казалось, всё будет хорошо. Как будто я заслуживала счастья после того, как украла парня у своей сестры! Конечно же, нет. Я не такая девушка. Я из тех, с кем можно тайком встречаться, из тех, кого возбуждали тайные встречи.

Я развернулась и направилась обратно за своей сумкой. Сработал инстинкт самосохранения. Если бы я не ушла, то упала бы на колени и принялась бы умолять.

— Хорошо, можешь улаживать свои дела. Я иду домой.

— Нет, подожди. Всё не так. Просто... это сложно, и я...

О, я хорошо понимаю насколько это сложно. У меня богатый жизненный опыт касаясь сложностей. Дилан и понятия не имеет, *насколько* всё сложно. И никогда не поймет. Я пошла напрямик к двери, не смея оглянуться назад. Это было против правил. Всё это было против правил, и я была душой, полагая, что смогу их нарушить.

*****

В четверг именно я стала той, кто пропустил биотранспорт. У меня не было желания видеть Дилана. Очевидно, я тоже нуждалась в пространстве, как и он.

Я зашла на свою страничку в Фейсбуке, которую не открывала всё это время. Но сейчас я нуждалась в информации. Ханна обновила свой профиль, поменяв статус на «Свободна». Ее стена была заполнена такими постами как «Вперед, детка» и «Он не достоин тебя» от ее подружек-блондинок. Кажется, Дилан упоминал, что они не оказывали ей поддержку на прошлой неделе. Я не знала, насколько близко Ханна дружила с той рыженькой девушкой из кафе, но, по-видимому, она решила сохранить от нее в секрете свою болезнь. Неужели Ханна была такой же скрытной, как и я? Интересно, сколько из этих постов принадлежало людям, которые действительно знали Ханну, с чем ей пришлось столкнуться, какие чувства она испытывала к Дилану и чего ожидала от него.

Любила ли она его?

На страничке не было ни комментариев от нее, ни причин их расставания. Вообще ничего, только обновленная фотография, на которой запечатлена она со своей мамой во время их поездки на Манхэттен. Мари Свифт была очень красивой женщиной. По крайней мере, на добрый десяток лет старше моей мамы, блондинка, как Ханна и отец, с волосами,

которые были спрятаны под элегантной шляпкой и переливались на ее плечах.

Не было там и намек на душевное состояние Ханны. Обрадовалась ли она медицинским результатам? Опустошена ли после расставания с Диланом? Говорила ли об этом со своими друзьями? Ходила ли куда-нибудь выпить с кучкой гламурных девиц в надежде утопить горе в мартини, воспевая власть девушек? Если это так, то в «Верде» их не было. Иначе Сильвия рассказала бы мне об этом.

Мне, наконец, удалось оторваться от ноутбука и отправиться на работу. Но уже в половине четвертого я отпросилась у Сильвии домой, сославшись на головную боль, которая на самом деле простиралась намного дальше. Прямо к сердцу.

Когда я вернулась домой, мамы не было. Она помогала своему другу художнику с кризисом в студии. Я свернулась калачиком на диване и в течение последующих нескольких часов бессмысленно созерцала картинку на экране. В какой-то момент до меня дошло, что сегодня я ничего не ела, поэтому я схватила что-то из кухни и принялась жевать, переключая каналы. Сколько времени прошло с того момента, когда я могла позволить себе побездельничать? Забыть о работе, уроках, лаборатории и не думать ни о чем? Неудивительно, что я не могла трезво мыслить. Ведь я даже не давала себе времени на размышления.

Ладно, не то чтобы я и сейчас над чем-то ломала голову, но как только я ловила себя на том, что мои мысли сосредотачивались на других вещах кроме транслирующего сериала, я переключала каналы. Триллеры, ситкомы, реалити-шоу — не имело значения. Всё что угодно, лишь бы отвлекало от мучительных раздумий о нашем с Диланом провале. Что угодно, лишь бы избежать размышлений о безнадежности нашего положения.

Но спустя какое-то время голова переполнилась множеством мыслей, которые уже невозможно было игнорировать.

***Факт:** Он был моим первым. **Факт:** Он говорил, что не любит Ханну и хочет быть со мной. **Факт:** Никто из нас не состоял в браке. Никто даже не был помолвлен. Мы учились в колледже. В наши дни нормально встречаться со множеством людей, а потом расставаться. Он не должен жениться на Ханне лишь потому, что встречался с ней. **Факт:** Я была справедлива по отношению к Ханне. Я отказалась переспать с ее парнем, пока они встречались.*

Всё это, конечно, хорошо, но, кажется, я потратила недостаточно времени, продумывая оставшуюся часть.

***Факт:** Даже если Дилан не любил Ханну, он порвал с ней из-за меня. Из-за меня. **Факт:** Не привыкший обманывать Дилан дважды ее обманул. В первый раз, когда продолжил с ней встречаться, хотя мы вновь сблизились. Во второй раз, когда утаил от нее, что расстается с ней из-за меня. **Факт:** Я тоже обманывала Дилана. Если бы он знал, что Ханна моя сестра, он никогда не стал бы встречаться со мной. **Факт:** Никогда.*

Из-за меня Дилан превратился в лжеца. Может, в этом заключалась моя судьба? Я была ребенком, родившимся во лжи. Всё, к чему бы я ни прикоснулась, пропитывалось ядом. Я была настолько глупа, что помышляла о счастливом конце для себя. Каждый раз, когда Дилан посмотрит на меня, он будет вспоминать выражение лица Ханны в тот момент, когда он разбил ей сердце. На что я могла рассчитывать, если бы держалась от всего этого подальше? Сохранила бы я в тайне свое родство с Ханной? На что рассчитывали мои родители? Что станет с нашими правилами, когда я приведу домой парня или обзаведусь

своей собственной семьей? Кому выпадет роль «посаженного отца» на моей свадьбе, кто поведет меня к алтарю? Мои родители вообще об этом задумывались? Рассчитывал ли отец, что на свою свадьбу я надену подаренное им жемчужное ожерелье? Придет ли он вообще туда?

Что за безумные мысли. Я не собиралась замуж за Дилана или кого-то другого. Мне едва исполнилось двадцать один. Как мама и говорила, сначала мне необходимо получить степень, а потом уж принимать подобного рода решения.

Я снова взяла в руки пульт и принялась переключать каналы, пока не обнаружила телемарафон ситкома «Большой ремонт». Отлично, никаких семейных драм.

Спустя несколько часов меня разбудил шум маминых ключей. За окнами опустились сумерки, что могло означать любое время с шести до одиннадцати.

— Привет, милая. Не ожидала увидеть тебя дома. Сегодня не работаешь?

— Из-за погоды я неважно себя чувствую, — солгала я. В очередной раз. Я только и делаю, что лгу.

Мама включила свет и посмотрела на меня.

— Я переживаю за тебя, ты слишком много работаешь. Ты не простыла? Приняла какое-нибудь лекарство?

Не было причин его принимать. И пока она меня осматривала, всё внутри меня клокотало, кипело от мерзкого чувства, которое невозможно было игнорировать. Дыхание перехватывало, глаза горели, и, прежде чем я успела опомниться, слезы ручьями потекли из глаз и удушающие рыдания начали вырываться из моего рта.

— О, милая! Дорогая, что случилось? — Мама села рядом со мной, поглаживая меня по спине. — Что происходит? Это из-за твоих занятий?

Я в отчаяние покачала головой.

— Из-за денег? Если я получу новый заказ, то смогу помочь с некоторыми твоими тратами. Я знала, что обучение обойдется дороже, чем ты думала.

Я ещё раз потрясла головой и уткнулась лицом в её плечо. Я и раньше слышала разговоры про «новые заказы», но дальше слов дело не продвигалось.

— Милая, поговори со мной.

Ни за что. Что я могла сказать? *Мама, поговорка «Яблоко от яблони» явно про меня? Из-за меня мужчины тоже изменяют. Когда я начинаю настаивать, чтобы парень расстался со своей девушкой, если хочет заполучить меня, то всё оборачивается не лучшим образом.*

— Я запуталась с одним парнем, — наконец, шмыгнув носом, произнесла я.

Мама сжала меня крепче.

— Мальчик? Seriously? О, Тесс... — тихонечко захихикала она. — Большинство мам, которых я знаю, сразу же догадались в чем дело. А я нет. Это многое говорит о твоём характере. — Взяв меня за плечи, она заглянула мне в лицо. — Что случилось?

— Я... думала, что мы будем вместе, но этого не случилось.

Мама понимающе кивнула в ответ.

— Что ж, в этом, как ни печально, у меня есть некоторый опыт. Это мистер Кулон? — спросила она, указывая на серебряную подвеску.

Я закусила губу, но слезы снова потекли из глаз.

— Он и есть твой тайный поклонник, — догадалась она. — Как я и говорила, всегда существуют причины, по которым они тайные. Либо ты не хочешь быть с ними, либо они не

могут быть с тобой. Что произошло? У него есть девушка?

— Нет, больше нет.

— Религиозные противоречия?

— Нет. Я даже не знаю, какой религии он придерживается.

Она посмотрела на меня с опаской.

— Он не... Он лишь хочет затащить тебя в постель?

Я застонала.

— Я не спала с ним, мама. — Во всяком случае, не в этот раз.

В Корнелле наши с Диланом отношения были чистыми и идеальными. Мы встретились, влюбились, занимались сексом. Не было никаких правил, никаких ограничений. Никаких Свифтов и секретов, довлеющих надо мной. Мы оба были свободными и выбрали друг друга. А теперь я боялась, что всё испорчено. Испорчено нашим обманом, моей ложью, правилами, по которым я жила и которые мы установили на прошлой неделе. Неудивительно, что, взглянув на картину целиком, он больше меня не хочет. Возможно, я была той девчонкой, с которой отношения складываются, только если опутать их паутиной лжи.

— Это хорошо! — С лица мамы не сходило озабоченное выражение. — О, дорогая, не знаю, что и сказать. Если этот мальчик не понимает, какой ты удивительный человек, то он не заслуживает тебя.

Это были правильные слова. Типичные слова любой матери. В них присутствовал смысл. Но мама сама не следовала этому правилу. Папа недостаточно ее любил, чтобы оставить свою жену, и она позволяла ему, так или иначе, использовать себя.

— Мама, — позвала я ее тихим голосом, не уверенная, услышала ли она меня. — Если бы я не родилась, как думаешь, вы с папой были бы вместе?

Ее глаза расширились.

— Даже не думай о том, чтобы забеременеть и связать парня по рукам, Тесс. Я сверну тебе шею.

Я не совсем это имела в виду, но получила ответ на свой вопрос. Даже теперь она оценивает свою беременность как печальную участь, постигшую отца, а не его осознанный выбор.

— И не примеряй на себя тот выбор, который мы сделали с твоим отцом.

Но как мне избежать этого, если история повторяется?

Глава 19

— И что случилось потом? — спросила меня Аннабель поздним пятничным утром, когда мы сидели за большим столом в «Верде», заворачивая столовые приборы в салфетки. Владельцы ресторана решили заменить зеленые салфетки на черные, посчитав их более стильными, но для нас это означало лишь безумное количество работы до начала смены.

Я делилась с Уорренами последними перипетиями своей жизни. Аннабель тарасилась на меня с открытым ртом, словно я пересказывала концовку какого-нибудь боевика, Сильвия же сидела очень-очень тихо.

— А затем... ничего, — закончила я. — Больше от него не было вестей. Я даже прогуляла занятия в четверг, лишь бы не видеть его.

— Ты? — ахнула Сильвия. — Прогуляла? — Она прижала руку к сердцу, изображая притворное изумление. — Господи. Аннабель, проверь, не зарезервировали ли столик на

сегодняшний вечер четыре всадника Апокалипсиса.

— Ха-ха, — сказала я и схватила еще несколько вилок.

— А если серьезно, — начала Аннабель. — Что собираешься делать дальше?

Я пожалала плечами, чувствуя, как в груди всё снова сжимается.

— Не знаю. Думаю... Может, мы обречены. — Мои пальцы потянулись к кулону с буквой «Т» на моей шее. Не знаю, зачем я сегодня его надела. Забавно, как за четыре коротких дня он стал частью меня.

Сильвия фыркнула.

— Обречены? Да ладно, кажется, в нашей банде именно я королева драмы. Ты же прагматик, человек науки.

— Хорошо, — ответила я. — Теория не вписывается в совокупность данных, а значит, признана недействительной. Удовлетворена? — Я свернула салфетку, полную столового серебра, и с грохотом швырнула ее на уже готовую кучку.

— Каких именно данных? — спросила Аннабель. — Нежелание Дилана прыгнуть с тобой в постель сразу же после того, как он бросил свою девушку?

— Нет...

— Ты винишь ее за подозрительность? — вмешалась Сильвия. — Не похоже, чтобы у него с этим возникали проблемы, когда представлялась такая возможность.

Аннабель поджала губы.

— Тесс, каким человеком ты хочешь, чтобы он был? Таким, который изменяет своей девушке с тобой, или тем, кто действительно заботится о девушке, с которой встречался долгое время, тем, кто не мчит сломя голову в объятия другой, когда его бывшая еще не смогла осмыслить произошедшее?

— Ты что, не слушала? — возмутилась Сильвия. — Дилан и тот, и другой.

— Дилан не такой, — заступилась я. — Он не изменщик.

— Спорное утверждение, — пробормотала Сильвия.

— ... и его нежелание быть со мной тем вечером... не имело ничего общего с Ханной. Она не могла знать, что задумал Дилан.

— Она и не должна была знать о его проделках, если уж он развлекался с тобой, — заметила Аннабель. — Многие изменяют своим близким, не сообщая им об этом.

И это она говорит мне? Честно говоря, иногда высказывания людей об изменщиках, других женщинах, о богатых покровителях и покровительницах и тому подобное вызывали у меня, во-первых, громкий смех, а во-вторых, желание прочитать нотацию про реалии жизни. Мы точно не проживали в пентхаусе, и сиськи моей мамы были на сто процентов свои.

— Но ты права, — продолжила она. — Я тоже считаю, что прошлый вечер не имел ничего общего с Ханной. Это было связано с Диланом, с его желанием побыть одному из-за моральных принципов, кстати, таких же сильных как у тебя. Вспомни, ты сама не хотела быть с ним, пока он не расстанется с Ханной.

Я взглянула на подругу.

— Не важно, что Ханна знает или не знает, — разъясняла Аннабель. — Тебе не хочется быть другой женщиной, верно?

— Верно.

— И он не хочет быть парнем, прыгающим из одной койки в другую, — взглянула на меня Аннабель с торжествующим взглядом. — Понимаешь?

Я вспомнила слова Дилана, сказанные мне тогда в лаборатории. *Я злюсь на себя.*

— Но будь это правдой, разве он не сказал бы, «хорошо, давай подождем неделю, а после начнем встречаться»? В конце концов, я установила для него правила. — Никакого секса, никаких поцелуев и секса по телефону, пока он не расстанется с Ханной.

— Правила? — недоверчиво повторила Сильвия. — Какие правила?

Я потеряла дар речи. К счастью, Аннабель закончила за меня.

— Она сказала, что не будет с ним, пока он не порвет с Ханной. Что, на мой взгляд, весьма правильный шаг. Ты уважаешь себя, уважаешь Ханну, и теперь Дилан пытается выказать такое же уважение, — произнесла девушка, пожав плечами. — Он... Быть может, он просто выразился не так точно как ты, когда устанавливала правила?

— Да, — ухмыляясь, произнесла Сильвия. — Давай, Тесс, поведай мне ещё об этих твоих правилах. Потому что в моем понимании это больше смахивает на контракт, который Кристиан заключил с Анастейшей в «Пятьдесят оттенков серого».

Я густо покраснела и уставилась на столовое серебро. Гребаные правила. Надо запомнить, нормальные люди не пользуются ими в отношениях.

— Мне нравится идея с правилами, — сказала Аннабель. — Прописаны они или нет, но они четко определяют рамки ваших отношений. Никто никому не пудрит мозги, не причиняет боль или... — Она пожала плечами и вернулась к работе.

Или не оставляет беременную девушку в подвешенном состоянии без какого-либо понятия, чего ожидать от отца своего ребенка, как это случилось с Аннабель. Да, правила могут пригодиться. По крайней мере, следуя правилам, мама понимала, что она может рассчитывать на своего любовника, который позаботится о ней и ее ребенке.

Проблема в том, что моя игра с Диланом была в самом разгаре, и я понятия не имела, как в нее играть.

*****

Во время сегодняшней смены в ресторане мой телефон периодически вибрировал. В конце концов, я выудила его из кармана и взглянула на дисплей.

«Встретимся сегодня вечером?».

Я показала смс-ку Сильвии, которая в этот момент проходила мимо меня с подносом в руках. Она покачала головой с выражением неверия на лице.

— И тебя устраивает встреча, назначенная в последнюю минуту? Мог бы таким образом написать: «Встретимся сегодня вечером для секса?».

«Нет. Я на работе», написала я в ответ.

Я окинула взглядом нескольких столиков и снова посмотрела на экран телефона.

«Можем встретиться после работы. Я подъеду к «Верде».

Сильвия вырвала телефон из моих рук. Когда она протянула его обратно, я увидела, что она напечатала:

«После работы я буду отдыхать. Или ты думаешь, что красота сохраняется сама по себе?».

Я пожала плечами и нажала отправить.

— Хорошая девочка, — похвалила Сильвия. — Пусть помучается.

Кроме того, за сегодняшнюю смену мне пришлось сильно попотеть. Интересно, желание Дилана увидеться со мной сегодня вечером связано с тем, что он готов к нашим отношениям или наоборот он хочет сообщить, что такого никогда не произойдет?

Как бы то ни было, Сильвия, вероятно, права. Я должна сохранять хладнокровие. Ему не следует знать, насколько сильно я в нём нуждаюсь. Мои пальцы снова потянулись к шее, туда, где висел подаренный Диланом кулон, спрятанный под вырезом рубашки. Только я знала, что он там. Только я знала, какой слабой он меня делает.

Спустя несколько минут в кармане раздалось очередное жужжание.

«Тогда скажи мне, когда».

«Так теперь моя очередь назначать время?», с остервенением принялась я набирать сообщение. Но только я хотела нажать на клавишу «Отправить», как призадумалась. И поэтому просто удалила сообщение и отложила телефон в сторону. Сильвия посоветовала заставить Дилана попотеть. Прекрасно. Теперь настал его черёд.

Но пальцы не переставали чесаться, стремясь вытащить телефон из кармана и написать ему, чтобы он пришел сейчас же, сию же минуту, немедленно. С меня хватит лжи, хватит игр. Всё, чего я желала, — это Дилан. И если он готов быть со мной, то я жду.

Следующие пятнадцать минут я заставляла себя не вытаскивать телефон из кармана. И только во время затишья на работе я поддавалась своему искушению.

Новых сообщений не было.

Дерьмо. Твою мать. В данную минуту я очень сильно ненавидела Сильвию. Дилана. И себя, вечно пытающуюся играть в какие-то дурацкие игры, вместо того, чтобы просто сказать парню правду. Разве не в этом заключается манера поведения Дилана? Разве не за этим он рассказывал мне о своих чувствах? Никаких игр, никакого притворства, никакой лжи, за исключением крайней необходимости, коей и была помощь Ханне на самой ужасной неделе ее жизни.

И что может быть хуже печального уставшего голоса в моей голове, назойливо шепчущего: *Ты та самая девушка, которая ему нужна. Он хочет тебя. Вас ничто не разделяет, а ты всё еще сопротивляешься. Похоже, ты всё-таки одна из тех девушек, которые желают парней «под запретом».*

Я почувствовала руку на своем плече и взглянула на заинтересованное лицо Сильвии.

— Подруга, выглядишь хреново. Закончишь со столиками и отправляйся домой.

Только этого мне не хватало. Еще больше времени наедине со своими мыслями. Я решительно покачала головой.

— Я не предлагаю. Я настаиваю. — Она вытащила телефон из моего кармана. — Можешь забрать его завтра. Поезжай домой и выспись.

Я не сводила глаз с телефона.

— Ты же понимаешь, что это не помешает мне направиться к его дому.

— Я в тебя верю больше, чем ты думаешь. Возвращайся домой, Тесс.

Я поехала домой. В холодильнике обнаружилось полбутылки белого вина, я налила себе бокал, наполнила ванну и долго плескалась в ней, потягивая вино и читая журнал.

Так продолжалось около пятнадцати минут. Когда мне надоело держать журнал над пузырьками пены в попытках его не намочить, я положила его на ванный коврик и погрузилась в мыльную пену, удерживая ножку бокала. Я наклонила фужер ко рту, так, что он и мой подбородок покрылись мыльной пеной, и отпила глоток. Сладкое вино смешалось с сароматом лаванды и розовой воды. Я вспомнила вкус Дилана во время нашего поцелуя после дегустации рецины. Вкус вина, древесины и тепла.

Я приподняла бедра, мыльные пузырьки касались самых чувствительных частей моего тела, показываясь из-под воды, погружаясь и снова появляясь. Какие же приятные,

дразнящие, расслабляющие и успокаивающие ощущения приносило колыхание воды, бившейся о старую темную кафельную плитку ванны. Жалко только, что они были не особо яркими.

Мою грудь почти полностью скрывали пузырьки, от шеи до ложбинки грудей тянулся мыльный узор V-образной формы, оставленный серебряным кулоном, подаренным Диланом, который внизу приобретал форму восклицательного знака, сформировавшись в двойную спираль. Пузырьки цеплялись за металл, лопались и стекали по груди, скатываясь ниже к пупку и оставляя мыльный след.

Закрыв глаза, я откинула голову на бортик ванны, позволяя руке скользить по оставленному следу, мечтая снять напряжение, стремясь к разрядке. Целую неделю, с той самой вечеринки в шкафу, а затем после телефонного разговора я чувствую не проходящее возбуждение...

Серебро холодило мою кожу. Я поерзала в мыльной воде, пытаюсь найти лучшее положение и давление там, где мне это было необходимо, но это не дало особых результатов. Я всегда могла, и сама с этим справиться, но сейчас мой голод, вызванный Диланом, таким способом не утолить.

Нет, это по-прежнему сексуально, просто сейчас недостаточно. Безусловно, мне хотелось срывать с Дилана одежду, но я также хотела, чтобы он был рядом со мной, как весь этот семестр, болтал про водоросли, смеялся над ошибками в своих записях и радовался, когда я обслуживала его в «Верде». По последнему я тоже скучала. Может быть, со временем мне будет достаточно и этого. Такой малости.

Нет. Я резко встала и выдернула пробку из ванны. Пока мыльная вода смывалась в сток, я включила душ и встала под струи воды, и по мере оседания пены ко мне возвращалось благоразумие. У нас не получится вернуться к тому, что было раньше. В следующий раз, когда Дилан позвонит, я отвечу на его звонок.

Но после того как я вымылась, вытерлась и улеглась в постель, завернувшись в очаровательную шелковую пижаму, я вспомнила, что Сильвия стащила мой телефон.

*****

Проснувшись утром, я почувствовала себя свободной. Сделала чай, тост и принялась читать газету. Как только время перевалило за девять утра, я уселась за компьютер, чтобы проверить почту.

Среди новых сообщений было письмо и от Сильвии.

«Тема: Возвращение телефона.»

Сейчас я понимаю, что забрать его было плохой идеей. Я, конечно же, не помню домашний номер твоей мамы. Повезет, если у меня правильный адрес. Надеюсь, ты вовремя его получишь. И прости меня. С.»

Я нахмурила брови. Сильвия снова использует шифр? Я не злилась на нее за отобранный телефон. Она оказалась права, прошлым вечером я так сходила из-за него с ума. И что это за хрень про мой адрес? Я очень надеюсь, что она не отправила его мне по почте, когда мы и так через два часа увидимся на работе.

В дверь позвонили.

— Кто-то рано, — отозвалась из кухни мама. И неожиданно. Возможно, соседи решили одолжить кофе? Я отъехала на стуле от стола, но мама успела подойти к двери прежде, чем я

покинула комнату.

— Привет, — произнес голос, который я тут же узнала. — Вы, должно быть, миссис Макманн. Я принес пончики.

Я увидела Дилана, стоящего на пороге. Он был в джинсах, в толстовке с капюшоном с символикой Кантона и, черт меня возьми, в сводящих меня с ума очках. Его волосы были небрежно уложены так же, как тогда, при первой нашей встрече, а вот щетина на его подбородки — уже совершенно другая история. Прошли годы со времен старшей школы и несколько дней с тех пор, как мы говорили в последний раз.

Дилан тоже заметил меня и, не глядя на мою маму, передал ей выпечку.

— Тесс. — Всего два шага, и он оказался в моей комнате. Его руки проследовали вверх, накрывая ладонями мое лицо, пальцами вплетаясь в растрепанные после сна волосы. — Я больше не могу ждать, — прошептал он, а затем наши губы соединились в нежном, сладком поцелуе. Приветствуя. Обещая.

— Что ж, — произнесла моя мама, — я бы спросила кто ты такой, но, полагаю, что уже и так догадалась. Мистер Кулон.

Он повернулся к ней и протянул руку.

— Извините, где мои манеры. Я Дилан Кингсли.

— Партнер по лабораторной? — Моя мама прищурила глаза. — Моя дочь скрыла от меня этот факт.

— Вполне справедливо, — ответил Дилан. — Вышло так, что я избегал ее.

*****

— Ты не должен был говорить моей маме подобные вещи, — произнесла я. Мы стояли на улице, вдыхая прохладный свежий ноябрьский воздух. Коробка с пончиками была забыта на кухне, когда мы вышли наружу, чтобы поговорить и во всем разобраться.

— Какие вещи?

— Что ты избегал меня.

— Но это правда, — ответил Дилан. — И к тому же это было смешно.

Я слегка покачала головой и отвела взгляд в сторону.

— Твое второе любимое увлечение.

— Ты моё любимое увлечение.

Я прикусила губу. Когда он говорит такое, мне хочется верить в правдивость его слов. Но в среду вечером...

— Не беспокойся о своей маме, — продолжил он. — Я отлично лажу с родителями.

В это я охотно готова поверить. Уверена, он очаровал отца раньше, чем разбил сердце другой его дочери.

— Значит, Сильвия дала тебе мой адрес.

— И телефон. — Он выудил телефон и передал его мне. Наши пальцы соприкоснулись, и я немного смутилась.

— Считаешь, что и вправду хорош в отношениях с родителями? — спросила я у него, чтобы хоть как-то успокоить нервы. — Сильвия крепкий орешек. Не могу поверить, что она сказала, где я живу.

— Я поклялся, что закачу сцену, если она не скажет. Ты же, по-видимому, решила меня избегать в колледже и дома, — сказал Дилан, пожимая плечами. — И в сообщениях.

— Сильвия отобрала мой телефон, — заметила я.

— Я имел в виду твои ответы.

Я пошла вперед, передвигаясь очень быстро, так что Дилану пришлось пробежаться, чтобы нагнать меня.

— Что теперь? — спросила я. — Готов меня подхватить? Я не библиотечная книга, которую можно отложить.

— Нет. Тесс... — Он пропустил руку сквозь волосы. — Если бы мы не встретились в прошлую среду, когда я сослался на плохое самочувствие в тот вечер в лаборатории, взял день или два, а потом пришел и сообщил, что порвал с Ханной, мы бы сейчас стояли здесь?

Если, если, если. Если бы я не бросила его два года назад, если бы Ханна не заболела на прошлой неделе, если бы Мари Свифт не забеременела Ханной, когда началась интрижка моих родителей... Какой смысл в этих «Если»...? Мы здесь и сейчас.

— Наверное, нет, — призналась я. — Возможно, правда не всегда уместна.

— Я никогда в такое не поверю. Но да, время может быть важным фактором. — Дилан потянулся ко мне, и я позволила ему переплести наши пальцы.

Мы шли какое-то время — вот так, взявшись за руки, не произнеся ни слова.

— Я хочу быть с тобой, Тесс, — мягко сказал он, сжимая мою руку. — Скажи мне, как это сделать?

— Это итак происходит. Уже случилось.

Дилан остановился, резко развернул меня, и я прильнула к его телу. На лице парня появилось изумленное выражение, а в голубых глазах читалось облегчение.

— Почему ты не сказала мне?

Моя свободная рука потянулась к шее, к серебряному кулону.

— Что мне нужно было сказать, Дилан? Я здесь, ты здесь. Ничто больше не разлучит нас. Рада ли я тому, что случилось в лаборатории на прошлой неделе? Нет. Был ли ты счастлив, когда я перестала звонить тебе два года назад? Конечно, нет. Но это не остановило тебя, когда я вернулась. И я не позволю, чтобы одна дурацкая ночь остановила нас.

Он притянул меня к себе в объятия, спрятав лицо в изгибе моей шеи.

— Господи, Тесс, — прошептал он. — Я думал, что всё испортил. Когда ты ушла, когда ты не пришла на занятие...

— Всё пошло наперекосяк, — согласилась я. — Всё всегда идет наперекосяк. У нас уже два года всё идет не так. Но мы, наконец, получили шанс сделать всё правильно. — Я не могу позволить всем плохим решениям, которые мы приняли — неверным решениям двух поколений — разрушить то, что было у нас с Диланом. Этому не бывать.

Мы сделали всё возможное, использовали все шансы. И теперь можем начать всё заново.

Глава 20

В пятницу накануне празднования Дня Благодарения Дилан пригласил меня на наше первое настоящее свидание. Прошлая неделя прошла достаточно напряженно: мы много часов трудились над нашим проектом и еще больше над контрольными вопросами, тестами и задачами для профильных курсов. После перерыва на День Благодарения впереди нас ждала еще одна учебная неделя, затем неделя на подготовку перед экзаменами, финальные экзамены и симпозиум, на который я возлагала все свои финансовые надежды. С работы на это время удалось отпроситься, ведь большинство студентов разъезжались по домам, и

большого наплыва посетителей не ожидалось. Даже те из нас, кто называл Кантон родным городом, — такие как Ханна, например, — на выходные уехали в неизвестном направлении. Также поступил и мой отец, который, по словам мамы, уехал куда-то со своей семьей.

Должна признаться, какая-то часть меня задавалась вопросом: не этого ли момента ждал Дилан, чтобы пригласить меня куда-нибудь в город? Наши отношения до сих пор состояли из украденных поцелуев после работы в лаборатории и редких обедов. Что технически не слишком сильно отличалось от того, чем мы занимались, когда еще официально не встречались. Да, сейчас мы считались парой, но не имело значения, сколько раз я это себе повторяла, всё равно до конца поверить не могла. Моего небогатого опыта с парнями не хватало, чтобы научиться себя правильно вести именно с этим конкретным парнем. С парнем, которого я люблю. С парнем, отношения с которым когда-то продлились лишь неделю и вылились в нечто гораздо большее.

В субботу во второй половине дня Дилан планировал уехать домой, но обещал вернуться сразу же после Дня Благодарения, чтобы успеть внести последние штрихи в наш проект перед сдачей его на кафедру и, как он добавил, провести какое-то время вместе перед наступлением безумия, связанного с экзаменами. Это означало, что если мы не выберемся куда-нибудь сегодня вечером, то шанса встретиться до экзаменов или, если учитывать то усердие, с которым Дилан набрасывается на лабораторные исследования, даже до рождественских каникул больше не будет. А к тому времени мы уже будем встречаться месяц. Такой срок может показаться одновременно слишком коротким и очень долгим.

Вот такие мысли кружились вихрем в моей голове, пока я принимала душ, одевалась и наносила макияж. Я сделала неброский мейк — не такой ярко-кричащий, какой обычно накладывает Кристина — лишь немного туши и капельку блеска для губ. Я надела черное платье с запахом, взятое из своего, а не из мамина обширного гардероба. Платье было широким с пышной юбкой и глубоким V-образным вырезом, в котором проглядывался кулон. С помощью фена я придала волосам объем и оставила их свободными волнами струиться по плечам. А после долго и оценивающе рассматривала себя в зеркале.

Я не мои родители. Да, у меня глаза отца, а лицо и фигура матери, но я не должна следовать по их стопам. Мальчик, который любил меня и которого я любила в ответ, оказался достаточно сильным, чтобы сделать выбор в мою пользу. Его любви хватило, чтобы сделать меня своей по-настоящему. Это было всё, чего я хотела, всё, о чем я просила, хотя думала, что такая девушка как я никогда не сможет иметь подобного.

Так почему же я не чувствую себя счастливой?

Мои сомнения продолжали меня терзать, пока не раздался стук в дверь. Как только я увидела его, всё остальное перестало иметь значение. Дилан был одет в темные брюки и темно-серый свитер, от цвета которого его глаза сверкали как бенгальские огни. Или, возможно, из-за лица, которое так и светилось.

— Тесс, — едва слышно выдохнул он. — Ты прекрасно выглядишь.

Я прикоснулась к юбке.

— Разумеется. Стоит скинуть лабораторный халат, и ты хорошеешь на глазах.

— Нет, — ответил он. — Ты и в халате смотришься замечательно.

Перекинувшись с мамой парой слов, он взял меня за руку и повел к своей машине.

— Куда направимся? — спросила я, как только мы пристегнулись.

— В «Верде».

Я повернулась к нему, изумленно подняв брови.

— Что, не нравится это место? Ты же проводишь там много времени. Я решил, что оно твое любимое. — Он подмигнул мне и потащил со стоянки. — Не беспокойся, Ти. Мне не удалось пригласить тебя отпраздновать твой день рождения, но я знаю место, которое, как мне кажется, тебе понравится. Оно немного вычурное, и там точно не обслуживают несовершеннолетних студентов, так что у тебя появится выдающаяся возможность поэкспериментировать.

Значит, по этой причине он не водил туда Ханну? Ведь ей еще не исполнился двадцать один год. Не целенаправленно ли он повел меня в место, находящееся далеко от кампуса? Может, он надеялся не нарваться на тех, кто знал его и Ханну?

Так, перестань об этом думать, Тесс. Остановись.

Спустя примерно пятнадцать минут Дилан подъехал к невзрачному кирпичному зданию, в котором располагалось кафе. На черном навесе при входе золотистыми печатными буквами было выведено название, но с того ракурса, где стояла я, прочитать его не удавалось. Мы подошли к входной двери.

— «Алхимия», — произнесла я, наконец сумев прочесть название.

— После тебя, напарник, — произнес Дилан, открывая передо мной дверь.

Обстановка внутри была оформлена в стилистике фильмов про Шерлока Холмса: кирпичные неоштукатуренные стены, металлические трубы, тянущиеся в разные стороны. По всему бару были развешаны гигантские стеклянные резервуары, подсвечивающиеся изнутри некой таинственной консистенцией, излучающей зеленовато-золотисто-синее сияние. На стеллажах вдоль стен выстроились бутылки из темного стекла с надписями, выведенными трафаретным шрифтом. Это место совсем не напоминало бар, оно больше походило на аптеку викторианской эпохи.

Мы с Диланом обнаружили свободное место за небольшим высоким столом. Я взгромоздилась на кожаный табурет так, что широкая юбка моего платья сползла в сторону. Открыв меню в кожаном переплете, я принялась изучать предложения, разбитые на такие категории как «Отвар», «Эликсир» и «Зелья». Вот уж точно, это заведение далеко не «Верде». Здесь не подавали «Амаретто сауэр», и, несмотря на свой опыт работы барменом, я не узнавала и половину названий перечисленных ликеров.

— Прелестно, — констатировала я, наблюдая за Диланом поверх меню.

— Точно, — ответил он. — Итак... Ты хотя бы имеешь представление, какова на вкус бузина?

К нашему столику подошла официантка, одетая в рубашку с высоким воротником и пышными рукавами и юбку с турнюром.²⁷ Произнеся скороговоркой полагающиеся формальности, она проинформировала нас о специальной акции, доступной в этот вечер. Похоже, они наняли гадалку, читающую по руке, чтобы помочь посетителям выбрать идеальный напиток, основанный на предсказании.

— Интересно? — спросила официантка. — Я свой не выпила, потому что началась моя смена, но, должна сказать, мне нравится мое предсказание.

— Я довольно скептически отношусь к подобным вещам, — констатировала я.

— Это всего лишь напиток, — подчеркнул Дилан, — а не инструкция на всю жизнь.

— О, милый, — произнесла официантка, забирая наше меню, — ты явно раньше не пробовал ни один из наших коктейлей.

В конце концов, мы решили предоставить возможность гадалке выбрать для нас напиток, так сказать, на память. К нам подошла женщина средних лет в струящейся одежде и

с огромным количеством браслетов на руках.

— Я мадам Мисти, — произнесла она мелодичным голосом. — Дай мне свою ладонь.

Я уклонилась, нервно посмеиваясь.

— Ты первый, Дилан, — предложила я. — Этот бар — твоя идея.

Он пожал плечами, храбро протягивая руку.

— Честно говоря, я пришел сюда укреплять отношения, а не за мистикой.

Я ждала, пока женщина начнет читать по ладони Дилана, но ничего подобного не случилось. Вместо этого, она на мгновение заглянула в его глаза, несколько раз шлепнула по тыльной и нижней части ладони, один раз перевернула ее, а затем глубоко вздохнула.

— Ты на правильном пути, — сказала она.

— Рад, это слышать, — улыбаясь, произнес Дилан. — Что мне следует выпить?

— Всё, что хочешь, — сухо ответила она. — Ты не ошибёшься с выбором. Ты умный и амбициозный, но никогда не позволяй этому ввести себя в заблуждение. Ты следуешь своему сердцу, и оно у тебя чистое. Работа, которую ты проделываешь, проистекает из истинной страсти. Как и любовь, которую ты познал. Нисколько не сомневайся, ты на верном пути. Что прямо сейчас ты хочешь выпить?

— Полагаю, нам должны вернуть деньги, — заметила я, посмотрев на женщину. — Я считала, что это вы должны выбрать для нас напиток.

Она закатила глаза.

— Хорошо. Я запишу свой вариант, а после спросим твоего парня.

— Как вы узнали, что я ее парень? — удивился Дилан.

Мадам Мисти повернулась к нему.

— Оттуда же, откуда знаю, что ей не понравится то, что я выберу для нее. — Женщина достала ручку и нацарапала записку на салфетке, а затем подсунула ее мне. — Держи, — произнесла она и вновь перевела взгляд на Дилана. — Теперь скажи мне, чего ты хочешь?

— Виски, — ответил он. — С какими-нибудь пряностями, но не сильно сладкий, чтобы не перебивался вкус.

Я развернула салфетку.

— Здесь написано: «Золотое сердце».

Дилан сверился с меню.

— Вот оно. Рожь, коньяк, пишо биттер²⁸ и абсент. Что это?

— Похож на коктейль «Сазерак», — ответила я. — Виски, пряности и немного сладости. То, что ты и просил.

— Теперь поверила? — подняв брови, задала мне вопрос мадам Мисти.

Я сделала вдох и протянула руку.

Она несколько раз ее повертела, и хмурый взгляд исказил черты ее лица.

— Ох.

— Ох? — повторил Дилан с лукавой усмешкой.

— Не освободившись, ты никогда не обретешь свободу.

Похоже на тавтологию, подумалось мне.

— Должно быть, она перепутала нас? — спросил Дилан. — Именно мне необходимо было обрести свободу, — пояснил он гадалке.

Нет, ее предсказание Дилану было абсолютно верным. Он всегда следовал своему сердцу, был верен себе и хотел поступать правильно.

— Внутри тебя пылает огонь, который погрузиться во тьму, если ты не будешь

осторожна.

— Ого, — произнесла я легкомысленно. — Ваше предсказание верно только в одном: не думаю, что мне понравится напиток, выбранный для меня.

— Но, тем не менее, тебе следует позволить мне выбрать, — возразила мадам Мисти. — Но ни один из возможных вариантов не будет истинным, пока твое сердце окутано ложью.

Я вырвала руку, словно женщина обжигала ее одним своим прикосновением. Как она посмела сказать такое вслух. Откуда ей знать?

— Что мне выпить? — категоричным тоном спросила я. Не позволю ни ей, ни Дилану понять, как сильно взволновали меня ее слова.

— «Любовь, истекающая кровью», — ответила она, а после удалилась.

— Какое мошенничество, — возмутилась я, как только гадалка оказалась вне пределов слышимости. Seriously, что за фигня? Она пыталась сорвать наше свидание? Пыталась разрушить мою жизнь? Ведь это единственный возможный вариант. Не похожа она на настоящего экстрасенса!

Казалось, Дилан не придавал значения словам гадалки.

— «Любовь, истекающая кровью», — прочитал Дилан в меню. — Апельсин, кампари,²⁹ джин... Звучит вкусно.

— Звучит горько, — сказала я, и только после того, как слова сорвались с языка, поняла, какое именно слово употребила.

— Это просто игра, — попытался успокоить меня Дилан. — Если хочешь, закажи мартини. Тебя же никто не заставляет пить именно этот напиток.

И когда официантка вновь подошла к нашему столику, я заказала то, что в меню имело название «Тоник бузины», а Дилан в соответствии с предсказанием заказал «Золотое сердце». Помимо напитков мы заказали еду. Теперь, когда гадалка благополучно обслуживала клиентов на другом конце ресторана, я начала расслабляться. Дилан явно не придавал особого значения ее предсказаниям, и мне не следовало. Это лишь удачная догадка. Или, возможно, таков ее способ заработка: подкатывать к мужчинам и обескураживать их спутниц в надежде получить чаевые. Я знала несколько официанток в «Верде», которые проделывали такие фокусы.

«Тоник бузины» состоял из насыщенного вкуса травяного коктейля, подаваемого в высоком тонком стакане с веточкой розмарина. «Золотое сердце» принесли в бокале для бренди. Оба напитка имели восхитительный вкус. И пока мы наслаждались ими и беседой, свидание вернулось в нужное русло.

— У тебя есть планы на лето? — спросил меня Дилан, когда мы приступили к еде.

— Не уверена, что могу планировать что-либо даже на следующий семестр, — ответила я. — Если нам не удастся победить на симпозиуме, я не смогу позволить себе закончить учебу в Кантоне. Возможно, придется пропустить один или два семестра, чтобы заработать немного денег.

Глаза парня расширились.

— Тесс, всё не может быть настолько плохо.

Я лишь пожала плечами. Как знать. В конце концов, возможно, маме удастся поговорить с отцом, чтобы тот одолжил мне денег. Теперь, когда его злость на мой перевод в Кантон за его спиной стала утихать, вряд ли он попрекнет меня за несколько тысяч долларов в семестр. Учитывая тот факт, что ему не приходится оплачивать мою квартиру.

— Во время учебы в государственном университете, отец давал мне деньги, но сейчас

прекратил.

Проблема заключалась в том, что я сама больше не хотела брать его деньги.

— Паршиво. — Дилан наблюдал за мной, хмурясь от беспокойства. — Ты никогда не говоришь о своем отце.

— Мы не очень близки.

— Он живет здесь, в Кантоне?

Тревожные звончки прозвучали в моей голове.

— Да, — ответила я и сделала глоток из своего бокала.

Дилан не стал дальше развивать эту тему.

— В таком случае, я полагаю, мы просто обязаны выиграть симпозиум.

— Я выпью за это! — Мы чокнулись, и голубые глаза Дилана встретились с моими, когда мы отпивали напитки из своих бокалов.

— А если серьезно... Какие у тебя планы на лето?

— А что?

Он опустил бокал на стол.

— Я получил оплачиваемую стажировку в «Соларикс», и, когда утром я разговаривал со своим контактным лицом, она упомянула, что у них, возможно, будет еще одно место.

Моя вилка упала на тарелку.

— В Колорадо? — Соларикс — одна из крупных биоинженерных компаний в стране, занимающаяся выращиванием в огромных масштабах опытных образцов водорослей.

— Они также оплачивают проживание. — На мгновение на лице Дилана промелькнула нерешительность. — Не слишком же рано просить тебя провести со мной лето?

Да. Нет. По правде, мы только начали встречаться, но казалось, нас будто вознаградили за те два года, что мы провели в разлуке.

Я выбрала безопасный вариант.

— Вероятно, слишком рано, спрашивать о чем-то конкретном, — смеясь, произнесла я. — Если только ты не можешь предложить мне работу.

— Но, Тесс, ты подходящий кандидат.

— Сколько мне заплатят? — спросила я. Даже имея оплачиваемое жилье в Колорадо, останься я здесь и получи место в лаборатории, скажем, в «Кантон Хем», у меня оставалась возможность взять дополнительные смены в «Верде», чтобы заработать немного денег.

Но в таком случае Дилан не будет рядом. Стажировка в «Соларикс» означала, что мы будем вместе. Далеко от Кантона, далеко от Ханны и отца, от всех наших секретов. Как в старые добрые времена, когда мы проходили практику в Корнельском университете, где я не чувствовала, что постоянно ему вру.

Тьфу, глупая гадалка. Неужели из-за нее я испорчу себе вечер?

Вместо этого, я позволила Дилану рассказать мне о работе. Я дала ему шанс сочинить прекрасную сказку про нас, про пару ученых, которые вместе живут в Колорадо и каждый день бок о бок работают в лаборатории.

— И лето в Колорадо восхитительно. Хотя я даже не знаю, нравится ли тебе походы, рыбалки и тому подобные вещи?

— Мне действительно нравятся пешие прогулки, — произнесла я. — И есть рыбу. Я ни разу не поймала ни одной, но разрешу тебе научить меня. — Как бы мне хотелось заниматься всеми этими вещами с ним. Как и многими другими.

К тому времени как убрали наши тарелки, дурное предчувствие от предупреждения

гадалки почти исчезло. Официантка подала нам меню с десертами, но Дилан накрыл своей рукой мою.

— Дома у меня есть кое-что для тебя, — произнес он с полным надежды лицом.

Дрожь пробежала по моей коже.

— Что-нибудь сладкое?

— Надеюсь на это.

Что ж, я не могла дожидаться.

Глава 21

Всё же быстро оплатить счет нам не удалось.

Взявшись за руки, мы направились к машине. Дилан продолжал нагонять тумана про свои планы на десерт.

— Это продукт животного, растительного или минерального происхождения? — спросила я. — Скажи мне хотя бы это.

Всю дорогу до университетского городка с лица Дилана не сползала улыбка.

— Как только ты ответишь, какой из минералов ты предпочитаешь в качестве еды.

— Соль? — спустя какое-то мгновение предположила я.

— Туше. Тогда определенно в моем десерте есть кое-какие минералы. А заодно продукты животного и растительного происхождения

— Ты невозможен.

В ответ на мои слова Дилан лишь широко улыбнулся.

По дороге к корпусу руки парня обхватили мою талию, удерживая юбку, которая постоянно переворачивалась на бедрах. Поднявшись на его этаж, я увидела двух парней, вышедших из комнаты на другом конце коридора. Они остановились и помахали нам рукой в знак приветствия. Дилан назвал их имена — Джон и Гэри — и представил меня им.

— Это Тесс, моя девушка.

В моем распоряжении было мгновение, чтобы насладиться этими словами. Не думаю, что Дилан когда-либо произносил их вслух. А затем я обратила внимание на реакцию парней. Глаза Джона расширились, а Гэри произнес:

— О, что ж, приятно познакомиться с тобой.

Я поняла, что скрывалось за непроизнесенным молчаливым вопросом: что случилось с Ханной?

Как неловко.

Но опять же, какое мне дело до того, кто и что мог подумать? Только Дилан имел значение. Дилан, который представлял меня, как свою девушку любому, кто хотел слышать это. Ясно же, что он недавно порвал с Ханной. Ладно-ладно, правда в том, что им помогли расстаться.

Все мысли о Ханне испарились, как только Дилан толкнул дверь и затащил меня внутрь. Закрыв ее ногой, он притянул меня к себе.

— На самом деле у тебя нет никакого десерта? — пробормотала я рядом с его ртом.

— Ты меня недооцениваешь. — Взяв мою руку, он повел меня по коридору в главную комнату студии. То, что я приняла за искусственное освещение, льющееся из прихожей, преобразовалось в нечто мягкое и мерцающее. Свечи под стеклянными колбами, расставленные на книжных полках и барной стойке на кухоньке, словно подмигивали мне и

создавали волшебную, романтическую, неповторимую атмосферу. Я обернулась, чтобы взглянуть на Дилана, уже расставляющего тарелки.

— Тебе не следовало оставлять свечи зажжёнными, — дразня, пожурела его я.

— Я попросил друга перед нашим приходом зажечь их, — произнес он, раскладывая вилки.

— Ты не делал... — умолкла я. Он не делал что? Не попросил друга? Не расставил свечи по всей комнате ради меня? Сделал выбор в мою пользу, а не Ханны? Любил меня? Помимо всего прочего Дилан сделал и это. Во рту всё пересохло, пока я наблюдала за тем, как он раскладывает салфетки и столовые приборы, эффектно срывает фольгу, накрывавшую блюдо с выпечкой. Дилан всегда оставался для меня загадкой. Он остановил свой выбор на мне, он полюбил меня, а теперь приготовил какой-то по-настоящему сложный десерт, чтобы произвести на меня впечатление... Неужели, чтобы затащить меня в постель?

Да ладно, Кингсли, подумала я. В прошлый раз, когда я спала с тобой, ты не удосужился даже пригласить меня на ужин. Неужели ты не понимаешь, что мне плевать на такие вещи?

Но несмотря на то, что мне были безразличны такие мелочи, это не означало, что он не хотел, так или иначе, произвести на меня впечатление.

Тут я осознала, что Дилан ожидает от меня какой-нибудь реакции.

— Это пахлава, — произнес он, наконец. — Сам приготовил.

Я сглотнула, а затем подошла к нему, замершему около столешницы.

— Спасибо.

— Ты еще даже не попробовала, — подразнил он. — Пахлава состоит из слоеного теста с орехами в сиропе. На самом деле, это самый сложный десерт, который я когда-либо готовил.

— И ты приготовил его для меня.

— Конечно, но надеюсь, ты поделишься...

— Для меня.

Он внимательно изучал меня, потом протянул руку и обмакнул палец в сироп, стекающий с каждого треугольного кусочка.

— Для тебя, — повторил он и провел большим пальцем, смазанным сиропом, по моим губам.

Я схватила кончик его пальца в рот и слизала всю сладость. Парень судорожно вздохнул, стиснув зубы.

— Осторожно, Тесс, — предупредил он. — Сделаешь так еще раз, и нам точно не удастся отведать пахлаву, о чем, кстати, я мечтал весь день.

— Я мечтала о чем-то другом гораздо дольше. — С этими словами я обхватила его руками за шею.

На вкус Дилан напоминал виски и сироп. Захватив губами его нижнюю губу, я пососала ее, проделывая с ней те же манипуляции, что и с его пальцем до этого. Парень застонал и обхватил руками мою талию, чуть ближе притягивая меня к себе и слегка приподнимая, пока наши тела не прижались друг к другу. Наши языки соприкоснулись, разошлись и снова заскользили в едином ритме.

— А как же пахлава? — пробормотала я, когда он начал подталкивать меня от столешницы к дивану.

— Никогда не слышал о ней, — выдохнул Дилан мне в шею.

Мы упали на диван, наши тела заскользили, плотно прижались друг к другу, сплелись, образуя клубок из наших рук и ног, как бы говоря, что, если мы сильно постараемся, сможем слиться воедино и стать одним целым. С усилием я протиснула руки между нашими телами, пытаюсь справиться с пряжкой его ремня. Дилан сорвал свитер через голову, а я скинула обувь.

А затем мы снова слились в поцелуе. Наше дыхание звучало в унисон, каждое прикосновение губ было сопоставимо с неделями накопленного томления. И только сейчас я поняла: Дилан мой. Мой. Я могла делать с ним всё, что мне захочется, и не испытывать при этом чувства вины. Я боролась, я ждала, и это... Это моя награда.

Я положила руку ему на грудь и толкнула на диван. Он замер, с любопытством разглядывая меня своими голубыми глазами.

Я приподнялась и схватила завязки, удерживающие полы моего платья, потянула за них и стянула вещицу с плеч. Ткань упала к моим ногам, оставляя меня в черных кружевных трусиках- хипстерах и такого же цвета лифчике. Без сомнений, как только взгляд Дилана заскользил по мне, его глаза моментально загорелись чистой похотью. Он приподнялся на матрасе, опираясь на локти и изучая мое тело.

— Похоже на твои воспоминания? — спросила я у него, слегка покручиваясь в мерцающем свете свечей.

— Нет, — ответил он. — Тогда на тебе не было и в половину такого же занимательного нижнего белья.

Мои пальцы опустились на кружевную отделку чашечек бюстгалтера и заскользили по краям, скрывающим соски, которые под пристальным взглядом Дилана начали твердеть.

— И это всё? — Я наклонилась вперед, и острые вершинки сосков выскочили из-под кружева.

С кровати до меня донеслось прерывистое дыхание.

— Тесс, моя память не настолько крепкая.

— Что категорически не соответствует действительности, телефонный мальчик.

С его губ сорвался смешок.

— Телефонный мальчик? — спросил он, ухмыляясь. — Ах, это. Что ж, те воспоминания, определенно не могут соответствовать реальности.

— Тогда нам следует их освежить, — ответила я, опускаясь коленями на матрас и устраиваясь сверху на Дилане, который снова лег на спину. Когда я склонилась над ним, слегка потираясь об него, руки парня потянулись к моим бедрам, а затем заскользили вверх к моей груди. Серебряный кулон раскачивался между нами, вспыхивая, словно пламя свечи. — Воспоминания пробудились? — поддразнила я парня.

— *Нечто другое* пробудилось. — Дотрагиваясь большими пальцами до моих сосков, он освободил мою грудь от бюстгалтера. — Боже, Тесс, ты прекрасна.

— Ты всё время продолжаешь это повторять.

— Потому что так оно и есть. — Он приподнялся на локтях и взял один из моих сосков в рот, вытворяя своим языком такие вещи, о которых восемнадцатилетний Дилан, вероятно, никогда даже не помышлял. От усиливающейся тупой и пульсирующей боли между ног я качнулась на его бедрах, ощущая его эрекцию под слоями одежды, которую он до сих пор не снял.

— Знаешь, чего я не должна была делать два года назад? — спросила я у него и, не дожидаясь ответа, сползла вниз, стаскивая с него штаны и трусы. Когда Дилан остался без

одежды, мои руки потянулись к его члену, обхватывая пальцами его основание, слегка подергивая и проводя дразнящими движениями по всей его длине. Затем я наклонилась и втянула его в рот.

— Тэсс... — прошипел Дилан, запуская руки в мои волосы и легонько накручивая пряди на пальцы.

Мне нравилось ощущать его размер и мощь, слегка солоноватый привкус, но едва я начала двигаться, как Дилан притянул меня к себе и крепко прижался к моим губам в глубоком жадном поцелуе. Его руки заскользили по моей спине к застёжке лифчика, затем опустились на талию и сорвали с меня трусики. Дилан перекатился, и я оказалась под ним. Он стаскивал с меня одежду, пока я подобно ему не оказалась обнаженной. Он замер, пристально разглядывая меня в мерцающем свете. Золотистое сияние свечей отливало причудливые формы, мерцающие мрачными тенями на его скульптурном лице. Казалось, глаза парня озарены светом, а взгляд наполнен трепетным благоговением, словно он разглядывал великое произведение искусства в соборе.

— В последний раз, когда я видел тебя такой, — прошептал он и провел четырьмя пальцами по моему туловищу, — твое тело было испещрено полосками тени от проникающего сквозь жалюзи солнечного света. Но на этот раз ты похожа на живопись... — Дилан снова перевел взгляд на мое лицо, встречаясь с моими глазами.

— Я не живопись, — возразила я, протягивая руку и накрывая ладонью его щеку. — И не воспоминание.

— Я хочу тебя при любом излучаемом свете: при солнечных лучах, при свечах, сумерках.

— Я собираюсь воспользоваться правом вето на флуоресцентный свет, — пошутила я.

Дилан вновь прижался к моим губам в нежном поцелуе, от которого я еще больше растворилась в небытие. Его рука скользнула между моих ног и принялась дразнить, вырисовывая круги, ласкать меня, пока от переполнявшего сексуального напряжения и вожделения я не стала извиваться в его руках.

Дилан направился в ванную за презервативом и при возвращении обнаружил меня, стоящую на коленях и ждущую его.

— Тэсс.

Я приложила палец к его губам.

— Только не говори снова, что я прекрасна.

— Я собирался сказать, что ты великолепна.

— Так-то лучше. — Мы встали на колени, прислонившись друг другу грудью, и переплели наши руки.

— Я собирался сказать, как мне жаль, что нам пришлось так много времени потратить, чтобы оказаться здесь и сейчас.

— Ммм. — Я наклонилась, пробуя на вкус его ключицу и шею

— Я собирался сказать, что если не окажусь внутри тебя в течение следующих пяти секунд, то взорвусь.

— Мы не позволим такому случиться, — сказала я, опрокидывая парня на кровать. — Иначе твой десерт испортится.

Спустя несколько секунд я опустилась на Дилана, задержав дыхание, когда он полностью заполнил меня собой. На мгновение я даже перестала двигаться, сосредоточив свой взгляд на парне. Дилан приподнялся, накрывая ладонями мои груди, оставляя легкий

поцелуй сначала на одной, потом на другой, постепенно поднимаясь к моему рту.

Наши губы слились в поцелуе, и мы начали двигаться, разъединяясь и снова соединяясь, с каждым разом становясь всё ближе, с каждым толчком стирая годы, проведенные в разлуке. Его лицо и руки были напряжены от едва сдерживаемого контроля, который он старался сохранить ради меня, что еще больше сводило меня с ума. Мне хотелось заставить его потерять контроль. Я приподняла его руки над головой, прижала их к постели и начала вращать бедрами, двигаясь всё быстрее и быстрее, пока серебряная цепочка на моей шее не начала ритмично биться о мою грудь. Пока моё имя на губах Дилана не переросло в скандирование, в мольбу, в первобытный крик. Пока закрученная до предела тугая пружина внутри моего тела не распрямилась, и я не начала пульсировать вокруг его члена, после чего Дилан последовал за мной.

Он вошел в меня в последний раз резко и глубоко, практически причиняя мне боль. Я рухнула на его грудь, наши сердца продолжали неистово стучать, а дыхание оставалось сбивчивым.

В конце концов, я провела пальцем по его влажному лбу.

— Итак...

— Итак? — улыбнулся он мне.

— Как насчет пахлавы?

*****

Мы перекусывали, лежа в постели, при свете свечей, всё еще оставаясь обнаженными, что облегчало нам задачу слизывать капельки сиропа, попадавшие на кожу. И после того, как Дилан начал слизывать капли с одного местечка, он решил проделать такое и с остальными частями моего тела.

Спустя какое-то время, когда я пришла в себя, он сгреб меня в охапку и крепко обнял.

— Что ж, ничего не поменялось, — сонно пробормотала я.

— Жаль это слышать. Мне казалось, что за два года я приобрел кое-какие навыки.

От подобного упоминания мышцы напряглись, и я взмолилась, чтобы Дилан этого не заметил. Мне не хотелось представлять его с другими женщинами. С Ханной.

— Трудно улечишь то, что и так совершенно, — заискивающе произнесла я.

— Лесть, Тесс, — начал он, наваливаясь сверху и проскальзывая внутрь меня, — лучший путь к успеху.

Вскоре мы провалились в глубокий сон, тесно переплетаясь друг с другом. В середине ночи я почувствовала, как Дилан поднялся с кровати, погасил свечи и принес теплое стеганное одеяло, укрыв нас им. Затем он снова привлек меня в свои объятия, и я провалилась в глубокий сон без сновидений.

На утро следующего дня, когда я открыла глаза, серый ноябрьский свет уже просачивался через окна. Я перевернулась и натолкнулась на сонную улыбку Дилана.

— Привет, — поздоровалась я, прижимаясь к нему.

— Жаль, что мне сегодня надо ехать домой, — начал он, обвив свои руки вокруг меня.

— Мне тоже.

Парень приподнялся на локте и окинул меня взглядом.

— Каковы мои шансы заставить тебя остаться здесь голой, пока я буду в отъезде?

— Как насчет никаких? — ответила я, потягиваясь в кровати. Тут же зрачки его глаз

расширились, и на моем лице расплылась торжествующая улыбка. — У меня много дел, которые необходимо закончить, мистер Кингсли. Написать отчеты. И по всей видимости, подать заявку на стажировку.

— Правильно. Я позабочусь, чтобы ты получила полную информацию. Боже, снова провести лето с тобой...

Я усмехнулась и покачала головой. Лето, зима — время года больше не имело значения. Дилан был со мной.

Он потянулся к буковке «Т», покоящейся на моей груди, обводя ее по контуру.

— Я рад, что оно тебе нравится.

— Я его обожаю. — Я провела пальцами вверх и вниз вдоль руки парня, пока он рассматривал украшение. — Где ты нашел такое совершенство?

Мгновение Дилан молчал, а когда заговорил, его голос звучал мягко.

— На самом деле я его сам сделал.

— За неделю? — изумилась я. — Ты совсем недавно узнал дату моего дня рождения.

Улыбка на его лице исчезла.

— Нет. Я смастерил украшение два года назад после возвращения из Корнелла домой, — произнес он, выпуская подвеску из рук. — Мой кузен работает с серебром. Я... Мне хотелось тебе что-нибудь подарить, но мы так больше и не встретились.

Наши взгляды столкнулись.

— Мне очень жаль, Дилан.

— Не надо, — ответил он, улыбаясь. — Ожидание того стоило. Всё, что случилось, того стоило, Тесс.

Я прикрыла глаза и прижалась к его плечу. Всё это было реально. Всё происходило на самом деле.

— И ты хранил его всё это время?

— Полагаю, во мне существует какая-то часть, которая никогда не сдаётся. Никогда. Мне плевать на долгое ожидание, плевать на то, через что нам пришлось пройти, чтобы оказаться здесь и сейчас. Я люблю тебя, Тесс. Всю свою жизнь я любил только тебя.

Я втянула воздух, сделав глубокий вдох, будто бы таким образом мои легкие, моя душа могли поглотить его слова.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала я.

Мы приняли душ и оделись, а после я ждала Дилана, который собирал вещи для поездки домой в Пенсильванию. На завтрак мы доели остатки пахлавывы, и по дороге Дилан подбросил меня домой. Во время поездки мы обсуждали, кому и что необходимо успеть сделать до окончания проекта, и какие шаги мне нужно предпринять для подачи заявки на стажировку в Колорадо. Мы строили грандиозные планы нашего будущего.

И я действительно верила, что оно у нас будет.

Глава 22

Следующие несколько недель пролетели словно в тумане: пары, лабораторные и заключительный этап подготовки к симпозиуму. Дни напролет я работала и училась бок о бок с Диланом, а большинство ночей проводила в его объятиях. Моя мама даже и не думала что-либо говорить мне по этому поводу в те немногие разы, когда мы в одно и то же время оказывались в нашей квартире. Она прекрасно знала, что большинство ночей я проводила

вне дома, но вряд ли у нее было моральное право делать мне замечания. В отличие от нее я спала со свободным парнем. В отличие от нее я была осторожна.

Из-за нечастого присутствия дома я совсем не видела отца, что меня вполне устраивало. При каждой нашей с ним встречи мои мысли возвращались к Ханне. Мне хотелось узнать у него, всё ли с ней в порядке. Как обстоят дела с ее щитовидной железой? Что с ее сердцем? Не слишком ли сильную боль причинил ей разрыв с Диланом? Но, разумеется, я этого не делала.

— Мама сказала, что у тебя появился молодой человек, — спросил меня однажды отец, пока я складывала постиранное белье на диване. Редко случалось, что мы с ним оставались наедине. Если он не собирался провести время с мамой, то практически и не заглядывал к нам. — Как обстоят дела?

— Хорошо. — Надеюсь, мама не проболталась, что моего приятеля зовут Дилан. — Он, как и я, учится на младших курсах в Кантоне.

— Это хорошо. — Он колебался. — Мама также сказала, что он очень вежливый молодой человек. Надеюсь, он к тебе хорошо относится?

Сейчас как раз тот самый момент, когда нормальный отец выразил бы желание познакомиться с парнем, с которым встречается его дочь. Но, само собой, это не наш случай.

— Он хорошо ко мне относится, — ответила я холодно. — У меня постоянные моногамные отношения с парнем, который не лжет мне или кому-либо еще. Это всё, о чем я могла просить.

Отец проигнорировал мою реплику, и после этого разговора мы не виделись больше недели.

Я знала, долго так продолжаться не может. В конце концов, мне придется назвать отцу имя своего бойфренда. Наверное, если летом мне удастся получить стажировку в Колорадо, мне придется сообщить родителям, что жить я собираюсь со своим парнем. Или, возможно, осенью, если нам удастся продлить договор на квартиру за пределами кампуса. Или через несколько лет, если наши отношения станут очень серьезными, и мы решим пожениться.

Вероятно, мне не стоит забегать настолько вперед. Но наступит день, когда отцу придется познакомиться с моим мужчиной, верно? Установят ли мои родители в этом случае очередное правило?

Тем не менее, я редко позволяла мыслям об отце или о Ханне вторгаться в мое новоявленное состояние блаженства, которое я нашла в компании Дилана. Всё вокруг засияло яркими красками: мои смены в ресторане перестали быть напряженными, намного проще стала переноситься учебная нагрузка, легче было смириться с постоянно уменьшающимся банковским счетом. Бывало, вечерами мы куда-то выбирались с друзьями. Сильвия склонилась к тому, что она обожает Дилана, даже Элейн стала дружелюбнее к нему относиться. В конце концов, она освоилась со своими предметными курсами, и ее конкурентная жилка пошла на убыль. Я наконец-то почувствовала, что у меня появились друзья на кафедре биоинженерии, образовался круг общения в Кантоне.

Разумеется, Дилан, был настроен весьма оптимистично. По его мнению, мы одержим победу на симпозиуме, получим деньги, одинаковую работу в «Солариксе» и отличные оценки. Каждую ночь он признавался мне в любви, и каждую ночь я отвечала ему тем же, это стало своего рода нашим талисманом перед неизвестным будущим. Мысли о том, что нас постигнет неудача и ничего не получится, я отметала прочь. Если не удастся устроиться на эту работу, если мы не победим на симпозиуме, если моя мама упомянет имя Дилана при

отце, и он сложит два и два...

Но всё произошло не так, как хотелось.

Даже после того, как мы закончили работу над нашим проектом и передали его на рассмотрение комиссии, дел не уменьшилось. На носу маячили финальные экзамены, и мы с Диланом проводили каждую секунду, склонившись над учебниками.

Однажды мама задерживалась на своих ежемесячных встречах по искусству, и Дилан пришел ко мне домой, прихватив с собой учебники и китайскую еду. Я лежала, свернувшись калачиком на диване, Дилан на кухне готовил напитки, когда послышался звук вставляемого в дверь ключа. Я едва успела поднять глаза, как дверь открылась и на пороге появился отец.

— О, привет, Тесс, — поздоровался он. — Твоя мама...

Должно быть, на моем лице отразилось некие отвратительные, неопишуемые, перепуганные эмоции, потому что его голос тут же смолк, словно я переключила канал. В тоже мгновение появился Дилан с двумя стаканами воды и устоялся на моего отца.

— Мистер Свифт? — последовал простой вопрос. Вот так просто.

— Простите, — отрывисто произнес отец. — Должно быть, ошибся дверью. — И тут же ушел, хлопнув за собой дверь, ничего не задев и одновременно разбив всё вдребезги.

Костяшки на руках, в которых я держала ручку, побелели, а язык примерз к гортани. В голове лихорадочно вертелись мысли, словно колеса на обледенелой дороге — пятьдесят тысяч оборотов в минуту и ни одной полезной.

Дилан повернулся ко мне с недоуменным выражением на лице.

— Ты знаешь этого человека?

— Нет, — произнесла я голосом, в точности похожим на мой. Сейчас я была очень далеко отсюда, проваливалась в так называемую черную дыру, образовавшуюся под действием гравитационного коллапса существующих правил.

— Но он пришел в твой дом.

— В квартиру. — Я опустила глаза на учебник, лежащий на коленях. — Просто ошибся дверью. Такое часто случается. Все эти двери снаружи выглядят одинаковыми.

Когда я все-таки снова нашла силы взглянуть на Дилана, то увидела, что он не сводит с меня взгляда, выглядя еще более озадаченным. Услышал ли он, как отец назвал меня по имени, как он спрашивал про маму? Его аналитический ум анализировал данные, пытаясь сопоставить их с моей версией. Я и подумать не могла, что такое может произойти.

— Но как он сюда попал?

— Хм? — включила я дурочку. — Должно быть, после твоего прихода я забыла запереть дверь. — Я молилась, чтобы он не слышал позвякивание отцовских ключей в замке.

— Она блокируется автоматически.

Черт. Вот и доверяй таким гениями, как Дилан. Обязательно обратят внимание на подобные вещи.

Я пожалала плечами. Нет, так неправильно. Я вела себя слишком спокойно для девушки, в квартиру которой ворвался посторонний человек. Я поднялась, подошла к двери, тем самым растягивая время, повернула засов и накинула цепочку.

— О, похоже, замок не закрылся. Он иногда заедает. Кусок мусора.

Когда я обернулась, Дилан, положив очки на кофейный столик, направился ко мне. Я попятилась к двери, мечтая оказаться по другую ее сторону, страшась того, что он узнает по моему лицу о существовании правил. Разумеется, Дилан не купился на мои слова.

— Тесс. — Нотки уныния прозвучали в его голосе. — Ты не знаешь этого человека?

Я сглотнула и помотала головой.

— Нет. — *Погодите, может быть, мне следовало сказать «да»? Он клиент моей мамы. Кажется, я видела его по телеку. На встрече выпускников...* — Я немного испугалась, вот и всё. Какой-то парень ворвался в мой дом!

— Грабители не носят костюмы.

— Мне как-то было не до оценки его одежды.

Дилан очень медленно покачал головой, как бы говоря: *«Боже, пожалуйста, пусть это окажется неправдой»*. Похоже, он уже что-то для себя решил.

— Это отец моей девушки.

Дыхание сперло.

— Я твоя девушка.

Дилан заскользил по мне взглядом, по-прежнему не произнося ни слова. После того, как по моим расчетам прошла уже вечность, он смахнул прядь волос со своей брови и произнес:

— Прости. Я имел в виду бывшей девушки. — Но и в его первоначальном утверждении не было ошибки, даже если он сам того не подозревал. Тот мужчина был отцом его девушки. — Мне не по себе.

— Да, — ответил я, — мне тоже. Какой-то чувак так запросто зашел ко мне домой.

Ощущение неловкости сохранялось в течение следующего часа. Несмотря на то, что мы обсуждали конфигурацию нестабильного состояния транспортных потоков, я замечала в глазах своего парня вопросы, не имеющие отношения к нашей теме. Он спрашивал себя: почему Стивен Свифт оказался в моей квартире, что ему понадобилось здесь?

К тому времени как у нас закончилась китайская еда, у Дилана зазвонил телефон, и он посмотрел на дисплей экрана.

— Это Ханна, — произнес он без всякого выражения.

Сердце перестало биться и качать кровь. Только такое я могла дать объяснение возникшему в моем теле ознобу.

— Привет?

Мы с Диланом сидели очень близко друг к другу, и я могла слышать каждое произнесенное ею слово. Она плакала.

— Мне правда очень жаль, я не стала бы тебе звонить, но у меня не было другого выхода.

— Ханна, — произнес Дилан, — успокойся.

— ... Машина не заводится. Кажется, аккумулятор сдох. А мамы нет в городе.

— Что случилось?

— Отец, — всхлипнула она. — Мне позвонили. Мой отец попал в автомобильную аварию.

Боже мой. Папа. Папа.

— Ладно. — Голос Дилана доносился откуда-то издалека, но звук был обволакивающим, словно теплое одеяло. — Всё будет хорошо. Я сейчас приеду и отвезу тебя в больницу.

Не осознавая этого, я кивала головой, соглашаясь. *Всё будет хорошо. Он отвезет меня в больницу.*

Дилан повесил трубку и посмотрел на меня.

— Ситуация становится всё чуднее. Отец Ханны попал в автомобильную аварию.

Должно быть, это случилось сразу после его ухода.

Я сплотнула. Неужели после столкновения с Диланом, он чувствовал себя сильно расстроенным и в результате попал в аварию? Если да, то это только моя вина. Это я не предупредила его, что мой парень является бывшим парнем моей сестры. Это я нарушила всевозможные правила, из-за которых последствия посыпались ему на голову.

— Возьми меня с собой, — выпалила я.

— Что? — Он рассеяно покачал головой. — Нет, Тесс. Я лишь отвезу Ханну в больницу к отцу.

Голова снова пришла в движение, я кивала, будто бы в этом был какой-то смысл.

— Да. Возьми меня с собой. — И мне нужно сообщить маме. Она встретит нас там.

— Нет, — повторил Дилан. — Это глупо.

В ту же секунду реальность обрушилась на меня. Конечно. Конечно, это глупо. Ни мама, ни я не могли навестить отца в больнице, как не могли прийти к нему на работу или домой. Мы ни те члены семьи, которые имеют право находиться у его постели. Я опустила голову с горящим от стыда лицом. Точно, точно. Прямо сейчас мой парень мог поехать к моему отцу, а я нет. Только не я.

Дилан хмуро посмотрел на меня, абсолютно неверно истолковывая полный муки взгляд, который вне всякого сомнения отразился на моем лице.

— Тесс, не усложняй всё. Я только отвезу ее в больницу. Между мной и Ханной всё кончено. Перестань, ты же не ревнивица.

— Да? — усмехнулась я просто потому, что в противном случае разрыдалась бы. — Никогда в жизни я не ревновала к Ханне сильнее, чем сейчас.

Дилан нахмурился, а потом, во второй раз за сегодняшний вечер, сделал глубокий вдох и покачал головой.

— Сейчас у меня нет времени на этот разговор. Ты ведешь себя мелочно. Мне надо отвезти Ханну в больницу. — Он схватил свои вещи и ушел.

Я плюхнулась на диван. Я не была мелочной. Мелочные бы возмущались всем тем вещам, которые имела Ханна. Мелочные бы негодовали за то, что Дилан будет с ней рядом, пока она навещает нашего отца.

Из головы не выходила мысль, что я стала причиной несчастного случая. Я была тому виной. Если бы я предупредила отца заранее, что встречаюсь с Диланом, если бы убедилась, что дверь заперта на замок, он не смог бы обнаружить нас... Все эти годы мы вели себя осторожно, никто, даже мои близкие друзья, Сильвия и Аннабель, не имели понятия, что знаменитый Стивен Свифт мой отец. Не случайно я редко приглашала друзей к себе домой. И у отца не было никаких причин ожидать, что сегодня я приведу Дилана. По взаимно молчаливому согласию с последнего обмена колкостями мы избегали друг друга.

О, Боже. Надеюсь, это была не последняя наша встреча. По телефону Ханна рыдала, она так четко и не сообщила, насколько серьезно пострадал отец.

Я вскочила и принялась метаться из стороны в сторону. Позвонила маме, но она не взяла трубку. Либо она забыла телефон в машине, либо во время выставки игнорировала звонки, что для мамы было в порядке вещей. Я отправила ей смс-ку.

«Папа в больнице. Автомобильная авария. Жду какую-либо информацию».

Мы можем прождать вечность. На подобную ситуацию не было составлено никакого плана. Лучшим источником информации был Дилан, но он считал, что я веду себя как ребенок. Возможно, если бы мне удалось связаться с мамой, она бы отговорила меня. Она

смогла бы объяснить мне, что у них с папой был план действий на случай, если он пострадает. Возможно, где-нибудь в его офисе телефон мамы занесен в каком-нибудь безопасном, не бросающемся на глаза списке контактов, с которыми можно связаться в экстренных ситуациях.

Но единственное, о чем я могла думать, — это последние слова, которые я швырнула своему отцу. О том шоке, полнейшем ужасе, который отразился на его лице, когда он увидел Дилана в нашей квартире. Я думала о том, что, независимо от того, какие отвратительные половинчатые отношения не были между нами, он всё же оставался моим отцом.

Дилан уехал за Ханной. Если я отправлюсь сейчас, вероятно, успею добраться до больницы раньше них. Не оставляя себе времени на размышления, я бросилась к машине и помчалась в больницу.

На стоянке я не увидела ни машины Дилана, ни серебристого БМВ. По-видимому Ханне удалось завести двигатель. Я рванула в отделение неотложной помощи, а затем к регистрационной стойке.

— Стивен Свифт? — задыхаясь, произнесла я.

Медсестра за стойкой кивнула и посмотрела на экран своего компьютера.

— Вы член семьи? — мягким голосом спросила она, не отрывая взгляд от экрана.

— Да. — Почему-то я думала, что слова застрянут в горле. Я только что нарушила самое главное правило из всех созданных. Но медсестра не попросила удостоверения личности. Ей не требовалось знать, кем конкретно мы друг другу приходимся. Кажется, ее это не волновало. Я нацарапала свое имя в журнале и направилась в указанную сторону.

Папа лежал на кровати с закрытыми глазами. Всё его лицо было покрыто синяками, а волосы и края ушей испачканы остатками запекшейся крови. Одна его рука была забинтована, а другая привязана к груди.

Вероятно, мне следовало уйти. Он не умирает. Он ранен, но с ним всё в порядке. Ему даже не подключили монитор сердечного ритма. Около его кровати не раздавался писк медицинского оборудования. Капельница не торчала из его руки. Мне следовало уйти. Мы можем увидеться позже. Я смогу извиниться и в другое время. Но вместо этого я осторожно подошла к нему, пытаюсь незаметно подкрасться словно к дикому животному.

— Папа? — прошептала я.

Его веки распахнулись.

— Тесс, — прохрипел он. Казалось, его глаза не могли сфокусироваться, скорее всего из-за обезболивающего. Вот почему они хотели, чтобы Ханна приехала. Ни для дежурства около его постели. Отца нужно было забрать домой. Как же глупо получилось. Глупо и опасно. Ханна и Дилан могли объявиться здесь в любую минуту.

— Мне так жаль, папа. Я должна была предупредить тебя о...

— Что ты здесь делаешь? — И хотя его голос еле звучал, тон оставался прежним. Это было против правил. Всё происходящее было против правил.

— Я хотела тебя увидеть! — Слезы застилали мне глаза. — Я очень переживала, что ты серьезно пострадал. Когда Дилан узнал, что ты попал в аварию...

— Тесс, ты должна уйти, — прервал он меня. — Ты не можешь находиться здесь. Ты не член семьи.

Не правда, хотелось выкрикнуть мне, словно я какой-нибудь капризный ребенок. Я безуспешно вытерла глаза, надеясь, что в его состоянии он не сможет увидеть их.

— Я ценю это, — продолжил отец. — Больше, чем ты думаешь. Но ты не можешь

находиться здесь. Возвращайся домой, Тесс. Я позвоню, как смогу.

Именно такие слова он говорит моей матери? *Я позвоню, когда смогу? Я разрешу вам стать частью моей жизни, когда получится?*

Временами мне не хочется быть его дочерью. Я не хочу сидеть дома, сжимая пальцы в кулаки, пока в то же самое время его настоящая дочь находится у его больничной койки. Возможно, этого достаточно маме, но не мне.

— Папочка, — прошептала я, и мой голос сорвался на последнем слоге. — Пожалуйста.

Он повернулся ко мне, и я увидела гримасу боли, искажившую черты его лица. Настолько тяжело ему было произнести следующие слова.

— Поезжай домой, Тесс, — сказал он твердо. — Я серьезно.

Я повернулась и выбежала из палаты.

Я едва могла видеть, куда иду, но когда я почти достигла выхода, автоматические двери разъехались, и Дилан с Ханной вошли в приемную больницы. Ее шелковистые светлые волосы выглядели выпрямленными и блестящими. Вокруг ее шеи был повязан цветной шарф, а полы ее дорогого белого шерстяного пальто распахивались, напоминая крылья ангела. Они не держались за руки, не обнимались, но всё внимание Дилана было приковано к ней. Я замерла.

Как и Ханна.

— Что она здесь делает? — выплюнула Ханна. Те же самые слова использовал наш отец. Они были правы. Что я здесь делаю? Зачем я пришла?

Дилан повернулся к Ханне.

— Узнай, что с твоим отцом. Я сейчас подойду.

Царственная и взбешенная, она пронеслась мимо меня прямо к стойке регистрации.

Рука Дилана схватила меня за локоть.

— Пойдем со мной. — Он провел меня через большие двери к главному входу приемного отделения больницы, где под накрытой широким навесом территории выстроились в ряд растения в кадках и скамейки. Там он опустил руку и на два шага отступил от меня.

Я обхватила себя руками, стараясь согреться, успокоиться и защититься, но ничто не могло оградить меня от выражения его лица. Дилан выглядел сбитым с толку, сердитым и потерянным.

— Какого черта, Тесс? Ты с ума сошла?

Я промолчала.

— Я сказал тебе оставаться дома. Мне нужно было подвезти друга в больницу. Вот и всё. Мы не сбегали вместе. У нас не было горячего перепихона. — Я никогда не слышала, чтобы Дилан так зло разговаривал со мной. Даже в том последнем письме, которое он мне отправил, после того как я его бросила. Даже когда сообщил, что я ему разбила сердце. Даже когда я сбежала от него на вечеринке братства.

— Итак? — подталкивал он меня.

Я ничего не предпринимала, чтобы защититься.

— Тебе лучше прямо сейчас сказать, о чем ты думаешь! Ты пугаешь меня.

Нечего рассказывать. Дилан думал, что я заявила сюда, предполагая, что он снова воссоединится с Ханной, если я не остановлю их. Это ужасно, да, но, правда, еще хуже. У меня не было причин находиться здесь. У меня не обнаружилось внезапного увлечения волонтерством. У меня не было соседки, которая бы поскользнулась в ванной, и её срочно

потребовалось бы доставить в больницу.

Дилан в недоумении покачал головой.

— Что происходит, Тесс?

Наконец я обрела дар речи.

— Ты рассказал Ханне, что мы видели ее отца сегодня вечером?

Он моргнул.

— Нет. Это не казалось... — Дилан затих, на его лице отразилось еще больше непонимания.

Я развернулась и пошла прочь от дверей, подальше от света грузового помоста. Я начала спускаться по тропинке, где было темно и тихо. Безопасно. Вдали от входа обнаружилась еще одна скамейка. Каменная урна рядом с ней была полностью заполнена окурками. Должно быть, персонал больницы устроил здесь курилку.

Дилан догнал меня. Я почувствовала его руку на своей и посмотрела в его голубые глаза, в которых светились мучающие его вопросы. На нем были надеты очки. Это был мой Дилан.

Я не оставила себе времени на раздумья. Не дала себе времени, чтобы сделать вдох. Слова слетели с моих губ прежде, чем я успела остановиться.

— Стивен Свифт мой отец.

Я никогда не произносила вслух эти слова. Я думала, грянет гром, почувствуется запах серы, но земля под моими ногами оставалась устойчивой. Моё сердце не перестало биться. Но потом я поймала взгляд Дилана. Он выглядел настолько ошеломленным, что я испугалась, как бы его очки не сползли с переносицы.

— Он мой отец, — повторила я. — Ханна моя сестра. Она этого не знает, но это правда. — У Дилана вырвался сдавленный звук, но, тем не менее, меня это не остановило. — Вот почему он оказался в моей квартире сегодня вечером. Чтобы увидеться с мамой.

— Твоя мама... и мистер Свифт...

Я не созывала пресс-конференцию и была здесь не для того, чтобы отвечать на вопросы.

— Никто не знает обо мне. Никто и не должен знать.

Если не считать того факта, что я только что рассказала об этом Дилану. Только что я нарушила все существующие правила.

С минуту он не спускал с меня глаз, пребывая в молчаливом шоке.

— Ты... ты знала, что я встречался с твоей сестрой? — Я дернула головой сначала вверх, потом вниз в некоем подобии кивка. — Не в этом ли причина...

— Нет! — закричала я. — Конечно, нет. — Мне хотелось произнести ту самую мантру, которую я повторяла себе всю эту ужасную неделю. *Мы с тобой встретились раньше. Сперва мы с тобой были вместе.* Но по какой-то причине слова лишь глухо прозвучали в ушах. Я шагнула вперед и прикоснулась к его груди. — Дилан, я люблю тебя.

Парень попятился от меня, словно я ударила его.

— Ты солгала мне. — Моя рука безвольно упала. — Ты лгала мне всё это время. Каждый раз, когда я говорил о Ханне, каждый раз, когда я упоминал ее семью... — Казалось, его всего трясло. — Ты лгала мне, как ни в чем не бывало.

Меня охватывал холод и жар одновременно. Такое чувство, что гигантский кусок горячего свинца поселился в моих легких, обжигая дыхание, опалая горло, вызывая кровотечение из глаз.

— Мне пришлось.

— Я никогда не лгал тебе, — парировал Дилан. — Никогда.

— Ты не понимаешь...

— А ты не давала мне такой возможности! — Его глаза источали лед. Они были холодными и безжизненными, словно я смотрела на ледник. — Ты должна была всего лишь мне довериться... Твою мать, Тесс. Вы *сестры*. Это...

— Что? — прохрипела я. — *Против правил?*

— Обычно да, — ответил он, словно это само собой разумеется. — Я не знаю, что и думать. Никто никогда не лгал мне подобным образом. Я не знаю, во что верить.

— Я только что рассказала тебе обо всем.

— Неужели? Ты лгала о себе, о том, кем являешься...

— Нет! — воскликнула я, мое сердце разбивалось на кусочки. — Ты всегда знал, кто я. — Его партнер по лабораторным, его первая любовница, его девушка, о которой он, не переставая, думал последние два года... Я не была маленьким грязным секретом Стивена Свифта. Я была лишь продуктом длительной лжи моих родителей.

Но всё это было уже неважно. Именно это читалось на лице Дилана. Он окинул долгим взглядом дверь больницы и произнес:

— Думаю, тебе лучше вернуться домой. Мистер... — На мгновение он запнулся, как бы решая, следует ли называть его моим отцом. — Травмы мистера Свифта не так уж опасны. Ханне сообщили по телефону, что его выпишут завтра утром.

— Дилан...

— Полагаю, ты должна сообщить о случившемся своей матери, — продолжил он. — Не могу поверить, что говорю это, но я... Мне, вероятно, следует вернуться к Ханне.

— Пожалуйста, — попросила я. — Ты не можешь рассказать ей. Ты не можешь рассказывать об этом никому.

Он смирил меня долгим и пронизывающим взглядом, от глубины которого, как мне стало казаться, я начала плавиться. Дилан по-прежнему был в очках, но уже не был моим.

— Да, Тесс, — в конце концов, произнес он. — Ты и из меня сделала лжеца.

И это, как я поняла, самая худшая вещь на свете.

Глава 23

На следующий день отца выписали из больницы, и он вернулся домой, но из-за сломанной руки некоторое время он не сможет водить машину и приехать к нам. Маме удалось встретиться с ним за обедом, но я его не видела, что, как полагаю, лучше для нас обоих.

— Он очень злится? — спросила я у нее.

Она пожала плечами.

— Это означает да?

Она снова пожала плечами.

— Мы с твоим отцом не пришли к взаимному согласию по этому вопросу. Он попал в больницу. Естественно, тебе захотелось его увидеть.

Вот только когда мне было восемь, и мне вырезали аппендицит, он не захотел навестить меня. Для отца поездка в больницу — не повод нарушать правила. На это я не стала указывать маме. Я лишь обрадовалась, что хотя бы раз в жизни она встала на мою сторону. По правде говоря, я никогда не видела, чтобы мама с ним не соглашалась. Что заставляло

меня задуматься, насколько сильной была его злость из-за Дилана, когда действие лекарств закончилось?

Кстати, с Диланом я тоже не виделась. Занятия в этом семестре закончились, и мы корпели над учебниками, готовясь к предстоящей сдаче экзаменов. Когда Сильвия позвонила и спросила, ставить ли мне смены на этой неделе, я попросила распределить свои часы работы между другими официантками. Как мне показалось, она пришла в восторг от этой идеи и моей загруженности учебной работой. Я понимала, что Дилан также с головой погрузился в учебу, но все-таки... Он не звонил и не писал.

Хотя, если быть честной, я поступала также. Я просто не знала, что сказать. Несколько раз я открывала электронную почту, чтобы написать е-мейл, но единственный текст, который приходил мне в голову, слишком пугал меня, чтобы выразить его словами.

Между нами всё кончено?

Меня постоянно мучил вопрос: как себя чувствовал Дилан после Корнелла, посылая мне письмо за письмом, сообщение за сообщением, но не получая на них ответа. Возможно, он решил, что такой поворот событий будет справедливым. Отсутствие контакта означает, что всё кончено. И я вполне способна быстрее него понять намек.

Разве что... Дилан так никогда бы не поступил. Именно я лгала, считая, что молчать лучше.

Спустя два дня после произошедших событий начался симпозиум. Проснувшись утром, я обнаружила письмо от Дилана.

«Тесс, извини, что не ответил тебе вчера. Длинная ночь. Просидел с нашими заметками для выступления. Надеюсь, ты тоже. К сожалению, утром я очень занят со своей учебной группой, но если хочешь провести репетицию выступления до вечера, могу встретиться с тобой в лаборатории «С» кафедры биоинженерии в два часа. Дилан».

Во время чтения его письма на том месте, где раньше билось мое сердце, лязгал кусок свинца. Я прикоснулась к своему кулону на шее. Хочу ли я встретиться с ним? В действительности ли мы будем репетировать? Или он воспользуется случаем и порвет со мной? Смогу ли я появиться на симпозиуме с не дающим мне покоя вопросом? Удастся ли мне провести вместе с ним презентацию, если он сообщит мне о нашем расставании?

«Дилан, я с удовольствием встречу с тобой до начала симпозиума, но не для репетиции. Тесс».

М-да, такое я не могу отправить. Вдруг он подумает, что я домогаюсь его? Я нажала клавишу «Delete» и снова начала печатать.

«Нет, думаю, что я готова к сегодняшнему вечеру».

Вот. Я нажала «Отправить». Надеюсь, я и правда готова.

*****

На симпозиум я приехала вместе с мамой. На мне был одет серый деловой костюм. Волосы я закрутила во французский узел, который, как мне казалось, делал меня старше и умнее. По словам мамы, я походила на сексуальную библиотечкару. Но когда я решила вытащить шпильки, она меня остановила.

— Образ сексуального библиотекаря, возможно, поможет с судьями, — заметила она.

В этом была вся моя мама. Никогда не давай месяцам напряженной работы и научной добросовестности встать на пути старой доброй сексапильности.

Дилан нас уже ждал в конференц-зале в костюме, который идеально на нем сидел. Я догадалась, что, должно быть, его выбирала Ханна, как и галстук, который только усиливал величие синевы его глаз. Когда я приблизилась к нему, напуганная тем, что могу прочесть по выражению его лица, мое сердце провалилось в желудок. Но Дилан встретил меня с мягкой уверенной улыбкой на лице, а затем поприветствовал мою мать.

— Миссис Макманн, — поздоровался он, пожимая её руку. — Я так рад, что Вам удалось прийти и поддержать нас. Мои родители, если бы жили ближе, тоже бы приехали.

— А как же иначе, — сказала мама. — Хотя предупреждаю: не могу обещать, что пойму, о чем вы говорите.

— Просто похлопайте, когда мы скажем «Спасибо», — рассмеялся парень.

Мама нашла свое место, а Дилан продолжил пристально сканировать толпу. Должно быть, здесь собралось свыше ста человек, плюс все студенты, ожидающие своего выступления.

Я перетасовала карточки с заметками и прочистила горло.

— Всё готово?

— Смотрю, твой отец не удосужился прийти сюда и поглядеть на твою победу.

Я повернулась к нему, но он по-прежнему не смотрел на меня.

— Это, должно быть, какая-то шутка?

Дилан повернулся ко мне, и я заметила, что под его спокойной внешностью проглядывалось волнение, скрывающееся в глазах.

— Нет, Тесс, обещаю тебе, что я никогда не позволю себе подобные шуточки.

Прежде чем я смогла придумать адекватный ответ, начались выступления участников. Я внимательно за всеми следила, сравнивая их работы с нашим проектом. Стиль изложения материала охватывал широкий диапазон представления, начиная с уровня научной ярмарки средней школы, включая любительские плакаты, и заканчивая новомодными остроумными гиф-анимациями. Мы с Диланом решили использовать для презентации PowerPoint. И когда подошла наша очередь выступать, мы поднялись на сцену с заметками и указателями.

Я первая взяла слово: представила нас, объявила тему и суть нашего эксперимента. Для продолжения этой части нашей презентации мы собрали ряд коротких видеороликов и фотографий проведенных подобного рода экспериментов и возможностей их применения в области возобновляемых источников энергии. В частности, в нашем опыте исследовался потенциал для небольших изменений микроструктуры потока жидкости³⁰ и его применение для повышения эффективности производства биотоплива из водорослей.

Когда Дилан взял на себя дальнейшую часть и приступил к обсуждению показателей, я покосилась на экран позади нас. От изумления у меня открылся рот.

На месте простейших линейчатых диаграмм, которые мы условились использовать для отображения динамики изменений данных на протяжении всего эксперимента, на экране демонстрировались подробнейшие трехмерные изображения в виде волнистых линий водорослей, вытягивающихся вверх и вниз вдоль числовой оси одновременно с произносимыми Диланом словами.

Он бросил на меня взгляд и продолжил говорить. Наша модернизированная презентация изменялась во время его рассказа о прорывах и неудачах, постигших нас на протяжении многих недель работы. Дилан сообщил, что данный проект основан на испытаниях, проведенных нами в Корнелле.

Снова наступила моя очередь выступать, и, проглотив удивление, я принялась

рассказывать присутствующим об областях, где наши результаты соответствовали или отклонялись от ожидаемых результатов. Я быстро бросила взгляд на экран, на котором демонстрировались анимированные изображения, соответствующие моим объяснениям. Взгляд слушателей скорее был прикован не к столь супер-увлекательному миру развития водорослей, сколько к трехмерной графике, которую мы использовали.

— И в заключении нашей презентации, — наконец произнес Дилан, — я бы хотел поблагодарить всех за внимание.

Где-то в зале мама, услышав последнюю реплику, принялась аплодировать. Но и остальные зрители тоже хлопали. Я не смогла сдержать улыбку, радуясь, что всё наконец закончилось.

Когда мы спустились по ступенькам со сцены, я покачала головой.

— Что это было?

Дилан же просто пожал плечами и, игнорируя мои тычки локтем, вышел из зала поговорить, в то время как симпозиум продолжился дальше.

Я думала, у нас появится возможность поговорить после завершения формальной части, но нас окружили профессора и другие слушатели, чтобы задать свои вопросы. Следующие полчаса мы подробно обсуждали и отстаивали нашу работу, особенно перед группой специалистов из «Кантон Хем», выразивших большое удивление выбору темы, которая не относилась к области биомедицины.

— Рискованно, — скептически произнес один из них.

— Напористо, — поправил другой.

Нам так и не удалось улучшить минутку для беседы наедине до тех пор, пока судьи не удалились для того, чтобы обсудить результаты и перекусить. Я миновала подносы с канапе и пластиковыми стаканчиками с вином, разыскивая своего партнера. Он был погружен в разговор с Кэтлин Гамильтон, вице-президентом «Кантон Хем», которую однажды приводил в «Верде». Мы проболтали добрых пятнадцать минут, прежде чем мне удалось оторвать от нее Дилана.

— Кажется, пришла пора поболтать, — заметил он, пока я тащила его в тихий угол.

— Откуда взялись эти графики? — надавила я на него. — Считаешь, что теперь имеешь полное право что-либо скрывать от меня? Из-за тебя я чуть там не напортачила.

— Графики появились благодаря огромной милости моей сестры, — со вздохом ответил Дилан. — У нее степень магистра в анимации, и большую часть прошедших полутора дней она провела со мной, по Скайпу помогая мне успеть вовремя их подготовить.

— Но зачем? — спросила я. — У нас были прекрасные диаграммы.

— *Прекрасные* не обеспечат тебе выигрыш в пять тысяч долларов, Тесс. — Он посмотрел на меня. — В прошлый раз, когда у тебя не было денег, ты не смогла учиться в Кантоне, и я потерял два года. Не хочу снова рисковать.

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба. Я думала, он ненавидит меня за мою ложь. Думала, он избегает меня, чувствуя себя обманутым. Но как выясняется, каждую свободную секунду Дилан посвящал нашему проекту, стараясь заработать нам победу. У меня не было слов. Я протянула руку и положила ее поверх его руки.

— Ты бы не потерял меня, — произнесла я. — Только не сейчас.

Но Дилан продолжал говорить, словно не слышал мои слова.

— И мы точно не должны позволять твоему отцу победить.

— Что?

— Всё это время я считал, что твой отец просто не платит алименты, и поэтому ты вынуждена учиться за счет стипендии. Но оказалось, что он куда хуже, чем просто мужчина, который не платит алименты.

В изумлении я уставилась на Дилана.

— Я думала, ты сердисься.

— Ты шутишь? Да я в *ярости*. — Его рука под моей ладонью сжалась в кулак. — Если бы моему отцу не пришлось брать выходные на работе, чтобы приехать сюда, он сейчас сидел бы здесь в зале.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю, что ты имела в виду. И теперь я понимаю, почему каждый раз, когда у нас случаются глупые ссоры, ты продолжаешь сомневаться в наших отношениях. Ведь ты не можешь положиться даже на своего отца.

— Это не...

— Твой отец живет в городе, здесь присутствует масса людей, он выпускник и спонсор Кантона, на его появление здесь никто даже глазом не моргнул бы, но ты и я, мы оба, знаем, что он никогда бы сюда не пришел.

— Он попал в аварию... — Я замолчала. Голос прозвучал глухо. Почему я продолжаю искать оправдания для него?

— Ты ожидала, что он объявится?

— Нет, — призналась я.

— У него столько денег, и он не может выделить немного на твое образование. Ты каждый вечер работаешь, пытаешься заработать дополнительные деньги, помимо имеющейся у тебя стипендии, на учебу, ты живешь с мамой, хотя это вовсе необязательно. Я был в доме твоего отца. Ему удалось найти пять тысяч долларов на диванные подушки.

— Да, — согласилась я, — но я могу получить от него деньги, только если буду следовать его правилам. Именно поэтому два года я проучилась в государственном университете.

— Так вот оно что, — прошипел Дилан. — Я так и подумал. Почему он не хочет, чтобы ты училась в Кантоне?

— Слишком дорого.

— Ложь.

Я кивнула. Да, так оно и было. Я знала об этом и в восемнадцать лет.

— Ты знаешь причины.

Дилан некоторое время ничего не говорил, а затем произнес:

— Ты же понимаешь, что продолжаешь соблюдать его правила даже после того, как вернулась сюда.

Я почувствовала себя так, словно у меня весь воздух выкачали из легких. *Нет*, захотелось крикнуть мне. *Я нарушила правила, встречаясь с тобой, я нарушила их, отняв парня у Ханны, нарушила их, когда в тот вечер поехала в больницу.*

— Это другое. Кантон — это для меня. Он то, что я хочу для своей жизни. Разоблачение же затронет жизнь отца.

— Чушь, — фыркнул Дилан. — Он всю твою жизнь заставлял тебя лгать, чтобы уберечь свои деньги, которыми он даже не делится. Он использует тебя, твою мать, Ханну и ее мать... — Парень сжал челюсти. — Он лжец, Тесс. И из-за него мы оба превратились в лжецов. Речь идет и о наших жизнях тоже.

Судьи вернулись на сцену. Вспыхнул свет, подавая знак, что судьи готовы объявить результаты.

— Скажи мне, — прошептал Дилан мне на ухо, когда шум начал стихать, — что плохого случится с тобой, если все узнают ваш секрет?

— Я потеряю его. — Вот она, правда. Единственная правда за всю мою прожитую жизнь во лжи. — Я понимаю, что ты не считаешь его хорошим отцом, но он единственный, который у меня есть. — Я заметила маму, приближающуюся к нам с бокалом вина в руке. Она улыбалась мне. Моя мать так гордится мной. Моя такая слабовольная мама. — И она тоже потеряет его.

Дилан проследил за моим взглядом.

— Справедливо, — ответил он. — Ты можешь принимать решения только за себя, а не за маму. Но, возможно, пришло время и для твоей матери определиться с выбором.

По залу пронесся металлический скрежет из микрофона, который настраивала доктор Кавел. Вокруг наступила тишина.

— Я хочу поблагодарить всех вас за участие в этом вечере.

Моя мама встала рядом со мной и, наклонившись, спросила:

— Это один из твоих профессоров? Она очень красивая.

— Да, мама, — ответила я, закатывая глаза. — Плюс ко всему, у нее степень доктора философии,³¹ и она является обладателем стипендии фонда Альфреда Слоуна.

Уголкем глаза я заметила застывшую фигуру Дилана. Я практически слышала, как кусочки мозаики в его голове встают на свои места. В конце концов, он понял, почему его мнение о моей внешности льстило мне, но я не считала его важным.

Я думала о том, что мама будет делать без помощи отца. Ей придется серьезнее относиться к своему искусству или к работе, за которую она возьмется. Я вспомнила о том времени, когда встал вопрос о поступлении в государственный университет, а не в Кантон. Тогда мама приняла сторону отца... Я вспомнила о том, что она сказала после того, как отца, который всё еще злился на мой визит к нему, выписали из больницы. *Мы с твоим отцом не пришли к взаимному согласию по этому вопросу.* Может быть, действительно пришло время перемен?

— Как вы знаете, — начала доктор Кавел, — симпозиум научных проектов в первом семестре является одним из самых престижных конкурсов для студентов факультета биоинженерии Кантона, и я очень рада, что в этом году урожай работ был одним из самых конкурентоспособных и впечатляющих. Каждый студент, который представил сегодня свой проект, может чрезвычайно гордиться проделанной работой и вкладом в эту развивающуюся область. Я с нетерпением ожидаю увидеть, какие проекты вы нам продемонстрируете в новом году.

В зале раздались редкие аплодисменты.

— А сейчас наступил тот момент, которого вы все ждали. Победителем симпозиума, и обладателем чека на пять тысяч долларов становится... — Она сделала паузу. Я глубоко вдохнула. Дилан схватил меня за руку. — ...Элейн Сан, за свою работу «Адресная доставка лекарств с помощью наночастиц в область предстательной железы, пораженной раковыми клетками с использованием мини-антител PD-36».³²

Все кости в моем теле превратились в желе. Я съёжилась. Моя рука, находящаяся в руке Дилана, вспотела. Мы проиграли. Мы проиграли?

— Похлопай, — прошептал он. — Она же твой друг.

И я начала хлопать. Слезы жгли мне глаза, пока я приветствовала Элейн. Она вышла на сцену с сияющей улыбкой на лице, которую я ранее никогда не замечала у нее, чтобы получить награду и конверт с чеком. Она и доктор Кавел позировали фотографам.

Я была рада за нее. Конечно, рада. И, разумеется, я не собиралась вести себя как жалкий неудачник, подобно тому, как вела себя она, когда проиграла Дилану на первом курсе. Элейн тоже надрывала свою задницу, и она заслужила награду. Она победила в честной борьбе, предоставляя нам свое время в лаборатории, когда это было необходимо. Ее вины в нашем проигрыше не было.

Сзади к нам подошел профессор Юэ.

— В следующий раз вам повезет. У вас отличная, достойная победы презентация, но биотопливо — камень преткновения в Кантоне. Половине судей из «Хем» плевать на всё, что не имеет форму таблетки.

Я кивнула, стараясь сохранять лицо. Для большинства участников конкурса проигрыш — всего лишь незначительное разочарование. Для них это одно небольшое важное выступление, которое никак не повлияет на резюме. Проиграв, они просто вернуться к подготовке к выпускным экзаменам.

Куда тяжелее готовиться к выпускным экзаменам, если не имеешь представления, где достать деньги на учебники. Мне придется взять перерыв на семестр. Это единственный вариант. Я могла бы получить работу в нескольких местах, накопить деньги, возможно, мне позволят сохранить стипендию. Может, мне удастся взять еще кредит. Или несколько.

Аплодисменты все продолжали и продолжали звучать, перерастая в овации, одновременно с усиливающимся гулом в моих ушах.

— Хочешь убраться отсюда? — спросил меня Дилан, но я едва могла разобрать его слова.

Я в отчаянии покачала головой. У меня нет времени, чтобы побыть со своим парнем и обсудить с ним, что делать дальше. Это путь в никуда. Я оказалась в тупике.

Я отстранилась от него, пробормотала маме, что встречу с ней дома, и покинула зал. На улице шел дождь, с неба хлынули холодные промозглые капли. Я села в машину, сорвала пиджак и выдернула все эти шпильки. Красивый прикид не помог: ни образ сексуальной библиотечарши, ни анимированная графика, ни безупречность науки. Если они хотели вручить приз только биомедикам, то им следовало прописать это в правилах.

Глупый Кантон и их идиотские дорогие, самые лучшие в стране образовательные программы. Как же я их ненавидела. Они меня и погубили. Все фантазии Дилана о звездной паре ученых вылились в то, чем они были на самом деле — мечтами. Даже со стипендией я не могла позволить себе обучение в Кантоне. А Колорадо? Ха. Летом мне придется вкалывать на двух работах, чтобы выбраться из дыры, в которую я себя закопала за один семестр. А впереди маячил весенний семестр, с новыми книгами, новыми тарифами, новыми счетами.

— Мне понадобятся три работы, — выезжая из кампуса, пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь. Я должна бороться, верно? Даже если мне придется потерять семестр, даже если придется жить с мамой, я сделаю всё, чтобы закончить учебу в Кантоне. Даже если придется пахать на трех работах.

Лучше поздно, чем никогда, верно? В последнее время я халатно относилась к своей работе в «Верде», сосредоточив свое внимание на учебе, а не на работе. О, кого я обманываю? Я прогуливала работу, только когда занималась с Диланом. Я оправдывала себя

тем, что, если мы с Диланом будем работать достаточно усердно, то выиграем конкурс, и мне удастся компенсировать все упущенные чаевые.

Что ж, пришло время посмотреть правде в глаза. Таким как я не везет. Нам с Сильвией суждено обслуживать столики, выступать в кафе кампуса и никогда не уезжать из этого города в Нью-Йорк, Нэшвилл, Лос-Анджелес или где там востребованы певцы. Мы как моя мать, которая клянется в любви к искусству, но довольствуется красотой.

У меня всё еще может быть Кантон, если я не позволю ему сломить меня.

Зачем тратить время? Я должна заработать много денег, но оставалось слишком мало времени. Возможно, сегодня вечером в «Верде» не помешают лишние руки. Я развернулась и поехала в ресторан. И плевать, что моя форма осталась дома. Кого волновало, что на мне вместо стандартной обуви официантки шпильки? Я идиотка, ожидающая, что моя жизнь в Кантоне будет сказкой, состоящей из вечеринок после научных конференций. Меня дожидались уборка столиков и подача напитков.

Как только я зашла в ресторан, Сильвия рванула в мою сторону.

— Что ты здесь делаешь?! — произнесла она себе под нос. — Я сказала тебе не приходить.

Я скорчила рожицу.

— Нет, ты сказала, что на этой неделе тебе не понадобится моя помощь.

В атриуме на праздники все деревья были украшены блестящими нитями из струящихся гирлянд.

— Это был явный намек, — ответила она. — Теперь уходи отсюда, да поживее, пока она тебя не заметила.

— Кто? — спросила я, но затем увидела ее, сидящую в кабинке с прямой спиной, со струящимися словно жидкое золото волосами.

Ханна.

Глава 24

— Она заявила сюда и стала спрашивать о тебе, — начала Сильвия, заламывая руки. — Она приходила и вчера. Я не могу избавиться от нее. Она вежлива и постоянно что-нибудь заказывает. Билл говорит, что, если она не устраивает сцен, мы не можем отказать ей в обслуживании.

Я посмотрела вверх кабинок, заполненных нашими клиентами. Сегодня в ресторане было затишье. Большинство посетителей, вероятнее всего, сейчас заняты подготовкой к экзаменам.

— Что ж, — произнесла я, — она постоянный клиент.

Ханна заметила меня, но не помахала мне, не улыбнулась. Она просто сидела, словно принцесса, ожидающая принять посетителей. И, да поможет мне Бог, я направилась к ней. Я сжала серебряный кулон как талисман, словно он мог защитить меня от ее гнева. У меня никогда не было намерений причинить ей боль.

— Тесс, не делай этого, — упрашивала меня Сильвия. — Я серьезно. Что если у нее в сумочки мензурка с кислотой?

Я отмахнулась от Сильвии, незаинтересованная в ее теориях, и подошла к кабинке.

— Здравствуй.

— Привет, — ответила Ханна. — Присядешь?

Я скользнула на стул и уселась напротив нее. Как странно находится так близко рядом с ней. Ханна была меньше меня ростом и более худой. С изумительно нежной, как персик, кожей, с прямыми волосами, напоминающими капли дождя, и с такими похожими на мои глазами. При взгляде на них у меня возникло чувство, что я смотрюсь в зеркало.

— Итак... — начала я. — Моя подруга считает, что ты пришла напасть на меня за то, что я отбила у тебя парня.

Едва заметная дрожь скользнула по ее утонченному аристократичному лицу, но она исчезла в одно мгновение.

— А ты как считаешь?

— Я не знаю. Не думала, что ты знаешь, где я работаю. — И я точно не понимала, как на это реагировать. Большую часть своей жизни я считала чрезвычайно важным, чтобы Ханна Свифт никогда не задумывалась обо мне.

— Дилан сказал мне. Он многое мне рассказал о тебе. — Она издала тихий ироничный смешок. — Я должна была знать, не так ли? — Она махнула рукой, подзывая официанта. — Хочешь чего-нибудь выпить? Каждые полчаса я обязана что-нибудь заказывать, иначе меня выставят за дверь.

— Ханна, что тебе от меня нужно?

Девушка лишь улыбнулась нашему официанту, пареньку по имени Фил, которого я не очень хорошо знала, и заказала два чая со льдом. После того, как он ушел, она слишком долго переключала коктейльные салфетки на столе.

— По-видимому, ты много времени провела здесь, разыскивая меня, — продолжила я.

— Я не знаю, чего хочу, — резко ответила она, по-прежнему не поднимая взгляда. — Мне хочется тебя ненавидеть, наверное.

— Справедливо.

— Неужели? — Ханна подняла голову с печальной улыбкой на лице, но как только наши глаза встретились, эта улыбка растаяла. — Видишь ли, последние несколько месяцев были жуткими для меня. Я не попала ни на один из курсов, который хотела посещать, я полностью провалила промежуточные экзамены, у меня огромные проблемы со здоровьем и ко всему прочему какая-то стерва украла у меня парня.

— Мне жаль, — произнесла я.

— Насчет чего именно? — Она приподняла брови.

— Насчет всего. — Мне хотелось добавить, что я сожалею о ее проблемах с учебой. Если бы я узнала о них раньше, то абсолютно точно смогла бы ей помочь. Хотя нет, вряд ли. Я бы не посмела. Не забывайте о правилах.

Но мне следовало.

Фил вернулся с нашим холодным чаем и тарелочкой с лимонами, за которыми мы с Ханной одновременно потянулись. Костяшки наших пальцев соприкоснулись, и я отдернула руку. Она взяла два кусочка, а затем толкнула тарелку ко мне. Пока я хватала остальные дольки, мой пульс ускорился.

Ханна тоже любила пить чай с лимоном.

— Так что, — продолжила она, выжимая лимон в свой напиток и наблюдая за мной, проделывающей то же самое, — мои проблемы со здоровьем заставили меня задуматься, насколько порой жизнь складывается дерьмово. Следует ценить всё то, что у тебя имеется, и стараться не заводить новых врагов. — Она сделала паузу. — И даже если я хочу ненавидеть девушку, которая увела у меня парня, я, вероятно, должна попытаться узнать свою сестру.

Я подавилась чаем.

— Ты... откуда ты...

— Дилан сказал мне. В ту ночь после того, как мы уехали из больницы. Не сердись.

— Он обещал...

— Я заставила его признаться, — спокойным тоном произнесла Ханна. — По правде говоря, я догадывалась, да и лжец из него не ахти какой.

Нет, конечно, он не лгун.

— Ты подозревала?

Она довольно долго молчала, уставившись в свой чай.

— Я знала, что отец еще до моего рождения изменял моей маме. Она давным-давно рассказала мне об этом. Они почти разошлись, но потом мама забеременела.

Стоп. Давай вернемся к ненависти ко мне.

— Я решила, что на этом всё. Но в тот вечер ты оказалась в больнице. Когда я зашла, чтобы проведать отца, он находился под воздействием лекарств, ему казалось, что я — это ты. Он всё повторял и повторял, чтобы я ушла, при этом называя меня Тесс. Он постоянно произносил чье-то имя, наверное, твоей матери. Так что я погуглила...

— Ты погуглила?

— Знаешь ли, я умею пользоваться поисковыми сервисами. У меня всего лишь проблемы с математикой. — Ханна нахмурилась. — Я знала твое имя. Узнала ее. Я раньше видела ее картины и признала несколько из них. У моего отца висят похожие в кабинете.

— Серьезно? — Так не похоже на него. Это не вяжется с правилами.

— Поэтому я направились туда. Ты знаешь, что он еще держит в своем офисе? Я знаю, потому что видела всё. Я сказала его секретарю, что мне необходимо взять кое-какие документы для его врача. Короче, я нашла твою фотографию. На ней ты помладше, возможно, она была сделана во время твоей учебы в средней школе. Но я тебя узнала.

Это определенно не похоже на соблюдение правил!

— Это та, на которой хвостик сполз на бок?

— С прыщом на носу, — закончила Ханна немного радостно. — И твои глаза. У тебя глаза Свифтов.

Я закрыла эти самые глаза, не в силах выносить обвинение на ее лице.

— Так что бы *ты* сделала, Тесс? — Я открыла глаза, которые были так схожи с её, и встретила с ней взглядом. — Мне хочется ненавидеть тебя за то, что ты отбила у меня Дилана. Мне хочется ненавидеть Дилана, потому что он бросил меня. Но вы, ребята, соскочили с верхней строчки моего хит-парада. Прямо сейчас я больше всего хочу ненавидеть своего отца.

«Прости» — недостаточно подходящее слово.

— Я не должна разговаривать с тобой, — проямлила я. — Никогда

— Это смешно, — сказала она. — Ты не имеешь ни малейшего представления, насколько безумно для меня слышать подобные слова.

Когда о правилах говоришь вслух, они действительно звучат дико. Я вспомнила, как Сильвия высмеивала меня вот в этом самом ресторане, когда я осмелилась упомянуть про правила.

Когда между нами снова повисла тишина, я начала помешивать соложкой напиток. Правила пошли ко всем чертям, но при этом я чувствовала себя совсем не так, как предполагала. Когда настанет та часть, в которой мы с Ханна обнимаемся, делаем друг другу

прически и сплетничаем о парнях... парнях, с которыми мы обе не спали?

— Я не была влюблена в него, — произнесла она наконец. — В Дилана, я имею в виду. Думала, что да, но теперь знаю, что такого не могло быть, потому что он не любил меня. Предполагаю, что он всегда был влюблен в тебя.

Она замолчала, словно ожидала от меня ответа. Но я не произносила ни слова. А что мне оставалось, трепетать от этого признания? Я уже и так это знала, с тех пор, как Дилан честно рассказал мне об этом. И я здесь не для злорадствований.

— Он сам мне признался. Как только я поняла, что он не просто так бросил меня, а бросил ради своего партнера по лабораторной. Он принес извинения и сказал, что всегда был влюблен в тебя. — Ханна окинула меня взглядом, оценивая каждый дюйм. — Я постоянно себя спрашиваю, не по этой ли причине он стал встречаться со мной? Не из-за того, что в какой-то степени я напоминала ему тебя? Хотя, не думаю, что у нас есть много общего.

Блистательная гламурная девочка и ее внебрачная ботаничка-сестра? Конечно, нет.

— Когда мы познакомились, я узнала тебя по твоим глазам, — наконец сумела выдавить из себя я.

— Ты уже знала, что искать, — отрезала она и отпила чай. — Но ты так и не ответила на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Что бы сделала ты на моем месте?

Я крутила соломку в холодном чае, давя ею ломтик лимона, пока он не утонул.

— Не знаю, Ханна. Я понятия не имею, каково это, быть тобой. Я понятия не имею, каково это, иметь отца, который каждый день лжет. Отец... — Она вздрогнула, и я замялась. Да, мы были еще не готовы к тому, чтобы я его так называла. — Твой отец... он отвёл мне роль соучастницы.

— А я жертва в вашем сценарии?

— Я не то хотела сказать...

— Нет, это справедливо, — признала Ханна, а затем нахмурилась, как будто ее чай был слишком кислым. — Я знаю, что сделаю в первую очередь.

Я замерла в ожидании.

— Я уеду из города. И не вернусь в Кантон на следующий семестр. Я отучилась два с половиной года, но до сих пор не могу определиться со специализацией. Мне необходимо на какое-то время уехать, разобраться во всем этом дерьме. Учеба. Парни. Семья...

— Звучит неплохо, — понимающе кивнул я.

— Да, — подтвердила она. — Подумываю о Европе.

— Как ты можешь это себе позволить? — Как только эти слова слетели с моих губ, мне захотелось отрезать себе язык.

Она смотрела на меня со смесью изумления и жалости. Пропасть между нами непреодолима. Ханне никогда в жизни не приходилось беспокоиться об оплате счетов.

— Вот почему я здесь, — сказала она вместо ответа. — Отчасти.

— Отчасти? — Я не была уверена, что у нас есть еще какие-то темы для обсуждения, это итак был самый странный разговор в моей жизни.

— Я уезжаю. И, вероятно, мы не увидимся какое-то время. Четыре месяца? Шесть? И прямо сейчас я тебя очень сильно ненавижу. Но, может быть, как только я вернусь... — Ханна издала короткий ироничный смешок и продолжила: — Однажды, когда я устану от

общества изрядной доли испанских парней, чистящих бассейн, и швейцарских лыжных инструкторов и совсем забуду, что этот придурок Дилан встречается с тобой...

Я чуть не втянула холодный час себе в нос. Моя сестра забавная. Она отвела взгляд, посмотрев куда-то вдаль, и ее голос понизился на несколько октав.

— Быть может, к тому времени я буду готова узнать тебя получше, — произнесла она, пожав плечами. — Если ты сама этого хочешь, конечно.

Я подумала о фильмах ужасов, упомянутых на ее страничке на Фейсбуке. О друзьях, которые по мнению Дилана, не понимали ее. О моем желании стать для нее тайным донором костного мозга, если бы она действительно была серьёзна больна.

— Мне бы хотелось, — произнесла я очень тихо. Мой нос покраснел, а глаза наполнились слезами. — Я на самом деле этого хочу.

— Ну, тогда хорошо. — Ханна сложила салфетку, а затем снова ее развернула. — Это всё, для чего я пришла... Кроме одного. Дилан сообщил, что ты учишься на стипендию, но для учебы тебе её не хватает.

— Да.

Ее изящные розовые губы сложились в тонкую линию.

— Папа оплатит твою учебу.

— Я больше не хочу жить по его правилам, — ответила я. Слова дались мне легче, чем я могла подумать. Если бы здесь был Дилан, он бы непременно сказал: «Потому что это правда». Деньги отца приходили с правилами, и я их соблюдала. Но сейчас я находилась вместе со своей сестрой, и она хотела попытаться наладить наши отношения. Не этого ли боялся отец?

Ханна закатила глаза.

— Это не его правила, — произнесла она. — Они мои. Я пришла к отцу и сообщила, что мне обо всем известно. Я предупредила его, что, если он откажет тебе в такой же поддержке в обучении, которую он оказывал мне, я сообщу маме о существовании у него ребенка от любовницы. — Она замолчала. — Я имею в виду... от твоей мамы.

Мои глаза расширились, и сердце заколотилось от одной только мысли. Не само слово взволновало меня. Моя мать — его любовница. Разве не это я повторяла себе тысячу раз? Но если мама Ханны узнает, если об этом всем станет известно... Моя мама, может, и любовница Стивена Свифта, но она тоже его любит. Правила были не только для меня.

— Пожалуйста, не делайте этого.

— А что бы на моем месте сделала ты, Тесс? — повторила Ханна.

Я знала, что сделала бы. Я знала, потому что и так это делала. Я следовала правилам. Я молчала. Я не спорила с родителями, когда они спланировали против меня. Я действовала как мама, потакая желанию отца скрывать правду, удерживать меня подальше от Кантона. Я чуть не позволила им навсегда угробить наши отношения с Диланом.

И с меня хватит. Я изменилась, рискнула, вызвала гнев своего отца, поступила в колледж своей мечты. Я девушка, отказавшаяся следовать по стопам своих родителей. Я отказалась встать на путь предательства и лжи, когда речь зашла о Дилане. Я прекратила играть по старым правилам. Я полна решимости создавать свои собственные.

— К тому же, — добавила Ханна, — ты и я, мы обе знаем, что учеба в Кантоне стоит намного меньше, чем он потеряет, если мама закатит скандал или начнет бракоразводный процесс.

— О чем ты? — спросила я. — Разве она не заставила его порвать с моей мамой?

— Да, и в прошлый раз это хорошо сработало, — усмехнулась Ханна. — Ты не видела моих родителей в действии. Поверь мне, я точно знаю, когда дела становятся хуже.

Моя сестра была в какой-то мере безжалостной. И мне вроде как это нравилось.

— Но что если он отыграется за это на тебе? — беспокоясь, спросила я у нее. — Отберет у тебя деньги на учебу или... на поездку в Европу? — Я неопределенно махнула рукой, имея в виду воображаемые шале и лыжных инструкторов.

Ханна рассмеялась над моими словами, качая головой.

— Тесс, у меня есть трастовый фонд в миллион долларов, оставленный мне бабушкой и дедушкой, которые, как я предполагаю, являются и твоими бабушкой и дедушкой. Так что отец лишил тебя значительной части денег. По крайней мере, он может оплатить твою учебу.

У меня не было слов. Миллион долларов? Я готова была бросить учебу из-за пары тысяч.

— Это очень похоже на шантаж.

— Это и есть шантаж. Но не так ли отец поступал с тобой?

На этот раз мы с Ханной диктуем условия. Создаем правила. Ханна и я. Сама идея такого тандема казалась невероятной.

— Он должен тебе, Тесс. Он должен вам намного больше, но это лишь начало. Пожалуйста, прими его деньги.

Я внимательно изучала свою сестру.

— Ты понимаешь, что твое поведение не соответствует словам о сильной ненависти ко мне?

— Давай попробую еще раз, — сказала Ханна. — Пожалуйста, прими их... сучка?

Я засмеялся, и на мгновение мне показалось, что Ханна тоже смеется, но когда она кинула взгляд на что-то за моей спиной, ее благодушное настроение испарилось, оставляя вместо себя саднящую боль.

Я обернулась. Но то, что увидела я, только наполнило мое сердце счастьем. Это был Дилан, стоящий в дверях ресторана и наблюдающий за нами.

— Полагаю, мне пора, — произнесла Ханна и позвала официанта.

Я остановила ее.

— За счет заведения.

Она кивнула и поднялась со своего места. Я подумала, что, возможно, нам следовало обняться или пожать друг другу руки или еще что-нибудь, но ничего из этого не случилось. Слишком рано.

И, тем не менее, это произошло на самом деле. Я сидела и разговаривала с Ханной Свифт целых полчаса. И хотя было крайне болезненно, ужасающе неловко и очень, очень странно, но мир не прекратил своего существования. Он лишь увеличился, надувшись в воздушный шарик таких больших размеров, что я испугалась, что он может сорваться с веревочки и улететь.

Я наблюдала, как она направляется к выходу. Дилан встретил ее на полпути. Они быстро обнялись, и она сказала ему что-то, чего я не смогла разобрать. А потом она ушла. Я переживала за нее. Ханна не была влюблена в Дилана, но ей по-прежнему было больно. И я ничем не могла ей помочь. Пока не могла.

Я бросила несколько купюр в качестве чаевых на стол — во мне все еще говорила официантка, даже если мы заказали всего лишь два холодных чая — и встретила Дилана в

проходе между деревьев. Похожие на свет звезд белые и золотые огоньки гирлянд освещали нас. Я и забыла, насколько красивым может быть «Верде».

— Я повсюду тебя искал, — начал Дилан. Его черные волосы спутались и намокли из-за измороси на улице. Пальто в районе плеч промокло, словно он попал под дождь. Прикоснувшись к этим плечам руками, я почувствовала, какие они холодные. Но мне плевать. — Я искал в лаборатории, в твоей квартире. Твоя мама там, кстати. Наверное, надо ей позвонить и сказать, что с тобой всё в порядке.

— Я в порядке. — И так оно и было. На этот раз я действительно была в порядке. — Мне жаль, что я сбежала оттуда.

— Мне тоже, — произнес он. — Но, полагаю, тебе надо было быть в другом месте?

— Я не знала об этом, — ответила я. — Сильвия не предупредила меня, что она здесь и весь день меня разыскивала.

— Прости насчет этого. Я планировал рассказать тебе о Ханне. После презентации.

— Не извиняйся, — твердо сказала я. — Это... ей и мне это было нужно. — Я даже и не подозревала, насколько мы обе нуждались в разговоре.

Дилан сделал глубокий вдох.

— Хорошо. Кстати, Элейн искала тебя на банкете. Она переживает, что ты ее игнорируешь. И хотя по моему мнению она того и заслуживает, учитывая, как она обращалась со мной на первом курсе, я должен сказать, что сейчас ты выглядишь жалким лузером.

Забавно, но я совсем не чувствовала себя таковой. Сегодня я не победила в конкурсе, но все-таки заполучила самый ценный приз. Сестру. Жизнь без секретов. Дилана, в конце концов. Парня, который заставил меня не чувствовать себя грязным секретом и запасным вариантом. И это стоило ожиданий, стоило борьбы, стоило, чтобы пролить свет на всю ту ложь, которая так долго олицетворяла мою жизнь.

— Еще раз спасибо за всё, что ты для меня сделал, — произнесла я.

Дилан пожал плечами.

— Графики? Без разницы. Мой великолепный романтический жест в итоге не слишком помог, верно?

— Я не это имела в виду.

Дилан посмотрел на меня сверху вниз, и уголок его рта изогнулся в легкой улыбке.

— Я знаю, о чем ты.

Затем он наклонился и поцеловал меня, тем самым знаменуя начало моей новой жизни.

Эпилог

Шесть месяцев спустя

Дилан впихнул последнюю коробку в багажник автомобиля и захлопнул дверь.

— Кажется, это всё, что нам удастся вместить.

Я пожалала плечами. Майский солнечный луч отскочил от бампера автомобиля. Стоял чудесный день поздней весны, и семестр только что закончился.

— Не моя идея взять с собой целую коробку посуды.

— Желаешь провести всё лето без моей пахлавы? — подмигнул он мне из-под очков.

Я обхватила руками его талию.

— Хорошо, босс. Ты победил, — сдалась я и поцеловала кончик его носа.

Мы развернулись и, взявшись за руки, направились к моему дому. Сильвия и Аннабель, пришедшие вместе с Майло, чтобы попрощаться, дожидались нас на тротуаре. Прошлым вечером мы с Элейн устроили прощальный вечер. Она планировала провести лето за работой в «Кантон Хем» и, пока мы будем в отъезде, собиралась снимать квартиру Дилана в кампусе. По ее мнению, шанс на то, что он осенью вернется в нее, был мизерный.

— Вам нужно больше места, — сказала она.

— Не факт, что в следующем году мы будем жить вместе, — заметила я.

— Конечно-конечно.

Когда мы присоединились к моим друзьям, Сильвия спросила:

— Как далеко вы собираетесь сегодня заехать?

— До Кентукки, — ответила я. У нас в запасе имелось три дня, чтобы добраться до Колорадо. Мы планировали отдохнуть и насладиться видами сельской местности. К работе в «Соларикс» мы должны были приступить только на следующей неделе, поэтому у нас оставалось достаточно времени, чтобы добраться туда и устроиться.

— Дилан распланировал маршрут так, чтобы отведать все местные деликатесы.

Аннабель рассмеялась.

— Только не бери в рот одну из этих масляных фигур, хорошо?

— Не будь смешной, — ответил Дилан. — Они не для еды, лишь для красоты.

К нашей компании присоединилась моя мама.

— Уверена, что ничего не забыла? — спросила она. Родительница собиралась на учебу и держала в руках свой рюкзак.

— Это Колорадо, мама, а не край света. Уверена, в тамошних магазинах продается шампунь.

— Я же волнуюсь. — Она обняла меня. — Позвонишь мне?

— Не сомневайся.

Мама сжимала пачку двадцатидолларовых купюр в руке.

— На бензин, — сказала она, протянув их мне.

— Мама... — Ей эти деньги нужны на обучение. Мне хорошо известно, как дорого оно обходится. Ей предстояло отучиться несколько семестров, что получить степень магистра искусств в области педагогики.

— Пожалуйста, — попросила она. — Позволь и мне внести свой вклад.

Я взяла у нее деньги. Для нее много значила ее способность самостоятельно за всё платить, даже если это означало сказать «Прощай» спа и дизайнерской одежде.

— С тобой всё будет в порядке? Как-никак ты остаешься здесь одна, — спросила я у нее.

— Шутишь? — ответила мама. — Я так занята, не думаю, что у нас оставалось бы много времени для встреч.

И то правда. Удивительно, насколько большим становится мир, когда вы перестаете позволять ему вращаться вокруг человека, который хочет держать вас в тайне. В промежутках между друзьями, учебой и работой мы с мамой еле находили время, чтобы просто поужинать вместе. Конечно, сыграло свою роль и то, что большую часть ночей я проводила у Дилана. Наверное, Элейн права.

С прошлого декабря всё изменилось. Отец не слишком хорошо отнёсся к ультиматуму, предъявленному ему Ханной, но моя сестра категорически отказывалась уступать. Он мог орать на меня, на маму и, как я полагаю, на Ханну, но, что бы ни случилось, это не возымело

никакого эффекта. Впервые в жизни отца никто из нас не позволил ему настоять на своем. В конце концов, он выписал мне чек на достаточно крупную сумму, которая покрывала расходы на оставшиеся четыре семестра учебы, но при этом он мрачно добавил, что, если я промотаю все деньги, то больше ничего не получу.

— Полагаю, что за все эти годы, он так и не узнал тебя, — сказала мама. — Я никогда не видела, чтобы ты впустую тратила деньги.

Я сразу же открыла счет с высокой процентной ставкой, до тех пор, пока в деньгах не отпадет необходимость.

В январе вскоре после отъезда Ханны в Европу отец перестал навещать нас. Мама так и не рассказала, что произошло между ними, но у меня создалось четкое впечатление, что она тоже прекратила мириться с его правилами. Она начала работать целый день и поступила в вечернюю школу, чтобы закончить учебу. Меня переполняла гордость за нее.

Дилан оказался прав. Правда сделала нас свободными.

— Кажется, пора отправляться в путь, — произнесла я.

Еще раз обняв меня, мама поехала на работу. Сильвия и Аннабель последовали за ней после специального объятия с Майло, который так быстро вырослел, что, казалось, по возвращению осенью я его не узнаю.

Мы залезли в машину — Дилан первым вызвался сесть за руль — и всем помахали. Как только мы отъехали, я прикоснулась к серебряному кулону.

Дилан потянулся через консоль и сжал мою руку.

— Волнуешься?

— Да.

И он тоже волновался. Всё утро подпрыгивал как ребенок со сверкающими глазами и дразнящей улыбкой, которая не сползала с его лица. Его энтузиазм заражал. Впрочем, так было всегда. Я наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Осторожно, Тесс, — поддразнил Дилан. — Нам до отеля еще шесть часов езды.

— Тогда прибавь скорости, — прошептал я ему на ухо.

Только в двадцать один год мне удалось найти свою настоящую семью, понять, что никто, включая родного отца, не может запретить мне говорить, кем является моя сестра, как мне строить свою жизнь или кого мне поддерживать. В этом году мне удалось выбраться из клубка лжи, опутывающего мое детство. И всё благодаря Дилану. Для него я была девушкой, которая достойна того, чтобы правда всплыла наружу. Я стала его первой и единственной любовью. И только благодаря Дилану я поняла, что всё это реально.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Об авторе

Вив Дэниэлс — псевдоним, обласканной критиками автора Дианы Петерфроунд, за плечами которой девять книг для взрослых и подростков, которые охватывают весь спектр жанров от постапокалиптической фантастики до современных фэнтези про единорогов-убийц.

Под своим псевдонимом она пишет любовные истории, которые, как она надеется, вы тоже полюбите.

Вив проживает в Вашингтоне, в округе Колумбия со своим мужем (с которым она познакомилась в колледже), с дочерью и новошотландским ретривером по кличке Рио.

Подробную информацию вы можете найти на сайте vivdaniels.com

Notes

[

←1

]

Премия Коула присуждается Американским математическим обществом за выдающийся вклад в алгебру или теорию чисел, названная в честь Фрэнка Нельсона Коула.

[

←2

]

Стипендия Слоуна учреждена Альфредом Слоуном, генеральным директором компании General Motors, предоставляя возможность стипендиату два года заниматься в первую очередь исследовательской деятельностью, меньше отвлекаясь на преподавание.

[

←3

]

Имеется в виду льгота на обучение для местных жителей штата, которые имеют на нее право, если они платили налоги

[

←4

]

Игра слов: в англ. языке слово «date» переводится как свидание, так и финик

[

←5

]

EPA — Управление по охране окружающей среды США

[

←6

]

Sasti — веб-приложение, которое собирает статистические данные за определённые временные интервалы и позволяет отобразить их в графическом виде. Игра слов: sasti — сокращенное слово от cactuses, что означает кактус

[

←7

]

Чашка Пётри — прозрачный лабораторный сосуд в форме невысокого плоского цилиндра, закрываемого прозрачной крышкой подобной же формы, но несколько большего диаметра; применяется в микробиологии и химии.

[

←8

]

Биофотоника — научная дисциплина, изучающая явления и методики, связанные с

взаимодействием биологических объектов и фотонов

[
←9

]

Биомедики — это специалисты, занимающиеся биомедицинской инженерией, разработкой и применением технических устройств для биологических и медицинских исследований.

[
←10

]

Тепломассообмен — дисциплина, изучающая закономерности процессов теплообмена сопровождающихся переносом вещества, то есть, массообменом

[
←11

]

С итальянского языка «Верде» переводится как зеленый.

[
←12

]

Конфи — способ приготовления блюд во французской кухне: медленное томление продуктов (чаще всего птицы или мяса), полностью погруженных в жир, при низкой температуре.

[
←13

]

Адам Скотт — американский актёр кино и телевидения, известный своим участием в таких телесериалах, как «Скажи мне, что любишь меня», «Мастера вечеринок», «Парки и зоны отдыха».

[
←14

]

Тканевая инженерия — создание новых тканей и органов для терапевтической реконструкции поврежденного органа посредством доставки в нужную область опорных структур, клеток, молекулярных и механических сигналов для регенерации.

[
←15

]

Передвижение материалов (в том числе биохимических веществ и лекарственных средств) через биологическую систему на клеточном уровне. Перенос может осуществляться как внутрь клетки, так и наружу. Явления переноса имеет центральное значение для фундаментальных исследований, касающихся молекул, органелл и функции клеток, проектирования и эксплуатации биомедицинских приборов, в том числе доставке лекарств и генов, сигнальной трансдукции и тканевой инженерии.

[
←16

]

Константа диссоциации — вид константы равновесия, которая характеризует склонность объекта диссоциировать (разделяться) обратимым образом на частицы, как, например, когда комплекс распадается на составляющие молекулы, или когда соль диссоциирует в водном растворе на ионы.

[

←17

]

Фотоника — это область науки и техники, связанная с использованием светового излучения (или потока фотонов) в оптических элементах, устройствах и системах, в которых генерируются, усиливаются, модулируются, распространяются и детектируются оптические сигналы.

[

←18

]

кислый коктейль с ноткой миндаля

[

←19

]

Безалкогольный растворимый напиток, продающийся в виде порошка

[

←20

]

Рецина — греческое вино

[

←21

]

Мескаль — крепкий спиртной напиток, изготавливаемый в Мексике из брожённого сока агавы. На дне сосудов с этим напитком можно обнаружить белого червячка, получившему от мексиканцев ласковое прозвище «Хуанито».

[

←22

]

В университетах США в начале семестра есть примерно две недели, в течение которых студент может записаться на несколько предметов, походить на лекции-семинары и определиться, какие предметы он будет изучать, а какие нет.

[

←23

]

Имеется в виду житель университетского городка, не имеющий отношения к университету.

[

←24

]

Английская шуточная песенка, аналог русской «тили-тили-тесто, жених и невеста».

[
←25

] Генри Кавилл — английский актер, исполнивший роль Супермена в фильмах «Железный человек», «Бэтмен против Супермена».

[
←26

] Гаторейд — спортивный напиток, применяемый для восстановления жидкостей, теряемых организмом во время тренировок

[
←27

] Турнюр — модное в конце 19 в. приспособление в виде подушечки, которая подкладывалась дамами сзади под платье ниже талии для придания пышности фигуре

[
←28

] Биттер — группа алкогольных напитков, в которую входят горькие настойки и некоторые виды вермутов и ликеров. Биттеры обычно изготавливаются на основе экстрактов трав, корней, стеблей и листьев лекарственных растений, различных пряностей путём настаивания.

[
←29

] Кампари — аперитив.

[
←30

] Поток жидкости — это часть неразрывно движущейся жидкости, ограниченная твердыми деформируемыми или недеформируемыми стенками, образующими русло потока. Потоки, имеющие свободную поверхность, называются безнапорными. Потоки, не имеющие свободной поверхности, называются напорными.

[
←31

] степень доктора философии (по любым наукам) в западной системе ученых степеней и званий соответствует российской степени кандидата наук.

[
←32

] Доставка лекарств с помощью наночастиц — стремительно развивающееся направление в медицине и фармакологии. Данный метод доставки лекарств также носит название адресной, или таргетной, доставки. Его преимущество при лечении онкологии состоит в том, что противоопухолевые препараты оказывают массу побочных эффектов на здоровые

органы и ткани, а адресная доставка позволяет лекарству воздействовать непосредственно на опухоль, избегая негативного влияния на организм в целом.